

Выпуск № 3, 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2023. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житнев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2023. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.

Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E.M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetzkaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription

in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be
found on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

Андреева В.Г. Переписка Л.Н. Толстого и П.Д. Боборыкина: от писем 1860-х годов до избрания в академики	5
Андреева Е.Е. «Бытие-вместе» и распределенный субъект в текстах М. Еремина 2010-х годов	16
Киселёва И.С. Функции игрового поля в комедии Фрица Хохвельдера «Невиновный»	24
Мысовских Л.О. Особенности представления религии в жанре антиутопического романа первой половины XX века	30
Оксенчук В.Н. Типологические схождения в произведениях немецких и русских романтиков (На примере баллады Г.А. Бюргера «Ленора» и баллад В.А. Жуковского «Людмила» и «Светлана»)	38
Сырысева Д.Ю. Экзистенция смерти в романе Альбины Нури «Пятый неспящий»	45

Языкознание

Батуева Е.В. Лексическая полисемия в техническом английском тексте в сфере информационных технологий	54
Воронцова И.А. Эволюция методов конструирования тезаурусов от интуитивной компиляции к онтологическому инжинирингу (На материале английского языка)	64
Козачина А.В., Корепанова Е.В. Метафорическая модель «Спорт — это война» в японском спортивном дискурсе	74

История

Аветисян Ж.Г., Рогожина Е.М., Соколов Р.Н. Россия и монархии Персидского залива: история сотрудничества в условиях вызовов и угроз современности. Ч. 1	84
Богданов Л.Г., Комиссарова И.А. Музейный бум и феномен ленинских комнат в образовательных учреждениях (На материалах Ивановской области)	96
Казакова А.А. Открывая Амаласунту (Остготская королева в свете зарубежной историографии)	107
Околотин В.С. О мерах по охране материнства и детства в Ивановской области в 1941—1943 гг.	116
Пуневский Я.В. Дорожно-парковое хозяйство в деятельности ярославского городского общественного управления (1870 — первая половина 1914)	129
Тряхов И.С. Децентрализованные заготовки в годы Великой Отечественной войны и их значение в жизни населения Владимирской и Ивановской областей	138

Философия

Шульга Е.Н. Предпонимание как феномен сознания	153
Минева С.С. Технологическая деисторизация: отчуждающее образование, экспроприация данных и цифровое рабство	163
Касаткина С.С. Человек в урбосфере: конструирование смыслов города	169
Ковель А.Н. Музыкальные образы и их воздействие на сознание, понимание и психокогнитивное состояние человека	177
Пырина М.В. К вопросу об онтологическом различии морали и права	186

Информация для авторов журнала

«Вестник Ивановского государственного университета»	193
---	-----

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Andreeva V.G.** Correspondence L.N. Tolstoy and P.D. Boborykin:
from letters of the 1860's before being elected to academics 5
- Andreyanova E.E.** “Being-with” and the distributed subject in M. Eremin’s texts
of the 2010’s 16
- Kiseleva I.S.** The functions of the playing field in Fritz Hochwelder's comedy
“Innocent” 24
- Mysovskikh L.O.** Features of the representation of religion in the genre
of the dystopian novel of the first half of the twentieth century 30
- Oxenchuk V.N.** Typological similarities in the works of German
and Russian Romantics (On the example of G.A. Burger's ballad “Lenora”
and V.A. Zhukovsky's ballads “Lyudmila” and “Svetlana”) 38
- Syryseva D.Yu.** The Existence of Death in Albina Nuri's Novel
“The Fifth Sleepless” 45

Linguistics

- Batueva E.V.** Lexical Polysemy in a Technical English Text in the Field
of Information Technology 54
- Vorontsova I.A.** Evolution of thesaurus construction methods: from intuitive
compilation to ontological engineering (With special reference to English) 64
- Kozachina A.V., Korepanova E.V.** Metaphorical model “Sport is war”
in Japanese sport discourse 74

History

- Avetisyan Zh.G., Rogozhina E.M., Sokolov R.N.** Russia and the gulf monarchies:
history of cooperation in modern threats and challenges. Pt. 1 84
- Bogdanov L.G., Komissarova I.A.** Museum boom and the phenomenon
of Lenin rooms in educational institutions (On the materials of Ivanovo region) 96
- Kazakova A.A.** Discovering Amalasuintha (Ostgothothic queen
in the light of foreign historiography) 107
- Okolotin V.S.** On measures for the protection of motherhood and childhood
in the Ivanovo region in 1941—1943 116
- Punevskiy Ya.V.** Road-park economy in the activities of the Yaroslavl City
government (1870 — the first half of 1914) 129
- Tryakhov I.S.** Decentralized procurement during the Great Patriotic War
and their importance in the life of the population of the Vladimir
and Ivanovo regions 138

Philosophy

- Shulga E.N.** Pre-understanding as a phenomenon of consciousness 153
- Mineva S.S.** Technological dehistoricization: alienating education,
data expropriation and digital slavery 163
- Kasatkina S.S.** Man in the urbosphere: constructing the meanings
of the city 169
- Kovel' A.N.** Musical images and their effects on human consciousness,
understanding and psychocognitive state 177
- Pyrina M.V.** The question of the ontological difference between morality
and law 186

- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 193

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 5—15.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 5—15.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

DOI: 10.46726/И.2023.3.1

ПЕРЕПИСКА Л.Н. ТОЛСТОГО И П.Д. БОБОРЫКИНА: ОТ ПИСЕМ 1860-х ГОДОВ ДО ИЗБРАНИЯ В АКАДЕМИКИ

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия, lanfra87@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются взаимоотношения Л.Н. Толстого и П.Д. Боборыкина, показывается, что, несмотря на краткость переписки и эпизодические встречи, у обоих писателей был серьезный и оправданный литературным развитием интерес к творчеству друг друга. Оцениваются два письма Боборыкина и Толстого, написанные в пору работы Боборыкина главным редактором журнала «Библиотека для чтения», приводятся основные сложности, с которыми Боборыкин столкнулся во время работы редактором. Осмысляются советы Толстого, поданные Боборыкину, дальнейшее умелое сочетание обоими писателями в художественных мирах произведений необходимого уровня подробностей с изображением вечных вопросов и проблем. Уделяется внимание образу Петербурга и его воплощению в произведениях авторов, отношению Толстого и Боборыкина к иностранцам и европейской жизни. Приводятся основные характеристики, данные Толстым творчеству Боборыкина, оценивается восприятие Боборыкиным романа «Анна Каренина» с позиции женского вопроса и других актуальных проблем современного писателям общества. Осмысляются и комментируются отдельные существенные замечания из «Воспоминаний» Боборыкина, некоторых его критических статей, позволяющие оценить позицию литератора и ее изменение.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, П.Д. Боборыкин, корреспонденты, переписка, редактор, «Библиотека для чтения», журнал, художественная манера, стиль, вопросы времени

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л.Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

Для цитирования: Андреева В.Г. Переписка Л.Н. Толстого и П.Д. Боборыкина: от писем 1860-х годов до избрания в академики // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 5—15.

Original article

CORRESPONDENCE L.N. TOLSTOY AND P.D. BOBORYKIN: FROM LETTERS OF THE 1860's BEFORE BEING ELECTED TO ACADEMICS

Valeria G. Andreeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

Abstract. The article discusses and analyzes the relationship between L.N. Tolstoy and P.D. Boborykin. It is shown that, despite the brevity of correspondence and episodic meetings, both writers had a serious interest in each other's work justified by literary development. Two letters of Boborykin and Tolstoy, written at the time of Boborykin's work as the editor-in-chief of the "Library for Reading" journal, are evaluated, the main difficulties that Boborykin faced while working as an editor are touched on. Comprehended are pieces of advice given to Boborykin by Tolstoy as well as skill and mastery exercised by both writers to speak about eternal questions and problems. Attention is paid to the image of St. Petersburg and its embodiment in the works of the authors, the attitude of Tolstoy and Boborykin to foreigners and European life. The main characteristics given by Tolstoy to Boborykin's work are given. Boborykin's perception of the novel "Anna Karenina" is assessed from the position of the women's issue and other topical problems of modern society for writers. Some significant remarks from Boborykin's "Memoirs" and some of his critical articles are given, which allow to evaluate the position of the writer and its change.

Keywords: L.N. Tolstoy, P.D. Boborykin, correspondents, correspondence, editor, "Library for Reading", journal, artistic manners, artistic manner, style, questions of time

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 "Correspondence of L.N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s" <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Andreeva V.G. Correspondence L.N. Tolstoy and P.D. Boborykin: from letters of the 1860's before being elected to academics, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 5—15.

Среди множества корреспондентов Л.Н. Толстого, особенно писателей, публицистов и литераторов, не так много людей, которых он очень ценил и уважал, но с которыми при этом мало переписывался. Как правило, переписка Толстого с такими корреспондентами имеет особое значение в творческом и личном росте обоих, хотя ее глубинный смысл открывается не сразу, а лишь при внимательном изучении взаимодействия корреспондентов.

В данной статье мы обратимся к переписке Толстого и П.Д. Боборыкина, из сохранившихся текстов которой ныне известно только три письма. Целью работы является аналитическое изучение взаимного интереса друг к другу Толстого и Боборыкина, отразившегося, в частности, в их письмах. В задачи работы

входит сверка опубликованных писем авторов с оригиналами, хранящимися в Государственном музее Л.Н. Толстого, уяснение и научное комментирование процесса общения в письмах, выявление глубинных смыслов посланий, их отражения в творческой эволюции писателей и их последующем общении.

В истории взаимодействия Толстого и Боборыкина всё сложилось так, что письмами они обменялись почти за 20 лет до личной встречи, которая состоялась только в 1881 или 1882 г., — сам Боборыкин вспоминал, что встреча эта произошла «между концом 1877 года и летом 1882 года» [Боборыкин 1978: 265].

Боборыкин с детства чувствовал тягу и призвание к литературному труду, легко писал и сочинял. В своих воспоминаниях он отмечает, что мог бы заинтересоваться агрономией, как и ряд его современников-литераторов, к примеру, Толстой и Фет, однако его тяготила ответственность за крестьян и представление о несправедливости использования крепостного труда, а после 1861 г. — труда, еще долгое время подобного крепостному: «Поля, леса, быт мужиков, сельскохозяйственные порядки — все это и писателя могло в известной степени привлекать; но всему помехой было положение владельца, барина, “вотчинника”». «Словом, отсутствовало то помещичье-приобретательское чувство, которому Л. Толстой — он это говорит в своей “Исповеди” — предавался не один десяток лет» [Боборыкин 1965. 1: 241].

Замечательный журналист и литератор, внимательный, чуткий, образованный человек, прекрасно знающий языки и немало живший за границей, объездивший всю Европу, Боборыкин никогда не был дельцом и предпринимателем. Но жизнь не раз предлагала ему сложные ситуации, которые требовали проявления находчивости, предприимчивости. Основанием для первого письма Боборыкина к Толстому стала журнальная деятельность и работа главного редактора, за которые Боборыкин взялся, насколько можно судить, не по своему желанию, а благодаря уговорам.

В 1863 г. Боборыкин приобрел журнал «Библиотека для чтения», хотя опыта работы редактором у него не было. В «Воспоминаниях» он отмечал: «В начале 1863 года, приехав к матушке моей в Нижний, я вовсе еще не собирался приобретать журнал, хотя Писемский и сам издатель Печаткин склоняли меня к этому» [Там же: 327]. Редакторские дела Боборыкина с самого начала оказались очень сложными — журнал являлся убыточным, переломить ситуацию с его выходом и обновлением было очень тяжело. А.Ф. Писемский, который до Боборыкина находился на посту главного редактора «Библиотеки для чтения», с радостью оставлял журнал, о чем он сообщал Тургеневу: «сам, вероятно, перееду в Москву, так как с “Библиотекой для чтения” покончил: ее купил у Печаткина Боборыкин (юный писатель), который сам, разумеется, будет и редактор. Я в полнейшем восторге, что отвязался от этого щекотливого положения и что переправляюсь в Москву» [Письма к Тургеневу: 177].

И отечественные, и зарубежные исследователи, уделявшие внимание работе журнала «Библиотека для чтения», отмечали, что предыдущие редакторы оставили Боборыкину издание без какого-либо вектора движения, но с запутанной и странной предысторией, без наработанной читательской аудитории. Е.В. Колесникова отмечает, что журналу Боборыкина не хватало остроты и полемического задора, что в издании публиковались преимущественно не материалы «на злобу дня», а «пространные аналитические статьи, в которых читатель мог всегда встретить большие цитаты из других изданий (чаще всего с противоположными точками зрения), подробные отчеты, что предоставляло ему возможность делать самостоятельный вывод». «Такой подход к редакторскому делу не мог

принести журналу популярность, а его владельцу — доход» [Колесникова: 30]. Джон Макнейр подчеркнул проблемы, которые оказались перед молодым редактором «Библиотеки для чтения»: «Среди проблем, стоявших перед Боборыкиным, наиболее острым был кадровый вопрос. От Писемского он унаследовал ряд регулярных статей, репутация которых грозила подорвать его попытки возвысить журнал и отождествить его со свежей и молодой силой общества» [McNair 1992: 216].

Несмотря на все сложности, желание хорошо организовать работу журнала, наличие молодых и нерастроченных сил содействовали продвижению издания Боборыкина. Полностью поднять журнал и вывести его на передовые позиции Боборыкин не смог, однако деятельность издания несколько оживилась, а сам редактор, потратив на журнал всё свое состояние, получил отличный опыт. Боборыкин отмечал: «И вышло так, что все мое помещицье достояние пошло, в сущности, на литературу» [Боборыкин 1965. 1: 243].

Появление в литературной среде молодого редактора вызвало определенный интерес у знаменитых писателей, в том числе у Тургенева, Толстого, Достоевского, хотя интерес этот был разным и проявился в соответствии с характером каждого из литераторов, а в итоге не принес результатов Боборыкину и его журналу. По всей видимости, Боборыкин не сумел выработать единую линию, общее четкое направление издания, отдельные материалы которого порою решительно выбивались из проблемно-оценочного поля всего журнала. Так, Достоевский опубликовал в «Библиотеке для чтения» полемическую заметку «Нечто о Русском Вестнике», не подписанную и направленную против журнала М.Н. Каткова, а в 1864 г. на страницах «Библиотеки для чтения» появился материал с ироничным взглядом на творчество самого Достоевского.

Тургенев, со свойственным ему любопытством и деликатностью, в письме от 28 сентября (10 октября) 1863 г. спрашивал о Боборыкине у П.В. Анненкова: «Уведомьте меня, что за человек П.Д. Боборыкин, новый издатель “Библиотеки для чтения”, и каков этот журнал под его редакцией» [Тургенев 5: 212]. В письмах начала 1864 г. к друзьям Тургенев даже пытался помочь Боборыкину с поиском достойных материалов для журнала. Так, 25 января (6 февраля) 1864 г. Тургенев писал Фету: «Юный редактор “Библиотеки для чтения” просил меня узнать от Вас, не будет с Вашей стороны препятствия в перепечатке Вашего стихотворения из “Московских ведомостей” в статье о Дружинине, долженствующей явиться в первом номере его журнала?» [Там же: 263], 24 марта (5 апреля) 1864 г. — П.В. Анненкову: «Неутомимый г. Боборыкин написал мне письмо, в котором просит моей речи в “Библиотеку для чтения”, для чего и хочет узнать это через Вас» [Там же: 296].

Первое письмо Боборыкина Толстому неизвестно, скорее всего, оно было написано в первой половине 1863 г., так как второе его письмо, сохранившееся, датировано 28 сентября 1863 г. Толстой ответил, однако достоверно нельзя сказать, на какое письмо Боборыкина. Выводы об ответе Толстого можно сделать на основании данных из «Воспоминаний» П.Д. Боборыкина: «Толстой тогда в Петербурге не жил; кажется, совсем и не наезжал туда; по крайней мере с 1861 по 1865 год не привелось нигде там с ним встретиться. Я тотчас же написал ему письмо с просьбою о сотрудничестве и получил от него вежливый ответ, но без всякого обещания» [Боборыкин 1965. 1: 352]. В пользу той версии, что Толстой отвечал на первое письмо Боборыкина, имеется указание самого Боборыкина на временные сроки писем: «тотчас написал... и получил». Однако «Воспоминания» Боборыкина писались уже годы спустя, и наречие «тотчас» относится к письму самого редактора «Библиотеки

для чтения» — между тем, мы знаем, что с предложением о сотрудничестве он писал Толстому два раза. В защиту второй версии (об ответе Толстого на второе письмо Боборыкина) можно привести содержание письма от 28 сентября 1863 г.: Боборыкин обращался к Толстому вторично, поскольку не получил ответа на свое первое послание: «Мое желание приобрести Ваше сотрудничество так сильно, что я, рискуя Вам надоесть, обращаюсь к Вам вторично. Может быть, мое первое письмо не понравилось Вам...» [ОР ГМТ № 137/63-1].

Неизвестно, каким было первое письмо Боборыкина, но текст второго письма поражает взвешенностью, четкостью и последовательностью. Письмо начинается с искреннего признания Боборыкина в желании приобрести сотрудничество Толстого, которое одновременно является и признанием заслуг писателя. Боборыкин одновременно извиняется за настойчивость и неуместность просьб: «рискуя Вам надоесть», «может быть, мое первое письмо не понравилось Вам» и оправдывает себя целью — «возобновить устарелый журнал». Большое значение в восприятии данного письма имеют повторы лексемы с корнем «прям»: Боборыкин использует удачный психологический ход, сближает себя и адресата в плане того качества, которое характерно для последнего: «Наслышавшись о Вас как о человеке *прямом*, я *прямо* выставляю Вам свои нужды и желания» (курсив мой. — *В.А.*). Примечательно также, что Боборыкин не употребляет в своем послании лексему «просьба», которая могла бы несколько «принизить» его относительно Толстого, поставить в положение «просителя». Боборыкин не просит о помощи или материалах, но пишет: «Буду Вам душевно признателен, если Вы как-нибудь откликнетесь на мое дело...», тем самым подчеркивая значимость своей задачи возрождения журнала [ОР ГМТ № 137/63-1].

Несмотря на наличие пояснений к письмам Боборыкина и Толстого (таковых, датированных 1860-ми гг., сохранилось только два), авторы комментариев к письмам в Юбилейном полном собрании сочинений Толстого, а также во втором томе издания «Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями» подробно не объясняют возможную последовательность писем корреспондентов и нигде не обобщают информации об их количестве. Между тем примерную картину переписки можно представить так: первое письмо Боборыкина к Толстому неизвестно (скорее всего, оно осталось без ответа со стороны Толстого), второе письмо Боборыкина было датировано 28 сентября 1863 г. (вероятнее всего, на него Толстой ответил довольно быстро). По всей видимости, было еще одно письмо Боборыкина, вместе с которым или после которого (письмо это неизвестно) он прислал Толстому выпуск журнала «Библиотека для чтения». Именно на это неизвестное письмо Толстой подготовил ответное послание особенной глубины и силы, которое, однако, не было послано им Боборыкину и сохранилось в архиве Толстого. Это письмо является одним из самых часто цитируемых толстоведов, когда речь заходит об отношении писателя к оценке тематики и стилистики литературного творчества, однако исследователи нередко забывают об адресате данного толстовского послания.

В начале письма Толстой благодарит Боборыкина за журналы, которые, как можно предположить, были присланы редактором для рекламы издания — разумеется, Боборыкин продолжал надеяться на отправку Толстым какого-то художественного произведения для публикации. Однако Толстой еще раз вежливо сообщает Боборыкину, что «занят своим одним писанием» — это была продолжающаяся работа над романом «1805 год» (в будущем «Война и мир»), первый и второй тома которого уже вышли в «Русском вестнике». Далее Толстой использует такой же ход, как и Боборыкин в письме

от 28 сентября 1863 г. К этому времени Толстой прочитал роман Боборыкина «В путь-дорогу» и начало романа «Земские силы». Высоко оценивая талант молодого писателя, он сообщает о сходстве их жизненных ситуаций: «Я жил в том мире, в котором вы теперь живете, и знаю то вредное влияние, под которым гибнет ваш замечательный художественный талант» [Толстой 61: 99]. Далее Толстой предлагает Боборыкину три основные замечания, касающиеся его творчества, связанные с обработкой и сокращением собственного текста, языком и, самое главное, с выбором приоритетных тем, которые, по мнению Толстого, должны быть связаны не с актуальными полемическими журнальными вопросами, но с вечными проблемами взаимоотношения людей, внимания к жизни.

В финале письма есть предложение, объясняющее причину того, почему оно осталось неотправленным: «Я недели две как написал вам это и не послал, раздумывая, как бы не оскорбились вы советами, на которые ничто мне не дает никакого права» [Там же: 100]. По всей видимости, после двух недель раздумий Толстой принял решение все-таки не отправлять письмо Боборыкину. Вероятнее всего, никакое другое, более нейтральное письмо Толстым написано не было, и переписка между Толстым и Боборыкиным на этом завершилась до их личной встречи.

Однако последующая жизнь Боборыкина, его творческая карьера и литературная эволюция складывались таким образом, как будто он прочитал письмо Толстого и постарался учесть его рекомендации — пусть не в полном объеме. Так, своеобразное многословие Боборыкина происходило не столько от необработанности его произведений, неумения выжимать самое главное, сколько от специфической манеры писателя и его стремления замечать важнейшие внешние детали. Н.В. Харсеева отмечает, что «над “многописанием” Боборыкина принято было насмеяться, критики придумали новый насмешливый глагол “боборыкать”» [Харсеева: 100].

Но самое главное замечание Толстого было связано со следованием Боборыкина различным «вопросам» времени — во многом движение самого автора как писателя в годы его редакторства было одинаково направленным с движением журнала — поиском передовых и полемических тем. Толстой задавал Боборыкину другую задачу и давал другую «программу развития»: обращать внимание не на остроты и яркие факты настоящего, широко тиражируемые в петербургской среде, но на непреходящие ценности. Выше мы уже цитировали то место из воспоминаний Боборыкина, где он пишет, что во время его обращения к Толстому писатель в Петербурге не жил и не показывался. Не исключено, что это замечание о месте жительства, сделанное Боборыкиным позднее, имеет особые акценты: Боборыкин на самом деле достаточно быстро после завершения работы с «Библиотекой для чтения» изменил свое отношение к жизни в столице.

Анализируя различные мнения Боборыкина по актуальным вопросам, Е.В. Колесникова показывает, что в журнале Боборыкин выработал свою позицию в представлении вопроса, заключающуюся в полном и всестороннем его обозрении: «статьи журнала “Библиотека для чтения”, посвященные женскому вопросу, показывали его с трех разных сторон: проблема образования, историческая несправедливость и несовершенство уже существующих методов решения проблемы. Это полностью отвечает журнальной политике Петра Боборыкина — приводить несколько точек зрения на актуальный вопрос. Конечно же, тема равенства и независимости женщины занимает на страницах “Библиотеки” отнюдь не первое место, уступая, например, польскому или крестьянскому вопросам, но это показывает редакторскую работу Боборыкина и его активный интерес

к общественной жизни» [Колесникова: 34]. Но интерес к общественной жизни у Боборыкина постепенно изменяется в толстовскую сторону — писатель начинает замечать развращающее влияние города, в котором нет жизни, а остались исключительно торговые и деловые отношения.

Глубоко символичным и значимым видится нам тот факт, что Боборыкин в конце 1860-х гг. уходит исключительно от «актуальных вопросов», переводя их в план душевной жизни человека, а Толстой в 1870-е гг. пишет роман «Анна Каренина», в котором основой трагической истории главной героини становится пресловутый «женский вопрос». В одной из более ранних статей мы уже подробно останавливались на значимых переключках между романом Боборыкина «Жертва вечерняя» (1868) и романом Толстого «Анна Каренина» (1873—1877) [Андреева], отметим в данном случае два значимых факта. Во-первых, не только Толстой мог значительно повлиять на Боборыкина, но, наоборот, и творчество Боборыкина, к которому Толстой был очень внимателен после переписки в середине 1860-х гг., могло содействовать определенным художественным решениям Толстого. Во-вторых, символично, что тема тяжелого и развращающего влияния Петербурга в романе «Жертва вечерняя» является одной из основных. «Замечательно емкое описание Петербурга, которое мы видим в романе Боборыкина. Маша обращается к городу, принесшему ей массу страданий: “Если бы ты знал, болотный и бездушный город, сколько горечи накопится в сердце только от тебя, от твоих улиц, от твоей мглы, от твоей особой, безнадежной скуки, от разных уродов Невского проспекта, французского театра и тоскливых гостиных! <...> Ты засасываешь женщину в свою пошлую порядочность, в эту кретинизирующую атмосферу визитов, обезьянства, коньков, шпор, усов, белых галстуков, модного ханжества и потаенного, гнусного разврата”. А ведь именно в Петербурге жила и страдала с Карениным Анна, именно в этом городе происходили основные события ее жизни» [Там же: 241].

Авторы комментариев и вступительной статьи к переписке Толстого и Боборыкина в издании «Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями» отмечают, что «в статье “Мотивы и приемы русской беллетристики” (“Слово”, 1878, № 2) Боборыкин подверг критике роман “Анна Каренина” за его идейное содержание» [Толстой. Переписка: 152]. Вырывая фразы Боборыкина из контекста, исследователи отмечают, что Боборыкин отрицательно отнесся к роману «Анна Каренина». Конечно, это высказывание несправедливо. Примечательно как раз то, что в конце 1870-х гг., уже в своих критических статьях Боборыкин (как и Толстой в романе «Анна Каренина») пытается найти линии сближения вопросов времени и вечных тем. В статье об «Анне Карениной» Боборыкин показывает, что идеи не главное, а в итоге работы он приходит по сути дела к толстовскому утверждению из неотправленного письма от июля-августа 1865 г.: «Цели искусства несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными» [Толстой 61: 100]. В отличие от указанного выше комментария отношение Боборыкина в критических статьях к Толстому-художнику верно сформулировано О.А. Козловой: «По твердому убеждению критика “Слова”, неважно, насколько “отсталый мыслитель и гражданин” тот или иной беллетрист, если он “несомненно талантлив и удачно наблюдателен”, необходимо, не искажая факты, признать, что его произведения, реальные и верные действительности, “никогда не умрут, ни в художественном, ни в общественном смысле”. Подобные литературные творения “не могут выдохнуться” с течением времени, они “не имеют срока давности” [Козлова: 81].

В своих воспоминаниях «В Москве — у Толстого» Боборыкин рассказывает о трех встречах с писателем у него в московском доме, о гостях, супруге Толстого, разговорах и собственном впечатлении. В переписке Толстого и Боборыкина сохранилось еще одно краткое письмо последнего, написанное из Гельгсинфорса. Боборыкин обращается к Толстому с вопросом о его новой пьесе, над которой писатель, по слухам, работал не так давно и которую Боборыкин (как заведующий репертуарами в театре г-жи Горевой) хотел бы поставить на сцене (по всей видимости, до Боборыкина дошли слухи о пьесе «Плоды просвещения») [ОР ГМТ № 137/63-3]. Ответное письмо Толстого неизвестно, но, судя по его дневниковой записи от 22 августа 1889 г., оно было написано: «Писал письма Потехину, Боборыкину и Алехину» [Толстой 50: 126].

Краткие записи Толстого показывают, что писатель внимательно следил за новыми выходящими произведениями Боборыкина. 9 августа 1892 г. Толстой отметил в дневнике: «Вчера читал Бабарыкина. Труп, очень хорошо» [Толстой 52: 69]. В дневнике Толстого от 20 октября 1896 г. Боборыкин упомянут наряду с Золя как писатель, выучившийся приемам. Однако не случайно Толстой вычеркнул фамилии писателей: «В художественном произведении главное — душа автора. От этого из средних произведений женские лучше, интереснее. Женщина нет-нет да и прорвется, выскажет самое тайное души — оно то и нужно, видишь, что она истинно любит, хотя притворяется, что любит другое. ... И женщины не умеют скрывать. А мужчины выучатся литературным приемам (зачеркнуто далее: Золя, Боборыкин), и его уж не увидишь из-за манеры, только и знаешь, что он глуп» [Толстой 53: 111]. Описывая основные черты художественной манеры Золя, многие критики второй половины XIX в. ставят натурализм писателю в вину — Толстой, по всей видимости, сначала думал так же, однако позднее счел данное мнение критиков слишком категоричным. Кроме того, Толстой прекрасно понимал, что, в отличие от других писателей второго и третьего ряда, Боборыкин не впадал в крайности: подробности и детали составляли необходимый уровень «всматривания» автора в быстро изменяющуюся жизнь — Н.В. Харсеева справедливо отмечает, что сам Боборыкин отрицал влияние французского натурализма на свое творчество, показывая «единое русло европейского реализма и натурализма, имевшее этапы развития и различные национальные варианты», что дальновидные современники Боборыкина понимали неосновательность упрека писателю в отсутствии в его романах ярких образов. Исследовательница отмечает, что романы Боборыкина «имеют познавательную ценность», что нередко ученые «используют художественные произведения писателя в качестве исторического источника» [Харсеева: 103, 101]. Не случайно Д.Н. Овсяннико-Куликовский назвал романы П.Д. Боборыкина «“человеческими документами” большой ценности» [История русской литературы... 5: 135].

Элементы художественного натурализма в романах Боборыкина способствуют расширению хронотопа произведения, создают иллюзию зримой, текущей, многоплановой жизни. В письме Л.Л. и Д.Ф. Толстым от 20 января 1898 г. Толстой благодарил за присылку «Вестника Европы» № 1 за 1898 г. и отмечал художественные удачи Боборыкина: «Боборыкин замечательно чуток. Это заслуга» [Толстой 71: 260].

Сдержанный на похвалы в адрес современных ему писателей, Толстой очень высоко оценивал Боборыкина (хотя от самого автора эти прямые похвалы скрывал, по всей видимости, считая их своеобразным расслабляющим писателя фактором). Лучшим подтверждением внимания Толстого

к творчеству Боборыкина является его усиленная рекомендация последнего в почётные академики. В письме М.И. Сухомлинову, вице-президенту Академии наук, от 2 мая 1900 г. Толстой в ответ на просьбу предложить новых кандидатов на избрание в почётные академики числом не более шести, отвечал: «Писатель, которого я предложил бы к избранию в почётные члены, это художник и критик П.Д. Боборыкин. Если это можно, то я повторяю это предложение 6 раз» [Толстой 72: 350].

Боборыкин видел в Толстом прежде всего гениального художника, но понимал его слабости как мыслителя и человека. Боборыкин оценивал людей, в том числе и всех коллег-писателей, не по словам, а по поступкам. Так, он отметил, что никто из литераторов не отпустил своих крестьян на волю: «Этого не сделали ни славянофилы, по-тогдашнему распинавшиеся за народ (ни Самарин, ни Аксаковы, ни Киреевские, ни Кошелев), ни И.С. Тургенев, ни М.Е. Салтыков, жестокий обличитель тогдашних порядков, ни даже К.Д. Кавелин, так много ратовавший за общину и поднятие крестьянского люда во всех смыслах. Не сделал этого и Лев Толстой!» [Боборыкин 1965. 1: 243].

Несмотря на разное время жизни за границей и внешне вроде бы полюсное отношение Толстого и Боборыкина к иностранцам, оба писателя в поздний период творчества могут быть оценены как космополиты. Оба автора знали большое количество иностранных языков, Боборыкин, в отличие от Толстого, не занимался сельским хозяйством и не имел такого собственного гнезда, какой стала для Толстого Ясная Поляна. Тем не менее, и Толстой, активно изучавший зарубежные литературы, многому научившийся у классиков европейской литературы, и Боборыкин видели идеалом трудолюбивого человека-интеллекта, осваивающего огромное наследие не только отечественной, но мировой культуры. Н.А. Самсонова пишет, что Боборыкин, «смотря на мир глазами образованного европейца», стремился вписать свое творчество в общий литературный контекст и создавал произведения, отразившие в образных средствах языка богатейший потенциал европейской классики» [Самсонова: 210].

В молодости Толстой, отправившийся изучать педагогический опыт других стран в Европу, не смог душевно понять европейцев и особенно англичан, однако это не помешало ему со временем стать знатоком и ценителем английской литературы и культуры. Джон Макнейр отмечает, что Боборыкин стал во многом проводником европейской и английской культуры для русских, что он много сделал для упрочнения русско-английских связей, однако при этом «не завязал ни близкой, ни прочной английской дружбы» [McNair 1985: 558].

Очень символично, что Боборыкин считал «позднего» Толстого не вполне легальным человеком в царской России, он отмечал, что если его не судили и не сослали без суда, то потому только, что власть боялась его популярности и прямо не преследовала его...» [Боборыкин 1965. 2: 507].

Таким образом, и краткая переписка Толстого и Боборыкина, и последующие немногочисленные сведения о взаимодействии писателей открывают значительное внимание их к творчеству друг друга. Неотправленное письмо Толстого Боборыкину от июля — августа 1865 г., несмотря на то, что адресат не знал его содержания, стало символичным с точки зрения литературной эволюции Боборыкина, сумевшего закономерно соединить в своем творчестве стремление отразить и запечатлеть жизнь в ее мельчайших деталях, внимание к актуальным вопросам времени и вечным проблемам человеческих взаимоотношений.

Список источников

- Боборыкин П.Д. В Москве — у Толстого // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 265—273.
- Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Художественная литература, 1965.
- История русской литературы XIX в.: в 5 т. / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, при ближайшем участии А.Е. Грузинского и П.Н. Сакулина. Т. 4. М.: Мир, 1915. 375 с.
- ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея им. Л.Н. Толстого.
- Письма к Тургеневу. Письма А.Ф. Писемского // Литературное наследство. М.: Наука, 1964. С. 125—194.
- Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. 495 с.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928—1958.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 томах. Т. 5. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1988.

Список литературы / References

- Андреева В.Г. «Жертва вечерняя» П.Д. Боборыкина и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4. С. 236—242.
(Andreeva V.G. “Evening Sacrifice” P.D. Boborykin and Anna Karenina by L.N. Tolstoy, *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2013, vol. 1, iss. 4, pp. 236—242. — In Russ.)
- Козлова О.А. «Слово» о Л.Н. Толстом: особенности интерпретации творчества писателя на страницах демократического журнала // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 1(13). С. 77—84.
(Kozlova O.A. “A word” about L.N. Tolstoy: Features of the Interpretation of the Writer’s Creativity on the Pages of a Democratic Journal, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2014, iss. 1(13), pp. 77—84. — In Russ.)
- Колесникова Е.В. «Женский вопрос» на страницах журнала «Библиотека для чтения» П.Д. Боборыкина // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. №4(4). С. 28—35.
(Kolesnikova E.V. “Women’s Question” on the pages of the journal “Library for Reading” P.D. Boborykin, *Vestnik RGGU. Serii: Istoriia. Filologiiia. Kul’turologiia. Vostokovedenie*, 2015, iss. 4(4), pp. 28—35. — In Russ.)
- Самсонова Н.А. Зарубежная классика как текст-прецедент в публицистике П.Д. Боборыкина (на примере фельетонов П.Д. Боборыкина в журнале «Библиотека для чтения») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 209—213.
(Samsonova N.A. Foreign classics as a precedent text in P.D. Boborykin (on the example of P.D. Boborykin’s feuilleteons in the Library for Reading magazine), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2015, iss. 2(2), pp. 209—213. — In Russ.)
- Харсеева Н.В. Натурализм и научно-эстетический, эстопсихологический метод П.Д. Боборыкина // ASPECTUS. 2015. № 4. С. 96—107.
(Kharseeva N.V. Naturalism and the scientific-aesthetic, estopsychological method of P.D. Boborykin, *ASPECTUS*, 2015, iss. 4, pp. 96—107. — In Russ.)
- McNair John. A Russian European: Boborykin in England, *The Slavonic and East European Review*, vol. 63, no. 4, 1985, pp. 540—559.

McNair John. The “Reading Library” and the Reading Public: The Decline and Fall of “Biblioteka Dlia Chteniia”, *The Slavonic and East European Review*, vol. 70, no. 2, 1992, pp. 213—27.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Андреева Валерия Геннадьевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель гранта, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, lanfra87@mail.ru

Andreeva Valeria Gennadievna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Research Fellow, grant manager, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 16—23.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 16—23.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2023.3.2

«БЫТИЕ-ВМЕСТЕ» И РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ В ТЕКСТАХ М. ЕРЕМИНА 2010-х ГОДОВ

Елена Евгеньевна Андреевна

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается поэтическое творчество М. Еремина 2010-х годов через призму субъектно-пространственных отношений. Автор, чья поэтика характеризуется образным и стилистическим разнообразием, включающим работу с естественно-научным, религиозным, историко-культурным контекстом, традиционно считается трудным для читательского и исследовательского восприятия, поскольку привычные способы анализа поэтического текста не всегда позволяют раскрыть многоплановость и парадоксальность художественного мира поэта. Композиционная герметичность стихотворений, формальное отсутствие в текстах лирического субъекта, сложный синтаксис, сопряженный с использованием устаревшей лексики и научных терминов, дали основание исследователям охарактеризовать творчество Еремина как «поэтику словаря», которая нуждается в новых способах прочтения и интерпретации. Одним из таких способов, на наш взгляд, является изучение семантики и функционирования в текстах таких художественных категорий, как «субъект» и «пространство», которые рассматриваются в тесной связи друг с другом. Отмечается, что особый подход к экспликации субъективного через пространственные смещения и трансформации выражается у Еремина в концептуальном понимании мироздания как «бытия-вместе», а текст становится возможностью фиксации соположения лирического и объективного.

Ключевые слова: лирический субъект, пространство, субъектно-пространственные отношения, инновативная поэзия, филологическая школа

Для цитирования: Андреевна Е.Е. «Бытие-вместе» и распределенный субъект в текстах М. Еремина 2010-х годов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 16—23.

Original article

“BEING-WITH” AND THE DISTRIBUTED SUBJECT IN M. EREMIN’S TEXTS OF THE 2010’S

Elena E. Andreyanova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru

Abstract. The article examines M. Eremin's poetic creativity of the 2010's through the prism of subject-spatial relations. The author, whose poetics is characterized by an imaginative and stylistic diversity, including work with a natural-scientific, religious, historical and cultural context, is traditionally considered difficult for readers and researchers to perceive, since the usual methods of analyzing a poetic text do not always allow to reveal the multiplicity and paradoxicality of the poet's artistic world. The compositional tightness

of the poems, the formal absence of a lyrical subject in the texts, the complex syntax associated with the use of outdated vocabulary and scientific terms gave the researchers reason to characterize Eremin's work as “dictionary poetics”, which needs new ways of reading and interpretation. One of such methods, in our opinion, can be the study of semantics and functioning in texts of such artistic categories as “subject” and “space”, which are considered in close connection with each other. It is noted that a special approach to the explication of the subjective through spatial juxtapositions and modifications is expressed in Eremin's conceptual understanding of the world as “being-together”, and the text becomes an opportunity for objective fixation of the juxtaposition of the lyrical and objective.

Keywords: lyrical subject, space, subject-spatial relations, innovative poetry, philological school

For citation: Andreyanova E.E. “Being-with” and the distributed subject in M. Eremin's texts of the 2010's, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 16—23.

Пятая книга стихов М. Еремина (в ней собраны тексты 2010-х годов) вызывает исследовательский интерес в связи с возросшей актуальностью творчества авторов-классиков в контексте развития инновативной поэзии и обнаружения ранее не замеченных и не артикулированных стилистических, тематических и прагматических сходств авторов 1970-х годов и поэтов, создающих тексты в нынешней культурно-исторической ситуации. Тексты М. Еремина 2010-х годов еще не становились предметом изучения литературоведов, однако их концептуальное и художественное наполнение созвучно текстам молодых поэтов, которые исследуют новые способы осмысления реальности, основанные не столько на эмпирическом опыте, сколько на рационально-философской деконструкции мира. Так, одним из современных инновативных авторов, чья поэтика оказывается близкой Еремину, можно считать Н. Сафонова, в чьих текстах, как и в стихотворениях одного из основателей филологической школы, улавливается стремление запечатлеть помысленное и краткое во времени, но длящееся в пространстве явление; описать ландшафт, состоящий из утраченных и парадоксальных деталей, беря во внимание не материальный факт, а саму мысль о возможности материального, выраженную с максимальной семантической точностью, исключающей аффективные наращения. Обоим поэтам присуще особое понимание таких художественных категорий, как «субъект» и «пространство», которые рассматриваются в тесной связи друг с другом, но при этом меняют свое функционально-семантическое наполнение, организуя текст как поле соположений и трансформаций, в котором лирический нарратив замещается проектированием когнитивных пространств и объектов.

А.А. Житенев характеризует творчество М. Еремина как «поэтику словаря» — попытку создать текст, лишенный эмоциональных наращений, который «фактически растворяет семантический сюжет в ситуации выбора слова, в незавершенности ассоциативного поиска» [Житенев]. В некотором смысле это не столько языковая изощренность, сколько математическая точность формулы, свободной от конкретики и контекста: «Тяготение к формуле, объясняемое то принципом “смысловой метонимии”, то эффектом “соположения “встык” разных элементов опыта”, оказывается естественным следствием такого понимания “лирического”, в котором все определяет “конфликт между временной логикой языка и пространственной логикой стихотворения”. Текст М. Еремина основывается на растянутой во времени реакции на событие, многослойная рефлексия над которым определяет логику стиливого развертывания» [Там же]. Потому стихотворения наполнены иероглифами, символами, ботаническими или математическими терминами: все это — чистый знак, лишенный

интерпретаций, но рождающий интерпретации при чтении, поскольку он не пуст, а наоборот, сконцентрирован и наполнен, вычленен из потока очевидных метафор и сравнений и сопоставлен с теми объектами, которые недоступны при беглом прочтении или просматривании непосвященному читателю.

К. Корчагин характеризует поэтику М. Еремина как «альтернативный сценарий преодоления безвременья» [Корчагин], а используемые Ереминым отсылки к различным литературным, религиозным и историческим источникам как элементы, которые «помогают связать руинированное пространство безвременья единой мыслью или образом, увидеть в нем на первый взгляд отсутствующую целостность» [Там же]. Во многом подобный взгляд на пространство как на «музей руин», нуждающийся в реанимации раздробленных и расщепленных объектов, близок поэтике самого Корчагина, который видит необходимость посредством поэтического текста преодолеть разрывы между культурно-историческими эпохами, связать их друг с другом в поле субъективного осмысления. Однако, на наш взгляд, созидательность, присущая Еремину, обуславливается не желанием «преодолеть безвременье», а интенцией это безвременье зафиксировать и задокументировать, подняться над ним, оставив субъективное и приняв безвременье как заключенную в пространстве данность: «В циклопическом, беспрецедентном для русской поэзии словаре Михаила Еремина, включающем и литературный стандарт, и архаизмы, и диалектизмы <...> отсутствует одно слово, обогнавшее в русском языке по частотности все остальные. Это слово *Я*» [Завьялов: 11].

Субъект текстов Еремина близок инновативному субъекту авторов, продолжающих развитие «драгомощенковской» линии в поэзии: «Известный тезис: “я существую постольку, поскольку существует другой”, — замещается иным: “так как мое “я” отстоит от моей сущности, то и “другой” в этом случае утрачивает насущность”. Да, панъевропейский диалогизм управляет любым повествованием, но не письмом поэзии. “Ты” и “я”, “прошлое” и “будущее”, “и” и т. д. могут быть исчерпаны в метафоре раковины, вращающей на одной оси внешнее и внутреннее, влагу и песок, присутствие и отсутствие, раковины, бывшей некогда в один и тот же миг инструментом зова и лабиринтом слуха. Определенности не наблюдается» [Драгомощенко: 160—161]. Подобный отказ от «насущности» побуждает субъекта соединиться с пространством по принципу неразличения, отказаться от выстраивания границ между собой и окружающим миром, поскольку любая идея границы нереализуема. Субъект определяется как «скриптор», который «прозревает контуры классической эпохи (эпохи, знавшей историю), но вынужден иметь дело с ее руинами — распадающимися манускриптами, содержащими разнородные и разрозненные сведения» [Корчагин]. Однако, по нашему мнению, ограничивать горизонт описываемой Ереминым реальности лишь историческим контекстом было бы не вполне объективно, поскольку обозреваемые субъектом территории гораздо обширнее, и природно-бытовое пространство интересует его не меньше, а подчас и больше, чем культурные объекты:

Не малахитились бы заводы и старицы,
 Не полнились бы реки ядом в цвет пигмента жизни,
 Когда бы ни эвглени, ни фистерии (Не наибольшие,
 А малые не худшего, возможно, из миров.)
 Усердно следуя древнейшему
 Завету дождевой поры,
 Не ставили бы на кон самости во имя
 Репродуцирования [Еремин: 286].

В тексте «Не малахитились бы заводы и старицы...» отмечаем взаимодействие будущего и прошлого, выраженное через пространственно-объектные отношения: «поэзия Еремина в особом смысле визуальна — за каждым стихотворением стоит цельный образ, порождаемый пересечением прошлого и будущего» [Корчагин]. В данном стихотворении цветущая вода, поменявшая цвет из-за размножения в ней фитопланктона, становится образом, в котором соединяются и смертные мотивы («не наполнились бы реки ядом»), и надежда, и утверждение жизни как силы, противостоящей разрушению («ядом в цвет пигмента жизни», «не ставили бы на кон самости во имя репродукции»). «Отравляющее» прошлое сходится с «репродуцирующим» будущим в точке опространственного настоящего — «не малахитились бы заводы и старицы». Естественный природный мир, по Еремину, это пространство, в котором прошлое и будущее не противопоставлены друг другу, как плохое и хорошее или как разрушающее / создающее, а представлены как стороны одного явления, внутреннее и внешнее. Можно заметить особое внимание Еремина к объектам микромира, которые являются составными элементами «гиперобъектов»: «Гиперобъект — вещь, пространственно-временной масштаб которой настолько огромен, что мы можем видеть лишь тонкие ее срезы; гиперобъекты синхронизируются и рассинхронизируются с человеческим временем; но в конечном счете они “заражают” всё подряд» [Мортон: 132]. Эвглены и фистерии, несмотря на их микроскопический размер, и являются тем «тонким срезом» пространственной экосистемы, их существование основывается на тех же принципах, по которым существует природный «гиперобъект».

Соглашаясь с определением «скриптор», мы понимаем его, в первую очередь, с постструктуралистской точки зрения: «Всевозможными уловками, которые пишущий субъект устанавливает между собой и тем, что он пишет, он запутывает все следы, все знаки своей особой индивидуальности; маркер писателя теперь — это не более чем своеобразие его отсутствия» [Фуко]. Но позволим себе внести определенные разъяснения, применимые к субъекту текстов М. Еремина. Невыраженное субъективное — это «отсутствие» формальное, но не семантическое. Субъект, напротив, присутствует во всех объектах мира, распространяется по его мельчайшим деталям и соотносится с листком, деревом, книгой, колонной. Для Еремина пространственность — это не замещение субъективного пространственным, а совпадение форм существования, та самая гармония, в которой отказ от различия позволяет проектировать, создавать и означать без привязки к конкретному: «То есть Еремин одновременно и растение (нет, не цветок), и приставленный к нему прибор исследователя» [Айзенберг].

Распространенное присутствие позволяет субъекту замечать малейшие колебания реальности, резонировать с ними, как бы переносясь в наблюдаемые объекты: «Охватными порывами и дуновениями / Перебираемые иверные струны / Звучат (Не воплощенье замысла и не импровизация.) / Не для того, кому случилось / Услышать / Ни для кого» [Еремин: 246]. Звук, фиксируемый субъектом и определяемый им как «не воплощенье замысла и не импровизация», не предполагает ни создателя, ни реципиента. Момент же соположения субъективного и пространственного происходит через «отклик» в «звучащем»: «Видимое — то, что можно увидеть, звучащее — то, что кто-то может или не может услышать, поле звуков, которое распределяется в некоторых условиях, которые мы можем воспринять (или не воспринять)» [Сафонов]. Н. Сафонов, занимающийся изучением политики звука, определяет слушание, вслед за Ж.Л. Нанси, следующим образом: «Слушание — это процесс, когда сознание выходит из самого себя, чтобы встретиться со значением, ждёт, какое значение

срезонирует» [Там же]. В текстах М. Еремина резонанс между значением звучащего и механизмами, которыми субъект может это значение воспринять, сопровождается еще и визуальным конструированием «звучащего», визуализацией невидимых, но возможных ландшафтов, в которых «звучащее» возникает. Таким образом создается визуально-аудиальное поле, передающее субъекту импульсы: «Ни клыканыя, раската, трели, свиста, / Почина, дробы и оттолчки (В сумерках — / С апреля по июнь.)» [Еремин: 263]; «Заслышав (Так ли, нет, но схожи, говорят, / Строение ферментов плоти / Растения и темперированный строй.) / Chanson macabre бензопилы, / Оглядывает трепетной поверхностью / Свой светлотемный мир» [Еремин: 302]. Упорядоченное строение ферментов плоти оказывается схожим с музыкальным строем, в котором каждая октава делится на равные интервалы, а жуткая песня бензопилы неуместно звучит в «светлотемном» мире, где дерево оказывается «застигнутым урочной валкой». Субъект и видит, и слышит процесс рубки леса, причем и визуальная, и аудиальная составляющая соединяются в статичной «трепетной поверхности», а текст становится экфразисом «пред-исчезновения» [Валиева: 445].

Координация между субъектом и пространством происходит посредством масштабирования, субъект либо может находиться на «далеких», обзорающих позициях, либо переносится в объекты и территории, но не деформируя последние субъектным вмешательством. Отталкиваясь от философской концепции Нанси, существование субъекта и пространства можем определить как «бытие-вместе»: «Но это общее пространство не является предсуществующим вместилищем по отношению к вещам: оно рождается, напротив, из этого положения. Это положение есть рядо-положенность, то есть положение одних рядом с другими, и рас-положение (dis-position), то есть позиция в отрыве одних от других. Корреляция рядо- и рас- даёт точную меру “вместе”: размещение на расстоянии и близость. В мире, как говорится, всё расставлено и близко (но нет “внутри”, или это “внутри” целиком и полностью образовано бытием-одних-вовне-других всех существ)» [Нанси 2013: 25].

Повсеместность и дистанцированность позиции субъекта определяется свойствами пространства, которое существует рядом с субъектом, но сохраняет герметичность:

Не быть ли замиренным наблюдателем
И зорь, и бурь? (Не аллергенны
Ни белая акация,
Ни красные гвоздики.) Или быть
Участником, чье мировидение оснащено
От наноскопа
До оптики прицела? Или
Не быть? [Еремин: 294]

Отметим, что «участник», по Еремину — это не производитель или трансформатор, а такой же «наблюдатель», но вооруженный более детализированной оптикой, позволяющей увидеть мельчайшие детали объектов, однако подобная оптика не нейтрализует трансцендентальный разрыв, произошедший, по определению Т. Мортон, между «вещами» и «веще-данными»: «Ни один режим доступа не может исчерпать все качества и характеристики вещи. Следовательно, вещи открыты, они уклоняются от полного доступа. Вы не можете мысленно схватить всё то, чем является яблоко, поскольку вы забыли его попробовать» [Мортон: 29].

Таким образом, дистанцированное от пространственных объектов или распределенное по ним положение субъекта, обуславливающееся способностью воспринимать, но не «перенимать» пространственную идентичность,

определяет такой способ организации субъектно-пространственных отношений, в которых взаимодействие концептов обусловлено не структурным, а онтологическим соположением: сущность субъекта — отражать и описывать пространства, тем самым их изучая, сущность пространства — быть изучаемым через отражение: «Дело тут в отношении Еремина к смысловому пространству стихотворения. Он не старается разомкнуть его границы; задача автора противоположна: пространственные фигуры его вещей замкнуты и подобны сферам. Такая законченность в идеале должна была бы стать просто *словарным значением*. Но это слова того языка, которым записано наше сознание» [Айзенберг]. Результатом изучения становится поэтический текст, в котором субъектно-пространственные масштабы сводятся в одной системе координат: «построение текста как парадигмы сопоставлений, в которой перебираются не только признаки, способные акцентировать главное в объекте, но и разные представления о его бытийном статусе» [Житенев].

Исследуемые и отраженные пространства в поэтике Еремина 2010-х годов разнообразны, однако их объединяет, верно подмеченная К. Корчагиным, насыщенность объектами-следами, «позволяющими если не восстановить пропущенные звенья, то вплотную приблизиться к ним — увидеть точку отсутствия, в которой, судя по всему, и заключено поэтическое как таковое» [Корчагин]. В этих объектах-следах хранится тот самый доступ к сути вещей, которая никогда не может быть постижима в полной мере:

Для распознавания неведомых графем
 Разыскивает параллельный текст глоссолог
 Лазутчик для криптолога выведывает ключ.
 В делах житейских
 Порою выручает опыт. Не нарушив
 Запрета, то, бишь не вкусив плода познания,
 Едва ли было не разгадать коварный смысл
 Узорной кожи первого карполога [Еремин: 316].

Следы рассматриваются как уже самодостаточное значение, как элемент, который также должен быть описан и зафиксирован, как одна из форм «возможного» значения. Его можно только описать, но реанимировать, возродить, переозначить не представляется возможным, поскольку подобное вмешательство противоречит самой сути объектов: «...Некто через годы углядит / В неразберихе дурнолесья след былого и, возможно, / Замыслит возрожденье или умилитися, / Приняв свободу одичанья за возвращенье / К нерукотворной первозданности» [Еремин: 343]. Потому объекты могут отражаться, но не меняться, они наделены свободой от субъективного и могут существовать согласно своей собственной логике, в которой присутствуют распад и забвение, разложение и исчезновение. По Еремину, принять несовершенство вещи — это принять саму вещь, а не мысли и суждения, которые, наоборот, делают знание о ней максимально далеким от истинного. В этом проявляется доверие субъекта окружающему миру, его порядку и структуре, которая может организовывать себя сама, не требуя дополнительных вмешательств: «Благо, если в срок / Зазимок замалюет грунт гиперборейским монохромом, / Которому урочно распадаться / На примулы, вероники, гвоздики, астры / И все постлетние оттенки» [Еремин: 273].

Распад и разрушение, таким образом, рассматриваются не с негативной точки зрения, а как этапы постоянного продуцирования жизни, движения, создания нового, которое не редуцирует предшествующее, а вбирает в себя это предшествующее: «Есть некие строения, в которых / Две памяти: живущего и жившего — / Взаимодействуют и пробуждают образ, / Столь памятный,»

что легко проходит сквозь дверной, / Давно заложенный проем. Не потому ли / Реинкарнация предполагает амнезию, / Дабы не билась плоть о стену, памятуя, / Что она не предначертана проектом?» [Еремин: 256]. Две памяти создают образ, нематериальный, но видимый, способный проходить сквозь «давно заложенный проем». То есть память обладает продуцирующей силой, а будущее же, наоборот, должно существовать без памяти — «реинкарнация предполагает амнезию»: «У этого завершения много имен (присвоение, осуществление, сигнификация, предназначение и т. д.); одно из имен, в частности, “репрезентация”. Репрезентация это то, что определяет себя посредством своего собственного предела. Это делимитация, для субъекта и посредством него, того, что “в себе” никогда не будет ни репрезентированным, ни репрезентируемым» [Нанси]. Образ, созданный настоящим и прошлым, не должен содержать в себе память об этом создании, поскольку это нарушает саму логику существования вещей: разрыв между задуманным и воплощенным не переносится на воплощенное, иначе его функционирование будет невозможным, поскольку репрезентация «не предначертана проектом».

Таким образом, субъектно-пространственная организация текстов М. Еремина 2010-х годов обуславливается, в первую очередь, соположением субъекта и пространства как гармонизирующих концептов, существующих «вместе», но не «совместно». Субъект, то отдаляясь от объектов, то, наоборот, перемещаясь в них, не перенимает пространственную семантику, оставаясь все-таки тем самым участником с мировидением, оснащенным «от наноскопа до оптики прицела». Поэтический метод Еремина схож с научными опытами натуралиста или биолога, который стремится увидеть мир в мельчайших деталях, описать все стадии его развития, но при этом не нарушить хрупкость структуры изучаемых объектов [Гулин]. В таком понимании текст становится способом объективной передачи взаимоотношений между элементами реальности, в которых одним из главных понятий становится баланс — единственно возможный способ координации лирического и объективного.

Список литературы / References

- Айзенберг М. Лист и словарь // OpenSpace.ru. 2011. 31 мая. URL: <https://os.colta.ru/literature/projects/130/details/22743/?expand=yes> (дата обращения: 15.06.2023).
(Aizenberg M. Leaf and dictionary, *OpenSpace.ru*, 2011, 31 may. — In Russ.)
- Валиева Ю. Прожить в отечестве... // Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 424—446.
(Valieva Yu. To live in the Fatherland..., *Eremin M. Poems*, Moscow, 2021, pp. 424—446. — In Russ.)
- Гулин И. Все тайное становится одой // Коммерсант Weekend. 2021. № 25. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4897702> (дата обращения: 15.06.2023).
(Gulin I. Everything secret becomes an ode, *Kommersant Weekend*, 2021, no. 25. — In Russ.)
- Драгомощенко А. Местность как усилие // Драгомощенко А. Тавтология. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 456 с.
(Dragomoshchenko A. Terrain as an effort, *Dragomoshchenko A. Tautology*, Moscow, 2011, 456 p. — In Russ.)
- Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 464 с.
(Eremin M. Poems. Moscow, 2021. 464 p. — In Russ.)
- Житнев А.А. Михаил Еремин: поэтика словаря // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18515/ (дата обращения: 15.06.2023).

(Zhitenev A.A. Mikhail Eremin: poetics of the dictionary, *New Literary Review*, 2012, no. 113. — In Russ.)

Завьялов С. Отражение в зеркальных водоемах мерцающих над нами звезд // Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5—15.

(Zavyalov S. Reflection in mirror reservoirs of stars twinkling above us, *Eremin M. Poems*, Moscow, 2021, pp. 5—15. — In Russ.)

Корчагин К. В поисках предсказанного времени. О новой книге Михаила Еремина // Новый мир. 2014. № 7. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_7/Content/Publication6_1178/Default.aspx (дата обращения: 15.06.2023).

(Korchagin K. In search of the predicted time. About the new book by Mikhail Eremin, *Novyi Mir*, 2014, no. 7. — In Russ.)

Мортон Т. Стать экологичным. М.: Ад Маргинем, 2019. 240 с.
(Morton T. Become eco-friendly, Moscow, 2019, 240 p. — In Russ.)

Нанси Ж.Л. Рожденное присутствие. URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/09/6nnc.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

(Nancy J.L. Born presence. — In Russ.)

Нанси Ж.Л. Бытие вместе и демократия // *Topos*. 2013. № 2. С. 20—29.

(Nancy J.L. Being together and democracy, *Topos*, 2013, no. 2, pp. 20—29. — In Russ.)

Сафонов К. Политика шума и философия звучащего. URL: <https://syg.ma/@safonov/nikita-safonov-politika-shuma-i-filosofia-zvuchashchiegho> (дата обращения: 15.06.2023).

(Safonov K. The politics of noise and the philosophy of the sounding. — In Russ.)

Фуко М. Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Колледж де Франс под председательством Жана Валя // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (дата обращения: 15.06.2023)

(Foucault M. What is an author? Speech at the meeting of the French Philosophical Society on February 22, 1969 at the College de France under the chairmanship of Jean Val, *Foucault M. The Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years*, Moscow, 1996. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Андреянова Елена Евгеньевна — аспирантка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Elena Evgenievna Andreyanova — post-graduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 24—29.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 24—29.

Научная статья

УДК 830-32

DOI: 10.46726/И.2023.3.3

ФУНКЦИИ ИГРОВОГО ПОЛЯ В КОМЕДИИ ФРИЦА ХОХВЕЛЬДЕРА «НЕВИНОВНЫЙ»

Ирина Станиславовна Киселёва

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

lana.dollskaya@yandex.ru

Аннотация. Само по себе драматическое произведение (макротекст) является игрой на сцене. При этом на уровне микротекста в каждой конкретной пьесе игровое начало может проявляться в различной степени, так как принцип построения пьесы и количество игровых элементов в ней зависят от автора. Исследование комедий крупного австрийского драматурга Фрица Хохвельдера с точки зрения игрового начала представляется целесообразным потому, что расцвет его творчества пришелся на середину 20 века. В эпоху кризиса гуманистических идей, пережив страшное время фашизма, автор обращается к игре, делая ее формой и содержанием своих пьес. Статья посвящена изучению такого феномена, как интеллектуальное игровое поле комедийной пьесы. Рассмотрение места и функций элементов игрового поля может являться важным шагом к истолкованию произведений Фрица Хохвельдера в русле культур-но-исторических тенденций послевоенной эпохи. Изучение игры на различных уровнях его пьес открывает возможности к постижению философских, социальных и нравственно-этических проблем, затронутых автором, способствует решению вопроса об особенностях комического начала в данных произведениях и ведет к пониманию жанрового своеобразия комедии «Невиновный».

Ключевые слова: комедия, игра, жанр, игровое поле, уровни игры

Для цитирования: Киселева И.С. Функции игрового поля в комедии Фрица Хохвельдера «Невиновный» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 24—29.

Original article

THE FUNCTIONS OF THE PLAYING FIELD IN FRITZ HOCHWELDER'S COMEDY "INNOCENT"

Irina S. Kiseleva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lana.dollskaya@yandex.ru

Abstract. In itself, a dramatic work (macrotext) is a play on stage. At the same time, at the microtext level, in each particular play, the game principle can manifest itself to varying degrees, since the principle of the construction of the play and the number of game elements in it depends on the author. The study of the comedies of the great Austrian playwright Fritz Hochwelder from the point of view of the beginning of the game seems appropriate because the heyday of his work fell in the middle of the 20th century. In the era of the crisis of humanistic ideas, having survived the terrible time of fascism, the author turns to the game, making it the form and content of his plays. The article is devoted to the study of such a phenomenon as the intellectual playing field of a comedy play. Consideration of the place and functions of the elements of the playing field can be an important step towards interpreting the works of Fritz

Hochwelder in line with the cultural and historical trends of the post-war era. The study of the game at various levels of his plays opens up opportunities to comprehend the philosophical, social, moral and ethical problems raised by the author, contributes to solving the question of the peculiarities of the comic beginning in these works and leads to an understanding of the genre originality of the comedy “Innocent”.

Keywords: comedy, game, genre, playing field, game levels

For citation: Kiseleva I.S. The functions of the playing field in Fritz Hochwelder's comedy “Innocent”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 24—29.

С самого начала XX век заявил о себе как эпоха трагическая, полная противоречий социального, политического и духовного характера. Отвечая духу времени, меняются литературные жанры. Многие как отечественные, так и зарубежные исследователи отмечают новые тенденции в комедии XX века, говоря о серьезных сюжетах и конфликтах, о драматически напряженных, а порой и трагических сценах. Кроме серьезности и изменения характера комического, большую роль в комедии приобретает игровое начало. Игра во многом способствует проникновению в комедийные пьесы некомедийных, почти трагических мотивов, подчеркивая актуализацию идеи о человеке-марионетке на сцене жизни, объекте мировой игры таинственных высших сил.

Игра господствует в театре XX века, проявляясь в переигрывании известных сюжетов, в игровом манипулировании словами и звуковыми эффектами, в нарушении сценической иллюзии, создании «театра в театре» и смешении стилей различных авторов и разных эпох. Особое место занимает игра в австрийской комедии, так как в XX веке возрождаются традиции венского народного театра, имеющего игровую основу. Именно в австрийской литературе в 1920-е годы возникает новый жанр — интеллектуальная комедия игры, создателем которой является известный драматург Гуго фон Гофмансталь (1874—1929). Признаком этого жанра является наличие в произведении игрового поля, охватывающего все художественные уровни пьесы и служащего реализации глубокого идейного содержания. Создавая свои произведения по игровому принципу, Гофмансталь предвосхитил повышенное внимание к игре талантливых драматургов середины и конца XX века. Игровое начало, определившее своеобразие венской народной комедии, динамично и поступательно развившееся в творчестве Гофмансталя, продолжает сохранять австрийский национальный культурный колорит у драматургов середины века Ф. Брукнера, Ф.Т. Чокора, Т. Бернхардта, П. Хандке.

Особенно яркой звездой в этом ряду можно назвать творчество талантливого драматурга Фрица Хохвельдера (1911—1986). Игровой характер его театра во многом обусловлен влиянием венской народной комедии. «Традиция, к которой я принадлежу, — писал он, — это традиция венского народного театра... Венский воздух дал мне неоценимое: ясность мысли, чувство формы... Я не хочу обязательно называть себя “писателем”, я с удовольствием остался бы неграмотным, чтобы ставить мои пьесы на подмостках моим способом — нелитературно, непретенциозно, народно» [Hochwälder: 93].

Исследователи подчеркивают, что Фриц Хохвельдер не экспериментировал в области формы. В. Бортеншлагер [Bortenschlager] пишет о математически продуманной структуре его пьес, в некоторых из которых соблюдены три единства. Новаторство Хохвельдера лежит в сфере проблематики, как подчеркивает П. Фришауер: «При всей неосознанной или намеренной верности традиционной драматургии ... ему удастся драматизировать проблемы современности... и оживить материал прошлого современным идейным

содержанием» (цит. по: [Bortenschlager: 15]). Если рассматривать игровую основу комедий Ф. Хохвельдера, можно заметить, что унаследованные от Раймунда и Нестроя игровые приемы совершенствуются и обогащаются, а кроме того, приобретают новые функции и могут влиять на жанр пьес.

Премьера комедии «Невиновный» состоялась в Венском академическом театре 22 декабря 1958 года. По поводу конфликта этой пьесы мнения исследователей разделились. В. Бортеншлагер считает, что «проблема пьесы стара как само человечество. Еще в Библии Каин отвечает вопросом на вопрос, который лежит в основе драмы Хохвельдера: Я ли убийца своего брата?». Ю. Архипов, наоборот, видит в пьесе отклик на недавние события: «“Невиновный”... воспроизводит распространенную в те годы коричневой чумы ситуацию человека, не просто ни за что ни про что, а на основании ... курьёзной улики обвиненного, но, что особенно впечатляет, принимаемого за преступника всеми...» [Архипов: 24]. Однако конфликт пьесы представляется сложнее и шире, нежели проблема вины и невинности.

В. Бортеншлагер пишет о лежащей в основе сюжета истории [Bortenschlager: 120]. 27 мая 1928 года в зоологическом саду в Вене было найдено тело молодой женщины Катрин Феллнер. В убийстве подозревался знакомый убитой — некий Густав Бауэр. После двухнедельного разбирательства он был оправдан, однако репутация его была навсегда испорчена, поэтому несчастный покончил с собой.

Комедия Хохвельдера «Невиновный» приобретает увлекательность благодаря детективному сюжету. Под розовой клумбой директора большого предприятия, уважаемого и зажиточного человека Кристиана Эрдмана, при закладке канализационных труб обнаружен скелет человека с проломленным черепом. На Эрдмана падает подозрение, и действие направлено на то, чтобы установить, убийца он или нет.

Игра присутствует в комедии на различных уровнях. На уровне субъектно-объектных отношений она представлена приемом маски. Наличие у главного персонажа маски переносит конфликт в психологическую сферу. Присутствие у героя маски внутреннего состояния сомнению не подлежит, на первый план выдвигается вопрос, в каких именно сценах Эрдман выступает под маской, какое его состояние является игрой, от этого зависит развитие интриги и решение конфликта.

В начале пьесы все в доме Кристиана Эрдмана от жены и дочери до выжившего из ума старика садовника, кажется, дрожат перед хозяином. Все боится побеспокоить его, а особенно — нарушить установленный в доме порядок. С их слов у зрителя готов сложиться образ жестокого тирана, который заставляет всех своих домашних «считаться с его бесконечными прихотями» [Хохвельдер: 49]. Однако когда Эрдман появляется на сцене и принимается завтракать, смешно «философствуя» по поводу хорошего сна и вкусного завтрака и превознося достоинства сыра камамбер, зритель понимает, что он — не кто иной как субъект игры, которая ведется в его доме, и в которой домашние подыгрывают ему. Поводы занудливых придинок Эрдмана к своим близким столь ничтожны, что он представляется скорее наигранно, почти подетски капризным, нежели жестоким. Это подтверждает реплика его жены Шарлотты: «Всякому известно, что ты самый безобидный, добродушный человек» [Там же: 57]. Однако когда дело доходит до серьезного вопроса о браке дочери с неугодным отцу женихом — спелеологом Брудершафтером, Эрдман кричит: «Иногда у меня такой вид, будто я неспособен сосчитать до трех, но это маска, притворство... в серьезном деле со мной шутить нельзя, тут я

способен на все... <...> Дожили! Мне не верят, считают меня простодушным домашним тираном, которого ничего не стоит обвести вокруг пальца! Ошибаетесь, мои дорогие, я не тот, за кого меня принимают... В жизни у меня были события, которые не подлежат огласке... Если однажды это прорвется наружу, у вас волосы дыбом встанут» [Там же: 56—57]. Как персонажи, так и зрители считают эти слова пустой похвальбой, попыткой напустить на себя ложную значительность. Может показаться, что маска героя — это и есть его напускная суровость и жестокость. Комически преувеличенными кажутся переживания Эрдмана по поводу разоренной клумбы.

Образ взбалмошного, но по сути своей незлого, безобидного человека рушится, когда приходит весть о страшной находке. Вот тут впервые возникает неясность, где же маска, а где настоящее лицо Эрдмана. Теперь окружающие принимают слова героя о способности на все и о темной тайне в прошлом за истину, за случайное признание, произнесенное забывшимся во гневе убийцей. И вот переживания Эрдмана по поводу нарушенной неприкосновенности своей клумбы не кажутся больше нелепыми. Удивление и отчаяние героя все считают маской. Жена просит Кристиана не таиться и открыть ей свою тайну, дочь уходит из дома, отказывается работать в доме убийцы служанка. Шарлотта напоминает Эрдману о его же словах, но теперь он рычит: «Господи! Как вы могли, это я наболтал от хорошего настроения, с чистой совестью, не зная за собой никакой вины... Клянусь вам всем, что для меня свято: в моей жизни нет никакой тайны... я никогда никого не обидел, тот кто меня понимает, может вить из меня веревки... достаточно одной улыбки, одного теплого слова...» [Там же: 83].

Драматическое напряжение дальнейших сцен делает очевидным присутствие в пьесе черт новой драмы. Особую серьезность ситуации придают воспоминания соседа Эрдмана о том времени, когда Кристиан жил один и много пил. Тогда сосед слышал его разговор с садовником, из которого сделал вывод, что Эрдман убил своего соперника. Конфликт поворачивается в новое русло, появляется внутренний конфликт, который гораздо важнее внешнего. На первый план выдвигается вопрос, способен ли герой на убийство вообще. Эта мысль потрясает Эрдмана гораздо глубже, нежели обвинение, которое он считал ложным. Попытки Кристиана взглянуть в самого себя в поисках ответа на этот страшный вопрос вновь разрушают его мнимую маску. Теперь перед зрителем настоящее лицо. Юлиус, считавшийся лучшим другом Эрдмана, пытается доказать ему логически, что по характеру Кристиан является человеком, способным на убийство. При этом он подчеркивает страсть к лицедейству, актерское мастерство и необузданный нрав как качества, которыми должен обладать убийца.

Игровые уровни субъектно-объектных отношений и комедийной интриги находятся в отношениях взаимовлияния. Однако оба они реализуются благодаря наличию еще одного уровня игры, который можно назвать рецептивным. Подобно истинному художнику, который заставляет зрителя видеть картину под нужным автору углом зрения, Фриц Хохвельдер играет зрительским восприятием. В комедии «Невиновный» он несколько раз создает определенный горизонт ожидания и затем разрушает его. Во многом этому способствует дискурсивный уровень игры. Игра в дискурсе — это игра со смыслами реплик. Фразы «способен убить», «способен на все» произносятся с самого начала пьесы, еще до завязки основного действия, однако им придается совершенно иной смысл, они являются игровыми репликами героев, надевших маски. После завязки эти слова мыслятся уже в своем прямом значении.

Когда появляется внутренний конфликт в душе Эрдмана между ощущением себя положительным, во всех отношениях порядочным и безобидным

человеком и возможностью на самом деле оказаться преступником, ситуация подходит к стадии наивысшего драматического напряжения. Внешний конфликт решается в традициях народного театра. Эрдмана спасает негодный ему жених дочери спелеолог Брудершафтер, который устанавливает, что скелет принадлежит солдату наполеоновской армии. Используется известный с античных времен прием *deus ex machina*. Герой спасен, он теперь уже не хочет препятствовать влюбленным. Однако это еще не финал. Исчерпан внешний конфликт, но не внутренний. Поэтому финал получает почти ибсеновское звучание. В данном случае особенно ярко выражается взаимовлияние игровых уровней субъектно-объектных отношений и интриги, а также делается понятной роль рецептивного уровня.

Итак, герой оправдан, его триумф совпадает с помолвкой его дочери, в его доме восстанавливается порядок, не отменяется даже традиционная партия с Юлиусом в шахматы. Шахматы как игра в игре появляются в комедии, возможно, неслучайно. В отличие от карточной игры, где успех зависит от везения, игра в шахматы предполагает разумный подход и точный расчет. Кроме того, шахматы — это игра-манипулирование фигурами. Значение может иметь также и цвет фигур, так как момент состязания есть почти в каждой игре, но здесь — это борьба белого и черного. Оба героя понимают толк в игре, на словах же они состязаются в логических ходах. Однако Юлиус играет черными и проигрывает: после финальной речи Эрдмана он бледнеет и роняет фигуры, а его противник показывает себя мастером по манипулированию чужим мнением.

Финальный диалог во время этой игры перечеркивает смысл счастливой концовки, рушит вновь созданный горизонт ожиданий и все ставит с ног на голову. Юлиус отказывается от своих умозаключений, теперь он отстаивает мнение, что Кристиан не способен на убийство. Неожиданно Эрдман, торжествующий победу, заявляет, что счастливый исход ситуации не доказывает, что убийство действительно не было совершено. Он берет на вооружение аргументы самого Юлиуса и логически доказывает ему, что вполне мог совершить убийство и при этом не вести своего соперника в дом и не прятать его тело под клумбой, а убить его в лесу и там же закопать. В этом случае садовник мог увидеть Эрдмана с лопатой, а сосед — услышать их разговор. Это высказывание ставит зрителя в окончательный тупик. Убийца Эрдман на самом деле или нет, зависит от того, надевает он маску в данный момент или снимает. Таким образом, в комедии присутствует маска — перевёртыш, но остается неясным, в каком именно случае. Рецептивный игровой уровень подчиняет себе остальные. Эта многослойная игра строится автором, по-видимому, ради того, чтобы подчеркнуть, что внешний конфликт не единственный и уж тем более не основной. Конфликт, скрытый в подтексте, похож на конфликт «Норы». Страшнее ложного обвинения для Кристиана Эрдмана становится та бездна одиночества, в которую ему приходится заглянуть. Герой в финале оправдан, и репутация его спасена, но прежняя жизнь его безнадежно разрушена. Теперь речь идет уже не о масках Эрдмана, а о масках окружающих его людей. Оказывается, всю жизнь Эрдмана окружали маски: сосед, лучший друг, служанка, жена, дочь. Они исправно играли свою роль в его прошлой жизни. Но как только с Эрдманом случается беда, все эти люди бросают его, ему никто не верит и не хочет оказать ему никакой поддержки. Таким образом, персонажи срывают с себя маски, и мир Эрдмана рушится именно тогда, когда он понимает, что не дорог никому из своих близких: «Боже мой, но тогда моя жизнь катится к чертям... <...> Если каждый одинок, безнадежно одинок и способен на худшие злодеяния, значит, я до последней минуты ничего не понимал в жизни, значит я дурак, который верил в доброту, любовь, дружбу, в веселье, во все земные радости. И вот я протягиваю

руку, ищу опору, поддержку — и попадаю в пустоту... Господи, помоги мне, несчастному горемыке, неужели я так ошибся в жизни» [Там же: 97].

Финал остается открытым, но, если предположить, что Эрдман действительно невиновен, то драматизм в комедию привносит не столько ложное обвинение, сколько вызванный им эффект: в один день Эрдман теряет всех близких ему людей. Именно поэтому, когда они снова надевают маски, он отвечает им тем же. Итак, игра на вторичных уровнях приобретает в комедии «Невиновный» экзистенциальный смысл, и важным становится противопоставление видимости и сущности в жизни человека. В финале рушится игра жизни Эрдмана, в которой не только окружающие, но и он сам являлся объектом. Поэтому финальный жест Эрдмана можно считать не признанием вины, а своеобразной мстостью людям, которые были рядом с ним столько лет и лгали ему. Герой теперь, в свою очередь, обрекает их на годы жизни рядом с человеком в маске, под которой, возможно, скрывается нераскрытый преступник, способный на все. Занавес опускается под хохот Эрдмана.

Итак, наличие внутреннего, многогранного конфликта делает пьесу Фрица Хохвельдера не просто комедией положений, своеобразие масок препятствует тому, чтобы назвать произведение комедией характеров. На первом месте — идеи: игра, принятая в обществе, противоречие видимости и сущности, тонкая грань между виной и невиновностью. Налицо новая задача автора — не только развлечь публику, выразить свое отношение к явлениям действительности, подвергающимся осмеянию, но и привлечь к размышлению самого зрителя. Это стремление к более активному взаимодействию со зрителями достигается благодаря созданию в комедии игрового поля, которое возникает из-за сочетания различных отношений между игровыми уровнями. Вышеперечисленные признаки являются жанрообразующими элементами интеллектуальной комедии игры.

Список литературы / References

- Архипов Ю. Обвиняющий театр Фрица Хохвельдера // Хохвельдер Ф. Пьесы. М.: Искусство, 1974. С. 5—44.
(Arkhipov Yu. Accusing Theater of Fritz Hochwelder, *Hochwelder F. Plays*, Moscow, pp. 5—44. — In Russ.)
- Хохвельдер Ф. Пьесы. М.: Искусство, 1974. 228 с.
(Hochwelder F. Plays, Moscow, 1974, 228 p. — In Russ.)
- Bortenschlager W. Der Dramatiker Fritz Hochwälder, Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1979, 243 S.
- Hochwälder F. Im Wechsel der Zeit: Autobiographischen Skizzen und Essays, Graz, Wien, Köln: Verlag Styria, 1980, 131 S.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Киселёва Ирина Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lana.dollskaya@yandex.ru

Kiseleva Irina Stanislavovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lana.dollskaya@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 30—37.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 30—37.

Научная статья

УДК 82.0

DOI: 10.46726/И.2023.3.4

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЛИГИИ В ЖАНРЕ АНТИУТОПИЧЕСКОГО РОМАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Лев Олегович Мысовских

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, levmisov@yandex.ru

Аннотация. Автор статьи утверждает, что общества в антиутопических романах Замятина, Хаксли и Оруэлла представляются в глубоко религиозной парадигме. Антиутопические общества организованы по теистическому шаблону, к которому присоединяются суррогаты бога, новые грехи и ереси. Во всех рассмотренных романах обнаруживается антиутопический бог, выступающий в качестве пародии на иудео-христианского Бога. Антиутопические боги-суррогаты являются социальной силой, значимой для писателей, поэтому антиутопический бог представляется центральной фигурой во всех проанализированных романах. Антиутопический бог страдает комплексом неполноценности, так как он не является Богом-творцом. Следовательно, он представляет собой всего лишь социальную силу и осуждает любую деятельность, не сосредоточенную на себе. Требование неперестанного и исключительного уважения граждан отличает антиутопического бога от Бога христианского. Можно утверждать, что общество становится антиутопичным, поклоняясь идолам. Замятин, Хаксли и Оруэлл в целом не воспринимают христианство в качестве угрозы или спасения от будущей опасности. Реальную опасность представляют социальные принципы, которые идолопоклоннически закреплены в христианском религиозном шаблоне. Антиутопические общества не просто структурированы по христианской модели, включая религиозные церемонии, фигуры богов и священников, но и сюжеты романов повторяют христианскую историю: главный герой, будучи в раю, совершает грех и отпадает от благодати, в результате чего сталкивается с выбором между проклятием и спасением. Писатели-антиутописты находят, что наибольшую опасность для общества представляет социально-политическое идолопоклонство, являющееся антиутопической заменой христианству.

Ключевые слова: антиутопия, роман, жанр, религия, христианство, идолопоклонничество

Для цитирования: Мысовских Л.О. Особенности представления религии в жанре антиутопического романа первой половины XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 30—37.

Original article

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF RELIGION IN THE GENRE OF THE DYSTOPIAN NOVEL OF THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Lev O. Mysovskikh

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, levmisov@yandex.ru

Abstract. The author of the article argues that societies in the dystopian novels of Zamyatin, Huxley and Orwell are presented in a deeply religious paradigm. Dystopian societies are organized according to a theistic template, to which God's surrogates, new sins and heresies join. In all the novels considered, a dystopian god is found, acting as a parody of the Judeo-Christian God. Dystopian surrogate gods are a social force that is significant for writers, so the dystopian god appears to be the central figure in all the analyzed novels. The dystopian god suffers from the inferiority complex, since he is not a creator God. Consequently, he is just a social force and condemns any activity that is not focused on himself. The demand for the unceasing and exclusive respect of citizens distinguishes the dystopian god from the Christian God. It can be argued that society becomes dystopian by worshipping idols. Zamyatin, Huxley and Orwell generally do not perceive Christianity as a threat or salvation from future danger. The real danger is represented by social principles that are idolatrously fixed in the Christian religious template. Dystopian societies are not just structured according to the Christian model, including religious ceremonies, figures of gods and priests, but the plots of the novels repeat Christian history: the main character, being in paradise, commits sin and falls from grace, as a result of which he faces a choice between damnation and salvation. Anti-Utopian writers find that the greatest danger to society is socio-political idolatry, which is a dystopian substitute for Christianity.

Keywords: dystopia, novel, genre, religion, Christianity, idolatry

For citation: Mysovskikh L.O. Features of the representation of religion in the genre of the dystopian novel of the first half of the twentieth century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 30—37.

Роман-антиутопию можно считать феноменом XX века. Но и сегодня антиутопические романы продолжают пользоваться широкой популярностью у читателей. Антиутопические романы рисуют воображаемые общества. Однако они имеют неприятное сходство с реальностью, в которой живет сам читатель. Это сходство позволяет автору критиковать различные тенденции в своем обществе, распространяя их на будущий мир, изображенный в антиутопии. В антиутопиях исследованию обычно подвергается социально-политическое устройство общества. При этом отношение данного жанра к религии упущено из виду. В частности, современные исследователи объясняют этот факт тем, что в антиутопических романах социально-политическое идолопоклонство становится суррогатом традиционной религии [Мысовских], отказ от изображения которой в романах вызван крахом религиозной веры [Павлова], произошедшим в европейском обществе первой половины XX века. Также отмечается влияние новых религиозных «доминант, архетипов и мифов массового сознания на генезис и историческое функционирование антиутопии» [Покотыло: 137]. Тем не менее сложно назвать работу, в которой было бы представлено комплексное исследование религиозно-мифологических структур в классических антиутопиях, включая хрестоматийные романы, хотя в них можно найти достаточно примеров, когда антиутопические общества представляются в глубоко религиозной парадигме. Общества,

изображенные в этих романах, структурированы вокруг узнаваемого теистического шаблона, дополненного суррогатами бога, новыми грехами и ересями. Большинство этих обществ отошли от религий прошлого.

В начале романа Джорджа Оруэлла «1984» Уинстон обдумывает прошедшую двухминутку ненависти, которая аналогична религиозной службе. На данном мероприятии всегда обсуждали Эммануэля Голдстейна. Это «первый изменник, главный осквернитель партийной чистоты. Из его теорий произрастали все дальнейшие преступления против партии, все вредительства, предательства, ереси, уклоны» [Оруэлл: 12]. Кроме того, Голдстейн написал книгу всех ересей, которую можно рассматривать как антикатехизис. Участники двухминутки ненависти, доведенные до исступления страхом и отвращением при виде Голдстейна, внезапно сталкиваются с образом Старшего Брата, правителя Океании. Их облегчение наступает немедленно. Одна из женщин, всхлипывая, произносит: «Спаситель мой!» и молитвенно вздымает руки к экрану. В отличие от сатанинского Голдстейна, у Старшего Брата есть отчетливые приметы бога. Оруэлл намеренно подчеркивает, что Старшему Брату поклоняются. Старший Брат — это воплощение Партии, что делает ее также божественной.

В Океании христианство вымерло. Теперь одинаково преступно быть верующим, капиталистом и извращенцем. Христианство ассоциируется с классом капиталистов и такими мерзостями, как ряженые епископы и судьи, паразитирующие на теле общества. Христианство в романе представлено как социально-политический институт, который действовал во многом так же, как и Партия, хотя и менее успешно.

Последователи Голдстейна придерживаются собственного катехизиса. О'Брайен проводит Уинстона и Джулию через своеобразную исповедь, перед тем как ввести в Братство. Позже в романе О'Брайен признается, что участвовал в изготовлении книги Голдстейна, и когда Уинстон спрашивает его, реально ли Братство, О'Брайен говорит, что он никогда этого не узнает. Партия — это религия сама по себе. Уинстон представляет Партию как «преданный идее орден, который творит зло во имя добра» [Оруэлл: 232]. О'Брайен раскрывает ее истинную природу, когда говорит: «Мы — жрецы власти... Бог — это власть» [Там же: 233].

«Принципы новояза» наиболее четко описывают религиозные императивы. Что требуется от члена партии, так это мировоззрение, аналогичное мировоззрению древнего еврея, который знал, не зная ничего другого, что все народы, кроме его, поклонялись ложным богам. Ему не нужно было знать, что этих богов звали Ваал, Энлиль, Осирис или Молох. Чем меньше он знал о них, тем лучше для его ортодоксальности. Он знал Иегову и его заповеди; поэтому он знал, что все боги с другими именами или другими атрибутами были ложными богами. Партия сохраняет строгую бдительность в отношении всех видов ереси и неортодоксальности и настолько привержена своей версии реальности, что перевоспитывает еретика, прежде чем казнить его. Океания — это место, где христианство было отвергнуто, но где его место заняла новая и еще более тоталитарная религия. Подкрепленная религиозными церемониями, жреческим сословием, образом бога и сатаны, эта религия поносит христианство, которое ей предшествовало, и неустанно преследует любую неортодоксальность среди граждан Океании.

В романе «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли первый признак религии появляется в сцене, где директор Инкубатория и Воспитательного Центра проводит экскурсию, являющуюся ярким примером «религиозно-мистической коммуникации» [Гаврикова: 442], которая довольно часто обнаруживается в антиутопических романах. Объясняя практику гипнопедии, обучения во сне,

директор упоминает, что ее экспериментальное использование началось еще когда Господь наш Форд был на земле. Далее после ссылки на модель Т Господа нашего Форда директор и его ученики осеняют свои животы знаком Т, который в Дивном новом мире заменяет крестное знамение. Точно так же, как Христос принес Благою Весть о спасении, так и Форд внедрил конвейерный процесс, который привел к созданию Инкубатория, фабрики по производству людей. У Форда есть и собственная библия «Моя жизнь и работа». Форд является своеобразной сатирой на Иисуса. Однако поклоняются Форду всерьез, потому что его сборочная линия действительно дала человечеству своего рода спасение. Главноуправитель Мустафа Монд говорит: «Без стабильного общества немислима цивилизация» [Хаксли: 60—61]. Стабильность — это спасение цивилизации, и Форд принес эту стабильность на землю.

Граждане Мирового Государства обязаны посещать религиозные службы, так называемые сходки единения. Каждая группа состоит из двенадцати человек: шесть мужчин и шесть женщин, — усаживающихся в порядке чередования. Все принимают таблетки сомы и пускают по кругу чашу с жидкой сомой (наркотиком, вызывающим эйфорию), прислушиваясь в ходе процесса к явлению Высшего Организма. Когда участники чувствуют Его присутствие, начинается ритуальный танец, в ходе которого звучат слова об искуплении и окончательном единении. Очевидно, что таблетки и чаша сомы пародируют христианскую Вечерю.

Христианство неизвестно большинству граждан Мирового государства. В Дивном Новом мире христианство рассматривается не как политический институт, подлежащий отмене, а как ненужное и отвратительное явление, отнимающее у людей счастье. Сомы служит прекрасной заменой христианства, обладая всеми его преимуществами и не имея ни одного из его недостатков. В малых дозах сома обеспечивает добродетельное терпение, доброжелательность, которые ранее требовало христианство; в больших дозах вызывает эйфорию и галлюцинации.

В индейской резервации можно обнаружить конкурирующую религиозную систему. Хранитель рассказывает Бернаруду и Линайне, что дикари сохранили «чудовищные суеверия... христианство, тотемизм, поклонение предкам» [Там же: 143]. Позднее герои смогут сами увидеть индейскую религиозную церемонию, которая проводится в угоду Пуконгу и Иисусу, чтобы пошел дождь и выросла кукуруза. Индейцы одинаково поклоняются изображению Иисуса на кресте и Пуконга в образе орла, девы Марии и Этсанатлеи — вечно молодой женщины. Однако для Джона религия — это прежде всего поиск истины. Когда Джона вводят в цивилизованное общество, он требует от Мустафы Монда объяснить, почему, если Монд знает о Боге, он не рассказывает о нем своим гражданам? Их последующая дискуссия показывает всю степень неуместности христианства для Дивного нового мира. Мустафа Монд предполагает, что Бог, вероятно, существует, но он не нужен. Монд цитирует философа Мэна де Бирана: «От Бога можно не зависеть, лишь пока ты молод и благополучен; всю жизнь ты независимым не проживешь» [Там же: 317]. Но благодаря Форду жители Дивного нового мира теперь молоды и благополучны до самого конца, следовательно, независимы от Бога, и Бог больше не нужен. Религия нужна человеку для того, чтобы возмещать его утраты. Но когда утрат нет, то и религиозность излишня.

Бог в принципе несовместим с техникой, медициной и счастьем, потому что он требует самоотречения, «но индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний» [Там же: 321]. Мировое государство не отменило христианство; скорее, посредством социальных

изменений и технологий оно устранило точки соприкосновения христианства с повседневной жизнью. Христианство исчезло, как исчезла бы религия в индейской резервации, если бы туда пришла цивилизация. У государства не было необходимости объявлять религию вне закона. Вместо этого религию сделали неуместной и заменили идеальными суррогатами, поклонением Форду и сомой.

В романе Евгения Замятина «Мы» у людей больше нет имен, их называют буквенно-числовым обозначением. Все граждане живут в одном городе, который отгорожен зеленой стеклянной стеной от мира природы. В этом мире математического счастья Д-503 строит космический корабль под названием «Интеграл», чтобы принести спасение жителям других миров. Богом здесь является Единое Государство, которому поклоняются при помощи гимнов и различных церемоний, являющихся празднованием «победы всех над одним, суммы над единицей» [Замятин: 58]. Воплощением Единого Государства выступает Благодетель, который четко не описывается. На одних церемониях Благодетель изображается как верховный жрец, на других как новый Иегова. Благодетель часто устраивает зрелища, прилетая самолетом или увешиваясь цветами. Подданные его любят, за исключением, конечно, предателей Разума. Религию в Едином Государстве преподают роботы-священники. Д-503 вспоминает, как священник излагал текст, а студенты повторяли за ним.

Д-503 говорит о старом Боге христианства в основном уничижительно. Литургии Единого Государства похожи на церковные службы древних, «но они служили своему нелепому, неведомому Богу — мы служим лепому и точнейшим образом ведомому; их Бог не дал им ничего, кроме вечных, мучительных исканий: их Бог не выдумал ничего умнее, как неизвестно почему принести себя в жертву, — мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству, — спокойную, обдуманную, разумную жертву» [Там же: 58]. Люди-цифры уверены, что древний Бог — это плод воображения, он не обитает на небесах, которые есть ничто. Если древний Бог создал древнего человека способным совершать ошибки, значит, Бог сам совершил ошибку. Современный же человек совершенен. Д-503 испытывает большее уважение к таблице умножения, чем к древнему Богу, так как таблица умножения никогда не ошибается.

Тем не менее Д-503 все же видит некоторые хорошие качества в христианстве, а именно то, что церковь понимала силу и величие объединенного стада и выступала его пастырем. Какой бы невежественной и отсталой ни казалась церковь Д-503, он признает, что даже она осознавала, что «Мы» — от Бога, «Я» — от дьявола. Таким образом, в Едином Государстве дьявол побежден окончательно и бесповоротно. «“Мы” — это сам Великий инквизитор, “имя которому — легион”: сначала это бесы революции, а потом — обожествленный вождь и обожествленное государство» [Казнина: 165]. Однако для Д-503 все не так просто. Его счастливые отношения с О-90 разрушаются из-за его увлечения И-330, являющейся олицетворением неподчинения Единому Государству. Д-503 влюбляется и перестает подчиняться логике и собственной совести. В конце концов он узнает, что И-330 является членом революционной организации, представляющей собой одновременно конкурирующую религию. Члены этой секты поклоняются энергии, в отличие от древних христиан, которые поклонялись энтропии, и граждан Единого Государства, поклоняющихся социальной стабильности. В качестве спасения от тлетворного влияния сектантов Единое Государство отправляет своих граждан на обязательную Великую Операцию по уничтожению центра фантазии в мозгу, после которой счастье людей-цифр уже ничто не сможет угрожать, так как, по словам Благодетеля, после Великой Операции люди попадают в рай.

Таким образом, в романе «Мы» изображен мир, в котором государственная религия полностью вытеснила христианство. Старая религия теперь отвергается как ошибочная. И главная ошибка в том, что Бог существует. Новая религия беззастенчиво атеистична. Люди поклоняются Единому Государству, даже осознавая, что это всего лишь искусственное образование. Тем не менее индивидуальные порывы подрывают социальный порядок, в результате чего религию будут практиковать лоботомированные автоматы, лишённые фантазии, какой-либо индивидуальной, независимой мысли вообще.

Чтобы сделать временные рамки своих романов более достоверными, романисты-антиутописты обычно пытаются установить преемственность между «настоящим» романа и «настоящим» читателя, включая в текст тематические элементы, которые читатель может распознать. Поэтому антиутопические романы по-прежнему разворачиваются на Земле, по-прежнему затрагивают людей и изображают узнаваемые социальные структуры. Более того, современные обыденные предметы все еще присутствуют в антиутопических обществах, например, автомобили, дома и кинотеатры. Поскольку все три проанализированных романа были написаны авторами, которые жили в обществах с институциональным христианским присутствием, можно ожидать, что, рассказывая свои истории, эти авторы будут включать упоминания о институциональном христианстве. Авторы проанализированных антиутопических романов сосредоточиваются на христианстве, потому что христианство является наиболее значимой религиозной силой в их обществах. Это одновременно и самая влиятельная религиозная система, и наиболее узнаваемая для читателя. Однако в рассмотренных романах христианство в том виде, в каком мы его знаем, является лишь угасающим воспоминанием.

Ни один автор и ни один главный герой не рассматривают возвращение к институциональному христианству как какое-либо решение проблем своего общества, так как институциональное христианство само создает социальные проблемы. Для главных героев антиутопических романов возвращение к христианству было бы скорее регрессивным, чем прогрессивным. Даже для самого религиозного персонажа — дикаря Джона — христианство является лишь помехой его мечтам о романе с Линайной и в конечном счете толкает его на самоубийство. Антиутопическое общество может быть плохим, но христианство так же плохо, если не хуже. Главные герои рассматривают христианство не как благородную жертву антиутопического угнетения, а скорее, как коррумпированную, устаревшую или неуместную систему.

При этом антиутопический бог присутствует во всех трех романах и является пародией на иудео-христианского Бога. Антиутопические боги-суррогаты представляют социальные силы, значимые для писателей, поэтому антиутопический бог на самом деле является центральной фигурой в каждом романе. Именно он создает антиутопическое общество. Антиутопический бог, в отличие от христианского Бога, часто открыто тоталитарен. Антиутопический бог страдает своего рода комплексом неполноценности, потому что он не является Богом-творцом. Следовательно, он представляет собой всего лишь социальную силу и осуждает любую деятельность, не сосредоточенную на себе. Такое требование полной любви, непрерывного и исключительного уважения всех граждан существенным образом отличает антиутопического бога от Бога христианского. То есть можно утверждать, что общество становится антиутопичным, поклоняясь идолам.

Помимо социальных сил, в антиутопических романах часто используется личность, которая служит дальнейшим воплощением божества. В романе

«О Дивный Новый мир» — это Форд; в «Мы» — Благодетель, который примерно аналогичен египетскому фараону-богу; а в «1984» это Старший Брат, которого считают Спасителем. Все они либо находятся в настоящее время в мире, либо были на земле в какой-то момент истории.

Концепция греха является естественным следствием любого вероучения, которое исповедует божественный моральный стандарт. Однако в антиутопических обществах считается, что человечество вернулось к простодушию Адама и Евы. В результате получается второй Рай, в котором не может быть греха. Признанный знаток творчества О. Хаксли — В.С. Рабинович — считает, что особенности жанра антиутопии «предусматривают исправление последствий самого первородного греха — и, значит, возвращение людей к состоянию до грехопадения, к райскому блаженству» [Рабинович: 51]. Каждое из антиутопических обществ берет свое начало в какой-то разрушительной войне, уничтожившей старую цивилизацию. Потом создается новое, совершенное общество, которое будет существовать вечно. Поскольку новое общество, являясь эквивалентом рая, совершенно, то грех должен исчезнуть. Однако герои романов грешат, и это служит доказательством того, что антиутопическое общество на самом деле несовершенно.

Учитывая тот факт, что цель антиутопического романа — повысить осведомленность читателя о современных социальных тенденциях и опасностях, можно ли считать христианство их предметом? Скорее, нет. Хотя все три романа были написаны в обществах с сильным христианским институциональным присутствием, они не распространили влияние христианских институтов на мир антиутопии. Тут христианство либо вымерло, либо вымирает. Замятин, Хаксли и Оруэлл в целом не рассматривают христианство как будущую опасность или будущее спасение от опасности. Скорее, социальные принципы, идолопоклоннически закрепленные в христианском религиозном шаблоне, представляют реальную опасность. Изученные антиутопические общества не только построены по христианской модели, включая фигуры богов, священников и религиозные церемонии, но и их сюжетные линии также следуют христианской истории: главный герой живет в Раю, но из-за греха отпадает от благодати и в конечном итоге сталкивается с окончательным выбором между спасением и проклятием. В своих романах авторы антиутопий используют структуру, теологию, мифологию и язык христианства, чтобы показать, что самая большая опасность для человечества заключается в социально-политическом идолопоклонстве, в создании антиутопической замены христианству.

Список источников

- Замятин Е.И. Мы. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2010. 365 с.
 Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989. 277 с.
 Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2018. 350 с.

Список литературы / References

- Гаврикова Ю.С. Жанровая интертекстуальность в англоязычных антиутопиях // Научные записки ОГИЭТ. 2011. № 2 (4). С. 441—443.
 (Gavrikova Ju.S. Genre intertextuality in English-language dystopias, *Nauchnye zapiski OGIET*, 2011, no 2 (4), pp. 441—443. — In Russ.)

- Казнина О.А. Е.И. Замятин и религиозно-философская антиутопия (критика социального утопизма в творчестве Е.И. Замятина и Н.А. Бердяева) // Соловьевские исследования. 2015. № 3 (47). С. 157—170.
(Kaznina O.A. E.I. Zamyatin and religious and philosophical dystopia (criticism of social utopianism in the works of E.I. Zamyatin and N.A. Berdyaev), *The Journal "Solovyov Studies"*, 2015, no 3 (47). pp. 157—170. — In Russ.)
- Мысовских Л.О. Закономерности возникновения и трансформации жанра романа-антиутопии // Наука и школа. 2022. № 6. С. 11—19.
(Mysovskikh L.O. Regularities of the emergence and transformation of the genre of the novel-dystopia, *Science and School*, 2022, no 6, pp. 11—19. — In Russ.)
- Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004. 472 с.
(Pavlova O.A. Metamorphoses of literary utopia: a theoretical aspect. Volgograd, 2004, 472 p. — In Russ.)
- Покотыло М.В. Литературная антиутопия в системе жанровых дефиниций // Гуманитарные исследования. 2012. № 3. С. 136—141.
(Pokotylo M.V. Literary dystopia in the system of genre definitions, *Humanitarian Researches*, 2012, no 3, pp. 136—141. — In Russ.)
- Рабинович В.С. Утопия и антиутопия XX века: опыт интерпретации (к проблеме изучения в старших классах) // Филологический класс. 2003. № 9. С. 49—53.
(Rabinovich V.S. Utopia and dystopia of the twentieth century: the experience of interpretation (to the problem of studying in the senior classes), *Philological Class*, 2003, no. 9, pp. 49—53. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 06.11.2022; approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Мысовских Лев Олегович — аспирант филологического факультета, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, levmisov@yandex.ru

Mysovskikh Lev Olegovich — post-graduate student at the Philological Faculty, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, levmisov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 38—44.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 38—44.

Научная статья

УДК 82.091

DOI: 10.46726/И.2023.3.5

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ РОМАНТИКОВ
(На примере баллады Г.А. Бюргера «Ленора»
и баллад В.А. Жуковского «Людмила» и «Светлана»)**

Вера Николаевна Оксенчук

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия, vera-yakushkina@mail.ru

Аннотация. Предметом статьи является сравнительный анализ трех произведений, принадлежащих перу В.А. Жуковского: баллады «Людмила» и «Светлана» и перевод баллады Г.А. Бюргера «Ленора». Рассматриваются вопросы, связанные с распространением романтизма, и выявляются типологические схождения текстов, написанных на схожие сюжеты, для обнаружения причины различий в их восприятии. Типология балладного события вместе с системой персонажей составляют так называемый ролевой треугольник, позволяющий сравнивать произведения между собой. Обращение к исследуемым балладам показывает, что балладные события «Леноры» и «Людмилы» идентичны, канва описываемых в них событий совпадает, они целостные и однократные. В обеих балладах событийность представлена в высшей степени в концентрированном виде. В отличие от них баллада «Светлана» представляет собой как бы «зеркальный вариант», в котором финал указывает на повторение основных событий, но в другом ракурсе. Таким образом, обнаружение и анализ контактных связей и типологических схождений между национальными литературами дает возможность говорить об их взаимодействии и взаимовлиянии.

Ключевые слова: романтизм, баллада, жанр, символика, типологические схождения, нарратив, сюжет

Для цитирования: Оксенчук В.Н. Типологические схождения в произведениях немецких и русских романтиков: (на примере баллады Г.А. Бюргера «Ленора» и баллад В.А. Жуковского «Людмила» и «Светлана») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 38—44.

Original article

**TYPOLOGICAL SIMILARITIES
IN THE WORKS OF GERMAN AND RUSSIAN ROMANTICS
(On the example of G.A. Burger's ballad "Leonora"
and V.A. Zhukovsky's ballads "Lyudmila" and "Svetlana")**

Vera N. Oxenchuk

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation,
vera-yakushkina@mail.ru

Abstract. The subject of the article is a comparative analysis of three works written by V.A. Zhukovsky: the ballads "Ludmila" and "Svetlana" and the translation of G.A. Burger's ballad "Leonora". It examines issues related to the spread of Romanticism in Russia

and attempts to identify typological similarities of texts written on similar subjects and to identify the causes of differences in their perception. The typology of the ballad event together with the ballad characters make up the so-called role triangle, which allows one to compare the works with each other. Turning to the ballads we are studying, it is obvious that the ballad events of “Lenora” and “Lyudmila” are identical, the outline of the events described in them coincides, and they are integral and momentaneous. In both ballads, eventfulness is presented in a highly concentrated form. Unlike them, the ballad “Svetlana” is like a “mirror version”, in which the finale indicates a repetition of the main events, but from a different perspective. Thus, the detection and analysis of contact links and typological cohesions between national literatures makes it possible to talk about their interaction and mutual influence.

Keywords: romanticism, ballad, genre, symbolism, narrative, typological cohesions, narrative, plot

For citation: Oxenchuk V.N. Typological similarities in the works of German and Russian Romantics: (on the example of G.A. Burger's ballad “Lenora” and V.A. Zhukovsky's ballads “Lyudmila” and “Svetlana”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 38—44.

Факт популярности баллады, воплотившей традиции германского этноса на русской почве, — явление в высшей степени примечательное. Возникшая в недрах нематериальной культуры германских племен, баллада стала органичной формой самовыражения немецких романтиков, искавших смысл творчества в обращении к национальным истокам. Их творчество, основанное на принципах «нового» искусства, сформулированных братьями Ф. и А. Шлегелями совместно с Ф. Шиллингом, заключалось в обретении самоидентичности через обращение к наследию предков и предполагало создание новых произведений, идентичных историческим образцам. Особенно удачливым на этом поприще был Г.А. Бюргер. После публикации его баллады «Ленора» в 1773 году за ним прочно закрепилось звание создателя жанра литературной баллады в Германии.

Однако следует отметить, что отношение к балладе Бюргера у него на родине и впоследствии в России было различным, что связано с различием в традициях немецкого и русского фольклора: русский фольклор отличается от немецкого тем, что образы нечистой силы — мертвецы и вурдалаки — существуют в нем лишь на бытовом уровне и не являются заметным элементом славянской картины мира; в то же время немецкий читатель воспринимает «Ленору» как литературное переложение древнегерманского сказания (нарратив баллады Бюргера в том или ином варианте часто встречается в фольклоре древних германцев), представляющего собой одну из сторон национальной картины мира. Иначе воспринимает обращение к теме нечистой силы русский читатель, для которого её публичное упоминание является определенным потрясением.

К тематике баллады Г.А. Бюргера В.А. Жуковский обращался трижды: в первый раз результатом этого интереса стала баллада «Людмила» (1808); не удовлетворенный полученным результатом, он написал балладу «Светлана» (1808—1812), изменив фабулу произведения; последним стал непосредственный перевод баллады «Ленора», публикация которого состоялась в 1831 году, это произошло спустя более чем двадцать лет после первого обращения к первоисточнику. В отличие от поэтических переложений известного сюжета, как это было в случае с «Людмилой» и «Светланой», «Ленора» представляет собой непосредственно литературный перевод.

Если бы было неизвестно, когда Жуковским были написаны баллады по мотивам произведения Г.А. Бюргера, то вполне можно было бы предположить, что именно работа над переводом баллады «Ленора» пробудила в нем желание написать собственное произведение, используя фабулу, предложенную Бюргером.

Но практика говорит об обратном: после знакомства с текстом Бюргера Жуковский делает первую попытку, которая, несмотря на положительный прием баллады публикой, не вполне удовлетворяет его самого, поэтический слух и литературное чутье подсказывали поэту, что сюжет с трагическим концом остаётся чуждым русскому менталитету. Поэтому вторая попытка Жуковского связана с изменением фабулы баллады, которая, согласно традициям русского фольклора, завершается счастливым концом. Возможно, именно из-за счастливого конца баллада «Светлана» приобрела такую популярность среди широкой публики.

«Светлана» Жуковского получила положительные отзывы современников, однако поэта по-прежнему волновала идея о неотвратимости кары. Размышления на эту тему привели к тому, что Жуковский берется за перевод баллады немецкого романтика на русский язык. Тот факт, что перевод был опубликован спустя много лет после баллады «Людмила», может свидетельствовать только о том, что работе над ним предшествовало длительное изучение вопросов, напрямую или косвенно связанных с принципами создания элегических произведений и баллад. Современные исследователи объединяют подобный подход общим названием «лингвостилистические особенности элегической литературы». О том, что подобные вопросы занимали поэта, мы можем судить по его дневниковым записям: «Бюргер в этом роде единственный, ибо он имеет истинно приличный тон избранному им роду стихотворения: ту простоту рассказа, которую должен иметь повествователь. Его характер: счастливое употребление выражений простонародных и в описаниях, и в выражениях чувства; краткость и ясность; приличие и разнообразие метров» (цит. по: [Афанасьев: 79]).

Перед непосредственным обращением к произведениям, созданным Жуковским на основе баллады Бюргера «Ленора», следует определить ключевые моменты, характеризующие жанры элегии и баллады. Под элегией понимается лирический жанр, представляющий собой эмоциональный результат философского раздумья над событиями и проблемами жизни, выраженный в стихотворной форме. Баллада отличается от элегии ярко выраженным сюжетом, в основе которого могут быть как события исторические, реально происходившие, так и фантастические. Баллада «всей внутренней структурой и всей системой изобразительных средств обращена в сферу исключительного, таинственного, стихийного — всего того, что знаменует собою отход от привычных и устоявшихся форм жизни и норм поведения. В основе ее сюжетов состояния и ситуации, которые возникают всякий раз при нарушении повседневного, будничного развития событий» [Иезуитова: 94]. С этой точки зрения элегию можно рассматривать как произведение, заключающее в себе интимное переживание, являющееся субъективированным по своему назначению, в то время как баллада несёт на себе отпечаток общественно значимого явления или события.

Маркером литературного произведения, относящегося к жанру баллады, можно считать однособытийность, т. е. такое построение сюжета, история которого разворачивается вокруг одного события. Об этом говорит Ю.М. Лотман, вводя в научный оборот такое понятие, как «балладное событие» [Лотман: 227], подразумевающее встречу героев, находящихся по обеим сторонам существующего миропорядка, когда один из героев пересекает условную границу, отделяющую земной мир от потустороннего, а участники действия подразделяются на «подвижных» и «неподвижных» персонажей. Пограничность двух миров — один из наиболее устойчивых признаков баллады, именно он лежит в основе произведений Бюргера и Жуковского. Сюжет развивается на границе дня и ночи, в сумерки или ночью, при свете луны, а константные признаки пространства и времени формируют балладный хронотоп.

Учитывая эти параметры, сопоставим тексты Бюргера и Жуковского.

Обычно название в сжатой форме транслирует тему художественного текста. В данном случае название произведений представляет собой женское имя, которое мало что говорит читателю, тем более что в момент написания баллад Жуковским русские имена Людмила и Светлана не использовались в обиходе, их популярность возросла именно после выхода этих баллад. Имя Ленора тем более не имело эмоциональной окраски для русского читателя. Можно говорить, что названия баллад опосредованно указывают на то, что сюжет связан с историей Людмилы, Светланы или Леноры.

Отметим, что баллады «Ленора», «Людмила» и «Светлана» имеют общую фабулу: несмотря на всеобщее веселье, героиня пребывает в печали из-за того, что не видит жениха среди возвратившихся с войны, а уехавший на заработки жених Светланы не подает о себе вестей. Ночью девушкам является жених, который увозит их к себе. Финалом баллад «Ленора» и «Людмила» становится смерть девушек. В балладе «Светлана» сон, напротив, является предупреждением, и, проснувшись, девушка встречает своего жениха.

Рассмотрим подробнее поэму «Ленора», так как именно её сюжет послужил основой для других произведений. Все события баллады Бюргера, разворачивающиеся после того, как Ленора приняла приглашение жениха и помчалась с ним в его жилище, можно расценить как наказание Леноры за богохульство. Не сразу девушка обращает внимание на странные замечания жениха; слово за слово она перестает понимать его загадочные фразы, и с каждым мгновением ей становится все страшнее. Ощущение страха усиливается мрачными картинами окружающего дорожку леса. Встретившаяся по пути похоронная процессия, которая пускается за ними вслед, чтобы успеть на свадьбу, только усиливает ощущение надвигающегося ужаса и краха. Еще больше усиливает это ощущение ужаса виселица с телами повешенных, которых тоже приглашают на предстоящее торжество. Наконец, конь с ездоками достигают кладбища, вид которого окончательно повергает Ленору в смятение: над одной из могил с жениха спадает кожа, и он, превращаясь в скелет и обнимая Ленору, утягивает её с собой в могилу.

Сюжет баллады Жуковского «Людмила» имеет типологические сходства с сюжетом «Леноры». Вначале создается впечатление их полной идентичности: не встретив своего возлюбленного среди вернувшихся с войны, девушка сильно страдает. Понимая, что любимый мертв, она готова умереть сама, так как не мыслит своей жизни без него. Несмотря на все увещания матери и её призывы смиренно воспринимать посылаемые небесами испытания, Людмила уверена, что раем для неё может быть только жизнь вместе с возлюбленным. Ночью Людмила слышит знакомый голос милого, зовущий её к себе. Несмотря на просьбу Людмилы отложить поездку до утра, жених уговаривает её отправиться в путь тотчас же. По дороге он рассказывает Людмиле, что дорога предстоит длинная. В этой балладе так же, как и в балладе «Ленора», ощущение страха, который постепенно овладевает Людмиллой, сопровождается мрачными картинами ночного леса. В «кладбищенском» духе устойчивый балладный топос «лес», априори враждебный человеку, усиливает ощущение неминуемой гибели. К утру возлюбленные прибывают туда, где за воротами вместо дома оказываются кресты и могилы, в одну из которых проваливается жених Людмилы вместе с конем. От увиденного Людмила «Каменеет / Меркнут очи, кровь хладеет...» [Жуковский: 15], и она тоже падает вслед за женихом в могилу.

Наконец, сюжет последней баллады «Светлана». В ней автор с первых строк помещает читателя в атмосферу святочных гаданий, соответствующих периоду зимних святок — времени, когда молодые девушки традиционно гадали

на судьбу, суженного и дату свадьбы. Этот обычай был известен в славянской культуре еще с языческих времен. Описанием этого занятия начинается история третьей баллады: Светлана с подругами собирается гадать на судьбу и своего возлюбленного, который уехал далеко. Несмотря на всеобщее веселье, сопутствующее гаданиям, Светлана грустит, потому что уже целый год не получала вестей от суженого. В конце концов она поддается уговорам подруг и решается на гадание. В полночь ей слышится стук в дверь: на пороге она видит своего милого, который зовет её ехать венчаться в церковь. Сани с возлюбленными трогаются с места, оставляя за собой клубы снега. Приехав в церковь, Светлана видит гроб. Неожиданно все вокруг неё исчезает, и она остаётся одна, окруженная темнотой и снежными вихрями. Вдруг она видит в темноте маленькую избушку с мерцающим в окне огоньком. Внутри перед ней снова возникает гроб в окружении свечей и икон. Светлане страшно в избушке, но на помощь к ней приходит белоснежный голубь, который обнимает её своими крылами и мешает усопшему встать из гроба. В покойном Светлана узнает своего возлюбленного. От ужаса девушка вскрикивает и просыпается у себя дома. Страшный сон не дает ей покоя, поскольку приснившееся не сулит ей ничего хорошего. В расстроенных чувствах девушка подходит к окну и слышит звон колокольчиков подъезжающих к дому саней, из которых выходит её жених, глаза которого светятся любовью. История традиционно заканчивается свадьбой и всеобщим весельем.

Сюжетная линия всех трех баллад идентична и имеет общую сквозную линию. «Людмила», как видим, при всех различиях наиболее близка к «Леноре». Они отличаются наличием авторской позиции: в «Леноре» авторское отношение к происходящему отсутствует, автор передает историю, а выводы предлагает делать (или не делать) читателю самостоятельно. В «Людмиле», так же как и в «Светлане», автор руководствуется национальными традициями, связанными с оценкой происходящего, которое в балладах выразилось в назидательности. В обеих балладах ясно просматриваются религиозные взгляды Жуковского: во всем полагающийся на волю Божию, он утверждает мысль о том, что любые испытания нужно встречать достойно, иначе человека коснется десница Божья. Доминантный сюжетно-образный мотив всех трех произведений — мотив таинственной силы, определяющей судьбу героев. Её присутствие настраивает читателя на волну предчувствий, которые сбываются согласно законам балладного жанра. И если в «Леноре» мертвецы с косами выступают как элемент культурного кода европейского этноса, то в русском менталитете они олицетворяют зло, лихо и мерзость. Характеристики главных образов тоже отражают национальный менталитет: Ленора у Бюргера — независимая, упрямая молодая девушка, не отступающая перед трудностями для достижения своей мечты — исторически сложившийся образ женщины со времен древних германцев. Она поплатилась за свое упрямство из-за того, что не прислушалась к разумным увещаниям матери — так педантично и по-немецки Бюргер раскрывает причинно-следственные связи. У Жуковского позиция прямо противоположная и связана, прежде всего, с личным отношением Жуковского к религии: Людмила наказана за свое несмирение и роптание, в то время как Светлана вознаграждена за веру и смирение — мораль, лежащая в основе православного мышления.

Семантическая структура баллады, о чем упоминалось выше, — описание испытаний, связанных с встречей «неподвижного» героя с «подвижным», в ходе которых проверяется способность первого остаться в пределах закона, нормы или веры. Случай, когда балладный герой оказывается под безоговорочным влиянием «подвижного персонажа» определяется как *дивергентно-идентифицирующий тип*. К нему относятся баллады «Ленора» и «Людмила». Соответственно,

«Светлана» относится к типу *идентифицирующего с целостностью*, т. е. когда персонаж преодолевает соблазны и совершает выбор в пользу установленного миропорядка. Семантическим ядром всех трёх баллад является проникновение потустороннего через невидимый рубикон, отделяющий жизнь от смерти. Для европейской традиции это устоявшееся явление, которое мы можем наблюдать на примере празднования Хеллоуина в католических и протестантских странах. «Бюргер дает Жуковскому сюжетную схему, которую он разрабатывает в ином стилистическом и эмоциональном ключе. Жуковский русифицирует колорит и слог своей баллады, превращая немецкую балладу в балладу русскую» [Иезуитова: 86].

Вопрос о лексиконе баллад Жуковского более сложный: мы сравниваем между собой произведения одного и того же автора, на одну и ту же тему, с одним и тем же сюжетом. Все это изначально подразумевает наличие авторского словаря, иначе называемого подъязыком. В нашем случае один и тот же автор выступает в двух лицах: и автора, и переводчика. Мы можем рассматривать авторскую лексикографию с точки зрения культурно-исторического фона, лежащего в основе творчества, это позволяет сравнивать между собой сочинение Бюргера, пусть и в переводе Жуковского, и произведения последнего. Историко-лексический и стилистико-художественный аспекты позволяют не делать различия между балладами «Людмила» и «Светлана» и рассматривать их вместе в сравнении с балладой «Ленора».

Жуковский мастерски владеет синтаксисом стиха: слова непрерывно вступают не только в ассоциативную, но и синтаксическую и ритмическую связь друг с другом, создавая причудливый каркас повествования (Ср. «Ленора»: «Она обходит ратный строй / И друга вызывает; / Но вести нет ей никакой: / Никто об нем не знает...» [Жуковский: 181], а вот что мы видим в «Людмиле»: «Миновался ратных строй... / Где ж, Людмила, твой герой? / Где твоя, Людмила, радость? / Ах! прости, надежда-сладость!» [Там же: 9—10]). И, наконец, «Светлана»: «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали: / За ворота башмачок, / Сняв с ноги, бросали... [Там же: 31]» — во всех случаях происходит соединение слов по синтаксическому и ритмическому принципу, стиховые связи рождаются внутри языковых и синтаксических элементов, составляющих с ними единое целое. К стилистическому приему, общему для всех трех произведений, относится звукопись, позволяющая передавать настроение через явления природы, раскрывающие сущность нарратива.

В основе жанровой модели всех трёх баллад лежит диалогово-ролевой треугольник: миропорядок — нарушитель — испытываемый, который в «Леноре» ассоциируется с главными действующими лицами: невеста — жених — мать. То же самое мы видим в «Людмиле»: опять невеста — жених — мать. В «Светлане» роль матери отдана подружкам.

Выше упоминалось, что все три баллады обладают идентичным балладным событием; разница в том, что в «Светлане» оно обличено в форму сна, который воспринимается как предупреждение. Это позволяет рассматривать композицию «Светланы» как рассказ в рассказе, составляющий неразрывное целое. Общим для всех баллад событием является поездка, сакральное значение которой представляет собой жизненный путь человека от рождения до смерти.

Сказанное позволяет рассматривать баллады как комплементарные друг к другу, основной конфликт которых происходит из внутреннего противоречия между здравым смыслом и верой, с одной стороны, и слабостью перед напором земных страстей — с другой.

Формальные признаки сходства всех трех баллад, которыми они обладают в силу своего генезиса, представлены следующими моментами: 1) фабула,

повествование в которой сопровождается описанием природы, отражающей настроение героев; 2) присутствие дороги, её сакральный смысл; 3) идентичность мнемонической образности, которая усиливает эмоциональное напряжение нарратива всех трех текстов.

Вопрос о типологических сходениях трех баллад на практике оказался гораздо более глубоким, требующим большого количества примеров из текста, что оказалось фактически невозможным в пределах одной статьи, поэтому круг обсуждаемых вопросов пришлось сознательно ограничить. Резюмируя, скажем, что наличие общих признаков в балладах (и переводе) обусловлено тем, что переводчик и автор нового произведения — одно лицо, поэтому статус репрезентируемого через текст авторства остается неизменным. Отсутствие привилегированного положения автора в русском варианте компенсируется через транслирование авторской позиции о неотвратимости кары Божьей. Если в «Леноре» мы не видим авторской оценки, что логично связать с традициями западной литературы, то в русском варианте, наоборот, в обоих произведениях автор демонстрирует принципиальную позицию. В основе отличий между первоисточником и балладами Жуковского лежат особенности национальных менталитетов.

Список литературы / References

- Афанасьев В.В. Жуковский. М.: Молодая гвардия, 1986. 397 с.
(Afanas'ev V.V. Zhukovsky, Moscow, 1986, 397 p. — In Russ.)
- Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах. Т. 3: Баллады. М.: Языки славянских культур, 2008. 456 с.
(Zhukovsky V.A. Complete collection of works and letters: in 20 volumes, vol. 3: Ballads, Moscow, 2008, 456 p. — In Russ.)
- Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. 163 с.
(Iezuitova R.V. Ballad in the era of Romanticism, *Russian Romanticism*, Leningrad, 1978, 163 p. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. 285 с.
(Lotman Y.M. The structure of a literary text, *Lotman Yu.M. About art*, St. Petersburg, 1998, pp. 227—228. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Оксенчук Вера Николаевна — аспирантка Института филологии и массмедиа, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, vera-yakushkina@mail.ru

Oxenchuk Vera Nikolaevna — post-graduate student, Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, vera-yakushkina@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 45—53.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 45—53.

Научная статья

УДК 82-31

DOI: 10.46726/И.2023.3.6

ЭКЗИСТЕНЦИЯ СМЕРТИ В РОМАНЕ АЛЬБИНЫ НУРИ «ПЯТЫЙ НЕСПЯЩИЙ»

Диана Юрьевна Сырысева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия, syryseva97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению экзистенции смерти в романе современной татарской русскоязычной писательницы Альбины Нури (Альбины Нурисламовой) «Пятый неспящий», проявляющейся как на уровне макропоэтики произведения (усложненная композиционная структура), так и на уровне микропоэтики (комплекс мортальных мотивов, представления о смерти, дихотомия внутреннее — внешнее, лексика, актуализирующая танатологический код). Проблематика смерти, к которой обращались многие татарские писатели, как на рубеже XIX—XX веков, так и на рубеже XX—XXI веков, интерпретируется Альбиной Нури в аспекте эстетики и поэтики магического реализма, в котором с помощью соединения магического, чудесного мира инферальных созданий, духов, призраков и предельно ясной, рациональной действительности создается третья, сложная для осмысления реальность. Делается попытка ввести в научный оборот творчество писательницы, которая продолжает развитие определенного вектора (экзистенциальная направленность и тональность произведения) как татарской литературы, так и мировой литературы, в основном латиноамериканской. Делаются выводы о том, что смерть в романе является главной композиционной и художественной константой, дает возможность рассмотреть преломление традиций магического реализма в данном произведении.

Ключевые слова: магический реализм, экзистенциализм, татарская литература, хрономираж, пространство

Для цитирования: Сырысева Д.Ю. Экзистенция смерти в романе Альбины Нури «Пятый неспящий» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 45—53.

Original article

THE EXISTENCE OF DEATH IN ALBINA NURI'S NOVEL “THE FIFTH SLEEPLESS”

Diana Yu. Syryseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, syryseva97@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the existence of death in the novel by the modern Tatar Russian-speaking writer Albina Nuri (Albina Nurislamova) “The Fifth Sleepless”, on the one hand, manifested at the level of macropoetics of the work

© Сырысева Д.Ю., 2023

(complicated compositional structure), and at the level of micropoetics (a complex of mortal motifs, ideas about death, internal-external dichotomy, vocabulary that actualizes thanatological code). The problem of death, which many Tatar writers addressed, both at the turn of the 19th—20th centuries and at the turn of the 20th—21st centuries, is interpreted by Albina Nuri in the aspect of aesthetics and poetics of magical realism, in which, by combining the magical, wonderful world of infernal creatures, spirits, ghosts and extremely clear, rational reality, a third, difficult to comprehend reality is created. An attempt is made to introduce into scientific circulation the work of the writer, who continues the development of a certain vector (existential orientation and tonality of the work) of both Tatar literature and world literature, mainly Latin American. Conclusions are drawn that death in the novel is the main compositional and artistic constant, which makes it possible to consider the refraction of the traditions of magical realism in this work.

Keywords: magical realism, existentialism, Tatar literature, chromomirage, space

For citation: Syryseva D.Yu. The existence of death in Albina Nuri's novel "The Fifth Sleepless", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 45—53.

Обращение к творчеству современной татарской русскоязычной писательницы Альбины Нури (Альбины Нурисламовой), получившей в 2017 году литературную премию Республики Татарстан имени Г.Р. Державина («Державинскую премию»), а именно к роману «Пятый неспящий» (2018), актуально, поскольку, во-первых, он имеет сложную композиционную форму, напоминающую по своей изысканной архитектонике структуры обрамленных повестей, получивших широкое распространение в литературах Востока, а во-вторых, является произведением, отличающимся сильной экзистенциальной направленностью, в которой важную роль играет репрезентация и экзистенция смерти. Нужно отметить, что писательница часто обращается к проблематике танатологического, которая может быть задана как эксплицитно, в поэтике названия произведения (романы «Город мертвецов», «Дорога в мир живых», «Глоток мертвой воды», «Погребенные за мостом»), так и имплицитно, в мотивной, композиционной структуре произведения (роман «Пассажир своей судьбы»).

Смерть, одна из констант бытия любого живого организма, часто становилась предметом научной и литературно-художественной рефлексии. Изучению смертности в англоязычных антропологии и социологии посвящены так называемые исследования *death studies* («наука о смерти»), связанные с широким пластом проблем, так или иначе относящихся к смерти, ее восприятию, ритуализации похоронных обрядов и обычаев, а также с проблематикой памяти как личной, так и исторической. Иллюстрацией пересечения подобных проблем являются такие места, как кладбища, склепы, массовые захоронения. Изменение восприятия смерти от вызывающей ужас, чувство жути, благоговейный трепет до способа и средства развлечения, при которых кошмар становится специально сделанным приемом, особым модным трендом, используемым в эпоху постгуманизма, отмечает историк Дина Хапаева [Хапаева]. В отечественных исследованиях интерес к танатологии, смертности, возможно, заданный переводом книги Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти», в которой рассказывается о католических представлениях людей Западной Европы об умирании и изменении отражения этих представлений в искусстве, в последнее время проявляется отчетливо [Арьес]. Социолог Сергей Мохов пытается выделить особую дисциплину некросоциология, о которой он рассуждает в книге «Археология русской смерти. Этнография похоронного

дела в современной России», также речь об этой дисциплине идет в ряде статей разных авторов, опубликованных в журнале «Археология русской смерти» [Мохов]. Литературоведы также обращают свое внимание на данную проблематику. Полина Новикова, следуя за методологией Мориса Бланшо, пытается выделить особое «пространство смерти», которое становится характерным для произведений И. Шмелева, В. Шаламова и А. Солженицына [Новикова]. Также круг моральных тем раскрывается в статьях сборника «Мортальность в литературе и культуре» [Мортальность...], в работах Романа Красильникова [Красильников].

Смерть может быть связана с экзистенцией, может включаться в комплекс экзистенциальных мотивов, наличествующих в произведении. Более того, как отмечает В. Заманская, в исследованиях советского периода «экзистенция трактовалась как активный антоним к понятию жизнь (общественная и классовая борьба)», а «экзистенция человека оказывалась в ряду идеологических антонимов к жизни личности» [Заманская: 24]. С.А. Кибальник, давая характеристику русской литературной традиции, подчеркивает «понимание смерти как инобытия, а также иррационализм и антиидеологизм», восходящие к поздним работам Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше [Кибальник: 132]. Несмотря на то, что в русской литературе экзистенциалистскую традицию «в последнее время предложено рассматривать весьма расширительно», в основном она связывается с творчеством писателей-эмигрантов, таких как В.В. Набоков, Г.И. Газданов, Б.Ю. Поплавский, Г.И. Иванов. [Кибальник: 131], в национальных литературах исследователи тоже находят мотивы, так или иначе связанные с философским настроением экзистенциализма. В татарской литературе они присутствуют у М. Ханафи [Мирсияпова] и Дэрдменда [Саяпова], в чувашской литературе — у Г. Айги [Анисимова], в якутской литературе — у Айсена Дойду [Бурцева].

Как отмечает исследовательница Д. Загидуллина, в татарской литературе конца XX — начала XXI веков обозначилась экзистенциальная направленность, связь же между разными дискурсами мифологического и реалистического «возникает в виде экзистенциальной философии» [Загидуллина: 59]. Можно предположить, что произведение Альбины Нурисламовой продолжает определенные традиции, сложившиеся в татарской литературе рубежа XX—XXI веков.

В романе «Пятый неспящий» экзистенция смерти прочитывается на разных уровнях организации текста. На уровне макропоэтики роман выстроен как чередование историй, восприятий одних и тех же событий разными людьми, каждый из которых рассказывает свою историю, благодаря предельной субъективации, полилогу голосов и сознаний героев, внутренней фокализации создается картина отношений в семье, разрываемой противоречиями. В этой семье отсутствуют теплота, душевная близость, любовь, эти люди раздражают друг друга, а откровенных разговоров друг с другом избегают. Однако в последней главе романа выясняется, что все рассказывающие истории люди мертвы, а роман — это повествование мертвецов или призраков, что позволяет говорить об отражении традиций магического реализма. Роман открывается прологом, в котором говорится о человеке, чаяния и надежды которого остаются в одиночестве в большом и богатом доме сбылись, однако вместо удовлетворения от сбывшейся мечты, этот человек боится неведомого, представляет себя тенью, с ужасом ожидает наступления смерти. Ближе к концу романа выяснится, что человек из пролога — это одна из героинь романа, девушка Роза. Возможно, здесь можно увидеть некоторую параллель с романом Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Так, композиционная структура романа

(в развернутом прологе предвосхищается часть сюжета) характерна для композиционной структуры текстов, актуализирующих эстетику и поэтику магического реализма. В 1979 году Д. Затонский отмечал связь различных времен, которую задает именно первая фраза романа Гарсиа Маркеса, «это сцепление, то есть именно прием», более того, «играя временем, меняя местами “прежде” и “потом”, писатель как бы добивается их одновременности» [Затонский: 124]. Позднее Ю. Гирин указывал, что «конструкция знаменитой начальной фразы определяет всю поэтику главного романа Гарсиа Маркеса (“Из этого образа исходит вся книга”) — не случайно она своеобразным рефреном пронизывает текст книги» [Гирин: 107]. Роль первой фразы или более развернутого пролога становится значимой как на уровне временной организации повествования, так и на уровне композиционного, архитектурного единства текста. Подобную функцию выполняет пролог в романах Ш. Идиатуллина («Последнее время», «СССРтм»), Е. Айпина («Ханты, или Звезда Утренней Зари»). Сама Альбина Нури в интервью говорит о том, что «Сто лет одиночества» — один из ее любимых романов, «главным героем которого является само Время», «это притча о развитии всего человечества, когда каждый отдельный человек обречен на одиночество среди себе подобных» [Нурисламова].

На уровне микропоэтики в романе сталкиваются два представления о смерти. Герои, семья Нагимовых (старшее поколение — брат и сестра Роберт и Римма, дочь Роберта — Румия, дочь Румии — Роза), оказавшись в новогоднюю ночь в большом и богатом доме Риммы, не могут объяснить провалы в памяти после шести часов вечера 31 декабря, отсутствие какой-либо связи в доме, отсутствие людей во всем коттеджном поселке, странное полнолуние, при котором полная Луна светит несколько ночей подряд. В какой-то момент они начинают понимать, что в доме что-то происходит, кто-то, некий пятый неспящий, следит за ними и пугает их по ночам. От пережитого ночного потрясения Роберт начинает рассказывать историю своих отношений с умершей женой, раскаивается в совершенных поступках, многочисленных изменах и предательстве. Он, писатель-неудачник, сравнивает себя с грешниками из девятого круга Ада «Божественной комедии» Данте Алигьери, которые, по его мнению, «самые страшные грешники — обманувшие доверившихся, предатели, изменники» (163)¹. Его кажущаяся банальной история усложняется, когда Роберт рассказывает о том, что его жена Машенька писала прекрасные стихи, которые никогда никому не показывала, потому что не хотела причинить боль мужу, который, несмотря на то что сам считал себя писателем, был лишен искры писательского дарования. Роберт не смог ее простить из-за чувства гордости и уязвленного самолюбия, поэтому он придумал историю измены с лучшей подругой своей жены, а после трагической смерти Машеньки уничтожил тетрадь со стихами. После признания Роберт как будто растворяется в огромном пространстве дома, и его никто не может найти. Если точка зрения этого героя ориентирована на литературную традицию, литературоцентрична, то точки зрения других героинь романа скорее связаны с мифологическими представлениями. Пытаясь выяснить, кто такой пятый неспящий, некий демон, пугающий всех по ночам, Румия в разговоре с дочерью Розой предполагает, что это жен. Румия говорит, что он — «что-то вроде нечистого духа, беса», когда «негодяй, убийца умирает без раскаяния, то после смерти превращается в это существо» (204). Жен поглощает зло, если раньше он был «человеком», то «сейчас это порождение тьмы»,

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по: [Нури] с указанием в скобках страниц.

жен «не будет прощен и не жаждет прощения» (205). Как указывает Л. Давлетшина, жен «в системе представлений может объединять отрицательные характеристики мифологических персонажей, замещая их собой», его генезис связывается как с джинами в исламской религиозной традиции, так и с народными представлениями о низших духах, нечистой силе, которые бытовали еще до распространения ислама [Давлетшина: 144]. В романе Нури этим демоном становится душа молодого человека Олега, с которым познакомилась Роза и вместе с которым планировала напугать, а затем обокрасть свою тетю Римму. Однако, узнав всю необходимую информацию у Розы, Олег решил совершить преступление, убив всех свидетелей. Именно в шесть часов вечера 31 декабря произошло убийство всех членов семьи Нагимовых, однако Румия в последний момент смогла поджечь газовый котел, и в результате взрыва и пожара погибли и Румия, и Олег. Если все члены семьи Нагимовых рано или поздно раскаиваются в совершенных дурных поступках, получают прощение и освобождаются, то душа Олега остается блуждать во тьме. Этот демон пугает всех членов семьи Нагимовых по ночам, как будто сдергивает с них маски тех, кем они хотят представляться как себе, так и окружающим. Так, после встречи с ним, ощутив негативную, злобную силу, представляющуюся как «темный, маслянистый человеческий силуэт, облаченный во что-то наподобие балахона в капюшоне» (109), Римма от страха прячется в ванной всю ночь. Утром, приведя себя в порядок, она понимает, что внешне она та же, что и была до этой жуткой встречи, однако «женщина другая» (110). Роберт после встречи с жен решается на откровенный разговор с дочерью. Роза видит его парящим в воздухе и заглядывающим в окна, что вызывает у нее приступ истерики.

Размышляя о происходящем, герои озвучивают разные версии. Так, Роза утверждает, что «все чудится», «кажется» или думает о своем сумасшествии (200). Ее мать, Румия, спокойно предполагает, что «все происходит в нашем сознании, именно так человеческий мозг и реагирует на свое умирание», «есть вот такое блуждание в том месте, где ты умираешь» (201). Председатель коттеджного поселка Валентин Борисович, увидев призрак Риммы Нагимовой в своей гостиной, как будто заглядывает в другой, параллельный мир, поскольку видит хрономираж из прошлого 25 февраля, уже после того, как все описанные в романе события произошли. Однако внезапное столкновение с вестником иного мира вызывает ужас, поскольку, если бы Римма обратила на него свое внимание, он бы либо «сошел с ума», либо «умер — сердце бы не выдержало» (275). Валентин Борисович оказывается случайным наблюдателем, который создает ту реальность, в которой может существовать уже исчезнувшее из реального мира и времени семейство Нагимовых, поскольку «Вселенная состоит из частиц, природа которых такова: пока наблюдатель не обратит на них внимания, не вмешается, они существуют в виде потенциала. Существуют одновременно и везде» (238). Сама реальность подвергается сомнению, потому что она — «всего лишь чистый потенциал до тех пор, пока мы сами не сконцентрируем своего внимания и не увидим чего-то» (238). Соединение мира реального и причудливого, магического, мистического мира призраков и духов порождает в итоге третью, сложную для понимания и интерпретации действительность, характерную для поэтики магического реализма. Подобное столкновение с прошлым соотносится со сновидением: «Как во сне: ты узнаешь предметы вокруг себя, но при этом они кажутся немного не такими, как наяву. Это было все равно что оказаться в зеркале, в параллельной вселенной, и глядеть

оттуда на наш мир» (275). Герои боятся признать себя мертвыми, призраками, страшатся признать процесс умирания и распада собственного сознания.

Состояние умирания актуализирует дихотомию внешнее — внутреннее, при которой процессы, происходящие в душе человека, начинают так или иначе проявляться визуально. Герои, перешагнувшие онтологический порог, испытывают или выражают разрушение как внутреннее, так и внешнее. Проснувшись после новогодней ночи, Роза испытывает сильное чувство тошноты, ее внешний облик — неопрятный, вульгарный и неаккуратный — вызывает лишь чувство раздражения и неприятия как у Румии, так и у Риммы. Глядя на дочь, Румия констатирует, что «краше в гроб кладут», поскольку Роза «нечесаная, лицо отекающее, глаз почти не видно — опухли» (19). Но вместо сочувствия и сострадания к дочери Румия испытывает лишь «неприязнь» (19). Ядовито Румия характеризует и Римму, свою родную тетю: «Железная леди основательно проржавела» (140). Сама же Римма ощущает себя сломанной механической куклой, у которой не закрываются глаза. В зеркале она видит свое пугающее отражение: «На нее смотрела перепуганная, исстрадавшаяся старуха с ввалившимися глазами. Щеки обвисли, нос выдался вперед, как у покойницы» (113). Роберту вообще «смотреть на собственное иссохшее, дряблое тело было неприятно» (33). Старость воспринимается им как «злая ведьма», которая «уже успела незаметно, по-воровски, подкрасться к тебе и стоит за спиной, хихикая над твоей наивной самонадеянностью» (34). Отправляясь спать, он чувствует себя «зловещим живым мертвецом»: идти спать для него, как «заживо ложиться в гроб» (88).

Неприятие друг друга, доведенное до крайней степени, выражается либо в вежливой предупредительности (Румия), либо в хорошо слаженной, почти актерской игре, в которой герои заранее знают и исполняют отведенные им роли (Римма, Роберт), либо в вызывающем поведении (Роза). При этом каждый из героев ощущает сильное чувство непреодолимого одиночества. В. Заманская так характеризует отношение к одиночеству в культуре после философских размышлений Жана-Поля Сартра: «одиночество причина или следствие: человек ненавидит себе подобных, или он уходит в одиночество, тая в себе изначальное, природное качество — ненависть к другому, потому что одинок» [Заманская: 93]. Такая амбивалентность пронизывает канву романа Альбины Нури. Герои не могут до конца понять, почему стали чужими друг другу и одинокими. Румии кажется, что «на всей земле не отыщется других четверых людей, настолько оторванных от всего человечества. Насколько ненужных, бесполезных, неприкаянных и жалких в своей заброшенности существ» (26). В восприятии Роберта вся его семья «не люди», а «какие-то осколки» (35). Римма, основавшая свой бизнес, под старость начинает думать, что ее ничего не связывает с родственниками, поскольку «не лежит ни к кому из них душа», «не тянет делиться ничем сокровенным, обсуждать то, что кажется важным» (52). А решение остаться в одиночестве воспринимается ей как жестокая ошибка. Она не может найти ответ на вопрос, что происходит, когда «обычное выражение привязанности вызывает лишь подозрение и опаску, но никак не ответное желание улыбнуться» (118).

По мнению В. Заманской, экзистенциальное мировосприятие формирует особый тип пространства, которое характеризуется как «замкнутое пространство внешнего мира, помноженное на пространство замкнутого в себе Я» [Заманская: 30]. Герои романа оказываются как замкнуты в отдаленном коттеджном поселке, в большом доме, так и замкнуты в своем сознании

и внутреннем мире. Если изначально пустынный и безлюдный поселок воспринимаются ими как некоторая странность, для объяснения которой находят причины (не достроены многие дома, жители встречают Новый год в Казани и приедут позже), то по мере развития действия они начинают пугаться, вызывают чувство жуты, желание вырваться из этого места и уехать. Отношение к большому дому, отрезанному от цивилизации, также изменяется: если изначально он воспринимается как необходимая передышка, возможность в тишине и покое собрать свои силы и обдумать планы на будущее, то позднее он начинает восприниматься как склеп, как ловушка, из которой невозможно выбраться. Пространство смерти расширяется, любая попытка выйти за его пределы может привести к исчезновению навсегда, даже из мира мертвых. Маркерами зоны смерти становятся образы Луны и снега. Полнолуние начинает длиться больше 10 дней, что вызывает у всех героев панику и бессонницу. Снег, изначально кажущийся уютным и безмятежным, начинает навевать тоску, становится той причиной, по которой нельзя покинуть поселок на машине, поскольку он замедляет все дороги, превращая их в огромные сугробы.

Таким образом, экзистенция смерти является одной из организующих роман констант, прочитывается на разных уровнях произведения, становясь значимым художественным переживанием. Эстетика смертности задает композиционную структуру романа, прочитывается как сложное взаимодействие различных мотивов и образов, связанных как с литературной, так и с фольклорной традициями, дает возможность рассмотреть роман как продолжение как традиций магического реализма, так и определенных традиций татарской литературы.

Список источников

- Арбес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр.; под общ. ред. Оболенской С.В.; предисл. Гуревича А.Я. М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
Нури А. Пятый неспящий. М: Издательство «Э», 2018. 320 с.

Список литературы / References

- Анисимова Е.Г. Художественный мир Г.Н. Айги и философия экзистенциализма в контексте французской литературы второй половины XX века // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 263—269.
(Anisimova E.G. The Artistic World of G.N. Aigi and the Philosophy of Existentialism in the Context of French Literature of the Second Half of the 20th Century, *Bulletin of the Chuvash University*, 2010, no. 1, pp. 263—269. — In Russ.)
- Бурцева Ж.В. Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.
(Burtseva Zh.V. Russian Literature of Yakutia: Artistic and Aesthetic Features of the Borderlands, Novosibirsk, 2014, 132 p. — In Russ.)
- Гирин Ю.Н. Поэтика сверхпредельности: к интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. 215 с.
(Girin Yu.N. The Poetics of Overlimitation: Toward an Interpretation of the Artistic Processes of Latin American Culture, St. Petersburg, 2008, 215 p. — In Russ.)
- Давлетшина Л.Х. Татарская проза рубежа XX—XXI веков в контексте актуальной мифологической традиции: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2021. 322 с.

- (Davletshina L.Kh. Tatar prose at the turn of the 20th—21st centuries in the context of the current mythological tradition, diss. ... Doctor of Sciences (Philology), Kazan, 2021, 322 p. — In Russ.)
- Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX—XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 287 с.
(Zagidullina D.F. Tatar poetry and prose at the turn of the 20th—21st centuries: aesthetic guidelines and artistic searches: monograph, Kazan, 2018, 287 p. — In Russ.)
- Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
(Zamanskaia V.V. Existential Tradition in Russian Literature of the 20th Century. Dialogues on the borders of centuries, Moscow, 2002, 304 p. — In Russ.)
- Затонский Д.В. В наше время: Книга о зарубежной литературе XX в. Москва: Советский писатель, 1979. 431 с.
(Zatonskii D.V. In Our Time: A Book on Foreign Literature of the 20th Century, Moscow, 1979, 431 p. — In Russ.)
- Кибальник С.А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131—139.
(Kibal'nik S.A. Existentialism in Russian Literature and Thought, *Literary Journal*, 2005, no. 19, pp.131—139. — In Russ.)
- Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. Москва: Языки славянской культуры, 2015. 487 с.
(Krasil'nikov R.L. Thanatological motives in fiction. Introduction to literary thanatology, Moscow, 2015, 487 p. — In Russ.)
- Мирсияпова Т.И. Экзистенциальные мотивы в творчестве М. Ханафи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 28 с.
(Mirsiipova T.I. Existential motives in the work of M. Hanafi, abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Kazan, 2009, 28 p. — In Russ.)
- Мортальность в литературе и культуре: сборник научных трудов / ред. А.Г. Степанов, В.Ю. Лебедев. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 430 с.
(Morality in literature and culture: a collection of scientific papers, ed. by A.G. Stepanov, V.Yu. Lebedev, Moscow, 2015, 430 p. — In Russ.)
- Мохов С. Археология русской смерти: рынок ритуальных услуг в современной России. Москва: Common place, 2020. 189 с.
(Mokhov S. Archeology of Russian death: the market of ritual services in modern Russia, Moscow, 2020, 189 p. — In Russ.)
- Новикова П.А. «Пространство смерти» в европейской литературе XX века (И. Шмелев, Б. Виан, В. Шаламов, А. Солженицын, Ф. Ксенакис): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 22 с.
(Novikova P. A. "The Space of Death" in European Literature of the 20th Century (I. Shmelev, B. Vian, V. Shalamov, A. Solzhenitsyn, F. Xenakis), abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Samara, 2005, 22 p. — In Russ.)
- Нурисламова А. Книжная полка Альбины Нурисламовой // Татарстан. Общественно-политическое издание. 2018. URL: <http://protatarstan.ru/knizhnaya-polka-albiny-nurislamovoy> (дата обращения: 02.12.2022).
(Nurislamova A. Bookshelf of Albina Nurislamova, *Tatarstan. Socio-political journal*, 2018. — In Russ.)
- Саяпова А.М. Дэрдменд и философия экзистенциализма // *Tatarica*. 2014. № 2 (3). С. 68—84.

(Saipova A.M. Dardmand and the Philosophy of Existentialism, *Tatarica*, 2014, no. 2 (3), pp. 68—84. — In Russ.)

Хапаева Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 328 с.

(Khapaeva D. Entertaining Death: Posthumanist Entertainment, Moscow, 2020, 328 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 12.01.2023.

The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 12.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Сырысева Диана Юрьевна — аспирантка, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, sryseva97@mail.ru

Syryseva Diana Yuryevna — postgraduate student, junior research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sryseva97@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 54—63.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 54—63.

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.46726/И.2023.3.7

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ
В ТЕХНИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Елена Викторовна Батуева

Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал) Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Улан-Удэ, Россия, batu2015@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения лексической полисемии, ее функционирование в техническом тексте и способы перевода многозначных слов. Актуальность статьи обусловлена поиском способов разграничений полисемантических слов по причине распространения информационных технологий в жизнедеятельности человека. Автор уделяет внимание трудам именитых лингвистов, анализирует явление полисемии, рассматривает виды многозначности (*ambiguity*), определяет лингвистические требования к техническому тексту, приводит примеры из языковой практики. Автор подчеркивает важность интертекстуальности в освоении технической лексики, которую определяет как бессознательную межтекстовую связь, возникающую в результате многократной начитанности. В переводе технических текстов мы находим подтверждение того, что выбор значения слова зависит от контекста, который помогает понять семантику слова. Без понимания семантической особенности слов затруднительна адекватная интерпретация передаваемой информации. В каждом отдельном случае необходимо учитывать устойчивую сочетаемость слова с его окружением, т. е. очень важен как контекст предложения, так и текстовый контекст во избежание смысловых ошибок. Материалом для исследования послужили выдержки учебных технических текстов, предназначенных для студентов, обучающихся по направлению 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника».

Ключевые слова: полисемия, многозначность, технический текст, английский язык, контекст, информационные технологии, интертекст, IT-индустрия

Для цитирования: Батуева Е.В. Лексическая полисемия в техническом английском тексте в сфере информационных технологий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С 54—63.

Original article

LEXICAL POLYSEMY IN A TECHNICAL ENGLISH TEXT IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Elena V. Batueva

Buryat Institute of Infocommunications (branch) of the Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Ulan-Ude, Russian Federation, batu2015@inbox.ru

Abstract. The article examines the causes of lexical polysemy, its functioning in the technical text and ways of translating polysemous words. The relevance of the article is due to the search for ways to differentiate polysemous words due to the spread of information technology in human life. The author pays attention to the works of eminent linguists, analyzes the phenomenon of polysemy, considers the types of ambiguity, defines linguistic requirements for a technical text, and gives examples from language practice. The author emphasizes the importance of intertextuality in the development of technical vocabulary, which is defined as an unconscious intertextual connection as a result of extensive reading experience. In the translation of technical texts, we find confirmation that the choice of the meaning of a word depends on the context, which helps to understand the semantics of the word. Without understanding the semantic features of words, it is difficult to adequately interpret the transmitted information. In each individual case, it is necessary to take into account the stable compatibility of the word with its environment, i.e., both the context of the sentence and the textual context are very important in order to avoid semantic errors. Excerpts of educational technical texts intended for students studying on the specialty of 09.03.01 “Computer Science and Computer Engineering” served as the material for the study.

Keywords: polysemy, ambiguity, technical text, English, context, information technology, intertext, IT-industry

For citation: Batueva E.V. Lexical polysemy in a technical English text in the field of information technology, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 54—63.

Активное развитие и внедрение информационных технологий в современном мире способствует возникновению все новых и новых явлений, которые необходимо вводить в речь, т. е. придавать им новое лексическое значение, наполнять их смыслами. Лексическая сторона языка под влиянием развития IT-индустрии подвергается значительным изменениям. Причем эти изменения отражаются как на морфологическом, так и на фонетическом, синтаксическом уровнях языковой системы английского языка. В связи с этим остро стоит вопрос о многозначности слов в языке. Полисемия в английском языке вызывает трудности в процессе изучения иностранных слов, запоминания их значений, выбора их применения, что, в свою очередь, влечет затруднения в адекватном переводе.

Задача данной статьи состоит в поиске способа разграничения многозначных лексических единиц в техническом тексте.

Методологической основой работы стали исследования российских и зарубежных ученых (Р.А. Будагов, Б.Н. Головин, В.В. Виноградов, В.И. Кодухов, Ф.И. Литвин, Л.А. Новиков, А.И. Смирницкий, Н.М. Шанский,

Д.Н. Шмелев, А. Lehrer, Yael Ravin, Claudia Leacock), посвященные проблеме полисемии английского языка. Работы М.М. Бахтина, М.Л. Гаспарова, М.Ю. Егорова, И.Н. Ильина, Ю.Н. Караулова, Ю. Кристевой, Ю.М. Лотмана, Н.А. Николиной, Ю.А. Сорокина, посвященные проблеме функционирования текста в тексте (интертекстуальности).

В ходе исследования использовались такие методы, как лексикографический анализ словарных единиц; приемы этимологического анализа; метод компонентного семантического анализа.

По мнению В.В. Виноградова, «ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [Виноградов 1947: 45]. Следовательно, неоднократное использование языковых форм в разных значениях имеет огромный смысл, т. к. дает возможность с помощью уже имеющихся в языке средств обозначить то, для чего не было специального названия.

Словарь лингвистических терминов Д.Э. Розенталя дает следующее определение: полисемия (от латинского *poly* — «много» + *sema* — «знак») — наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [Розенталя].

В Большом энциклопедическом словаре полисемия (от поли... и греч. *sema* — знак) — наличие различных (но в какой-либо мере связанных) смыслов и (или) значений у одного и того же слова (словосочетания, фразы) — различных интерпретаций у одного и того же знака или знаковосочетания.

Таким образом, формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Это понимание, воплощаясь в значение слова, становится элементом смысловой структуры данного языка в целом. Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений [Виноградов 1977].

Внеязыковые факторы, как правило, влияют на язык не прямо, а опосредованно. В данной статье мы исходим из того, что лексико-семантическое значение слова способно изменяться в силу экстралингвистических причин, а именно — активного развития информационных технологий. Благодаря им многозначные слова раскрывают свой семантический потенциал и в какой-то мере становятся доказательством успеха научно-технического прогресса. Семантический потенциал слова реализуется в его семантической парадигме, под которой Г.И. Кустова понимает совокупность значений слова как результат его семантического развития [Кустова].

Говоря о полисемии, чаще всего имеют в виду многозначность слов (*ambiguity*) как единиц лексики. Поэтому одним из наиболее распространенных видов полисемии является лексическая полисемия — способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности, ассоциативно связанных между собой и образующих сложное семантическое единство. Х. Касарес считает полисемию неизбежным следствием диспропорции между количеством знаков языка и количеством понятий и объектов

окружающей действительности, которые необходимо выразить в языке [Касарес: 70]. Согласно Ю.С. Маслову, полисемия возникает из-за общественной потребности либо в подходящем названии для нового предмета или явления, либо в новом (например, более экспрессивном) названии для старого предмета, уже когда-то обозначавшегося [Маслов: 106]. По нашему мнению, полисемия — это система потенциальных вариативных значений внутри одного слова, появляющихся в результате глобализации общества, процесс которой влечет изменения смыслового наполнения языковых единиц.

По мнению Ю.Д. Апресяна, существует также радиальная, цепочечная и радиально-цепочечная многозначность. При радиальной многозначности все производные значения слова мотивированы главным значением. Цепочечная многозначность отличается тем, что каждое новое значение слова связано с ближайшим значением, при этом крайние значения не обязательно должны иметь общие семантические компоненты. Радиально-цепочечная многозначность носит смешанный характер и представляет собой соединение радиальной и цепочечной полисемии [Апресян: 182].

В данном исследовании мы рассмотрим лексику, характерную для сферы информационных технологий, а именно — для технического текста.

Лексическая полисемия свойственна разным частям речи, но в техническом тексте она очень часто встречается среди существительных и глаголов. Представим лишь некоторые примеры:

“key” — 1) ключ; 2) разъяснение; 3) разгадка; 4) значки; 5) символы; 6) клавиша; 7) клапан; 8) тональность; 9) подстрочный перевод; 10) ключевое выражение; 11) кнопка; 12) переключатель; 13) основной принцип; 14) высота голоса; 15) принципиальный момент.

“background” — 1) предпосылки; 2) задний план; 3) история вопроса; 4) подготовка; 5) образование; 6) квалификация; 7) подноготная; 8) истоки; 9) опыт; 10) фоновый раздел; 11) исторический контекст (задний план (картины)); 12) свет (фон в иконописи); 13) багаж знаний; 14) происхождение; 15) преамбула (в юр. документах).

“bus” — 1) омнибус; автомобиль; 2) городской автобус; грузовой автомобиль для перевозки людей; 3) линия передачи; адаптер; платформа спутников; 4) шина (для передачи информации внутри вычислительной машины); магистральная шина; 5) широкофюзеляжный аэробус; широкофюзеляжный пассажирский самолёт; 6) общая шина.

“to run” — 1) бежать, бегать; 2) ходить, следовать, курсировать, плавать; 3) (быстро) распространяться; 4) тянуться, простираться, расстилаться; 5) руководить (учреждением и т. п.); вести (дело, предприятие и т. п.); 6) работать, действовать (о машине); 7) запускать (линию); открывать (трассу, сообщение); 8) подвергаться (рisku, опасности); 9) бегло прочитывать / просматривать что-л.; 10) тратить и др.

“to press” — 1) жать; нажимать, надавливать; 2) тех. штамповать; 3) гладить, утюжить; 4) спорт. выжимать (штангу); 5) теснить, оказывать давление; упорно преследовать; 6) настаивать; 7) (for) самостоятельно требовать, добиваться; стремиться к чему-л.

“to paste” — 1) приклеивать; склеивать; клеить; приклеить; наклеить; 2) избить; прилеплять (to, on); 3) вставлять (ранее удалённый текст); 4) намазать; намазаться; намазываться.

Очевидно, что в выборе значений слова существенную роль играет речевая ситуация, в которую оно попадает, т. е. контекстуальное окружение. Под контекстом (от лат. *contextus* — соединение, связь) принято понимать языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Так, контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово. Определение В.В. Виноградова представляется здесь наиболее релевантным. Автор утверждает, что контекст — это та среда, в которой развивается лексическое значение слова и в которой, на основе диалектического противоречия между наличными семантическими возможностями и конкретными коммуникативными потребностями, возникают новые лексико-семантические варианты слов, следовательно, их новые актуальные значения, обогащающие структуру многозначного слова [Виноградов 1977]. В пределах общего понятия контекста различаются узкий контекст (микрконтекст) и широкий контекст (макрконтекст). Узкий контекст (микрконтекст) — это контекст предложения, то есть лингвистические единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения. Широкий контекст (макрконтекст) — языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это текстовый контекст, то есть совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, в смежных с ним предложениях [Литвин]. Однако точные рамки широкого контекста указать нельзя — это может быть контекст целой группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения в целом [Виноградов 1977].

Следовательно, прежде чем приступить к переводу технического текста, следует сделать предварительную подготовительную работу, т. е. проанализировать дефиниции лингвистических терминов, устойчивых словосочетаний, уточнить условия и сферу их употребления и т. д. В таких случаях уместно помнить о зависимости значения переводимого слова от контекста. Так, контекстом слова являются совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово. Для примера рассмотрим следующие предложения:

Who is your *monitor*? — Кто ваш *староста*?

What kind is your *monitor*? — Какой у тебя *монитор*?

Press this *button*, please. — Нажми эту *кнопку*, пожалуйста.

Before the interview, check all your *buttons* buttoned. — Перед собеседованием убедитесь, что все ваши *пуговицы* застегнуты.

How to insert the capital *letter*? — Как вставить заглавную *букву*?

Can you write a short *letter* to your friend? — Ты можешь написать короткое *письмо* своему другу?

Let's start reading *unit* five — Давайте начнем читать *главу* пять.

Arithmetic-logical *unit* performs mathematical calculations. — Арифметико-логический *блок (устройство)* выполняет математические операции.

Обратимся к этимологии этих слов. Согласно электронному этимологическому словарю etymonline.com:

Monitor —

senior pupil at a school charged with keeping order, etc., «from Latin *monitor*» one who reminds, admonishes, or checks, also «an overseer, instructor, guide,

teacher», agent noun from «*monere*» to remind, bring to (one's) recollection, tell (of); admonish, advise, warn, instruct, teach (старший ученик в школе, которому поручено следить за порядком и т. д., от латинского «*monitor*» тот, кто напоминает, предупреждает или проверяет, также «надзиратель, инструктор, гид, учитель», существительное агента от «*monere*» — напоминать, приводить в (свое) воспоминание, рассказывать (о); увещевать, советовать, предупреждать, наставлять, учить).

Broadcasting sense of «a device to continuously check on the technical quality of a transmission» (1931) led to special sense of «a TV screen displaying the picture from a particular camera» (Транслировать смысл «устройства для непрерывной проверки технического качества передачи» (1931) привел к особому смыслу «телевизионного экрана, отображающего изображение с определенной камеры»).

Button —

«knob or ball attached to another body», especially as used to hold together different parts of a garment by being passed through a slit or loop (surname *Botouner* «button-maker» attested from mid-13c.), from Old French «*boton*» a button, originally «a bud» (12c., Modern French *bouton*), from *bouter*, *boter* «to thrust, strike, push», common Romanic (cognate with Spanish *boton*, Italian *bottona*), ultimately from a Germanic source, from Proto-Germanic **buttan*, from PIE root **bhau* — «to strike». Thus a *button* is, etymologically, something that pushes up, or thrusts out («Ручка или шарик, прикрепленный к другому телу», особенно используемый для скрепления различных частей одежды, пропуская их через разрез или петлю (фамилия *Botouner* «пуговичник» засвидетельствована с середины 13 в.), от старофранцузского *boton* «пуговица», первоначально «бутон» (12 в., современный французский бутон), от *buter*, *boter* «толкать, наносить удар, толкать», распространённый романский (родственный испанскому *boton*, итальянскому *bottona*), в конечном счете, из германского источника, от протогерманского **buttan*, от корня **bhau* — «наносить удар». Таким образом, кнопка — это, этимологически, нечто, что толкает вверх или выдвигается наружу).

Meaning «point of the chin» is pugilistic slang, by 1921. A button as a round protuberance you depress to create an effect by closing an (electrical) circuit is attested from 1840s. **Button-pusher** as «deliberately annoying or provocative person» is attested by 1990 (in reference to Bill Gates, in «*InfoWorld*» magazine, Nov. 19) (Значение «острие подбородка» вошло в боксерский сленг к 1921 году. Кнопка в виде круглого выступа, которую вы нажимаете, чтобы создать эффект замыкания (электрической) цепи, засвидетельствована с 1840-х годов. Кнопкодав как «намеренно раздражающий или провоцирующий человек» засвидетельствован 1990 годом (со ссылкой на Билла Гейтса, в журнале «*InfoWorld*», 19 ноября)).

Letter —

«graphic symbol, alphabetic sign, written character conveying information about sound in speech», from Old French «*letre*» character, letter; missive, note, in plural, «literature, writing, learning» (10c., Modern French *lettre*), from Latin *littera* (also *littera*) «letter of the alphabet», also «an epistle, writing, document; literature, great books; science, learning»; a word of uncertain origin («Графический символ, буквенный знак, письменный символ, передающий информацию о звуке в речи», от старофранцузского *letre* «символ, буква; послание, примечание», во множественном числе «литература, письмо, обучение» (10 в., современный французский *lettre*), от латинского *littera* (также *littera*) «буква алфавита», также «послание, письмо, документ; литература, великие книги; наука, обучение»; слово неопределенного происхождения).

Unit —

«single number regarded as an undivided whole», alteration of unity on the basis of digit. Meaning «single thing regarded as a member of a group» is attested

from 1640s. Extended sense of «a quantity adopted as a standard of measure» is from 1738 («Единое число, рассматриваемое как неделимое целое», изменение единицы на основе цифры. Значение «отдельная вещь, рассматриваемая как член группы» засвидетельствовано с 1640-х годов. Расширенное значение термина «величина, принятая в качестве стандарта измерения» относится к 1738 году).

Таким образом, изучив происхождение этих слов, можем сказать, что исконная связанность значений приведенных слов сохраняет смысловые связи друг с другом, а следовательно, пусть и косвенно, сохраняется семантическое единство.

В этих примерах наглядно видна разница значений полисемичных слов, зависящих от контекста. Однако не стоит считать, что слово совсем не имеет значения вне контекста, что его семантика целиком и полностью вытекает из него. Не отрицая роли контекста, следует учитывать тот факт, что у слов есть относительно постоянные значения. Роль контекста для каждого конкретного случая строго индивидуальна, т. е. он придает некую однозначность и разграничивает значения, тем самым выбирает верный, адекватный эквивалент/значение единицы языка.

В случае если привычное, основное значение слова общелитературного языка не подходит по контексту, то рекомендуется изучить другие значения слова по словарю. Для снятия многозначности слова необходимо обращать внимание на узкий и широкий контекст. Иногда уточнить значение слова помогают служебные слова (предлоги, артикли) [Ермолович].

Технический текст характеризуется наличием следующих лингвистических параметров: темы (основного содержания технического текста), фокуса (focus) (технические термины, слова, словосочетания, предложения, стилистические приемы, свойственные функциональному стилю речи); связи (средства объединения различных отрезков высказывания); а также предполагает специальную аудиторию (профессиональные группы, узкие специалисты, профессионалы). Рассмотрение общих параметров технического текста дает основание утверждать, что этот текст представляет собой завершенное сообщение, обладающее специфическим содержанием, адресованным узкому кругу реципиентов и организованный по модели технической прозы [Жидков].

Необходимо отметить, что наблюдение за функционированием лексических единиц в окружении, выявление семантических свойств лексики, контекстное употребление слов возможно благодаря интертекстуальности. Интертекст — это продукт вторичной текстовой деятельности как результат процессов вторичного структурирования информации, ее новой репрезентации и концептуализации. Интертекстуальность обозначает взаимодействие текстов (или их фрагментов) не только в плане содержания, но и в плане выражения. Она представляет собой средство, с помощью которого «один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой» [Чернявская: 49].

Однако для технического текста важно исключение двусмысленности и произвольного толкования объективной действительности для максимально точной передачи информации. На наш взгляд, интертекстуальность в техническом тексте проявляет себя в виде бессознательной межтекстовой связи, которая самогенерируется в результате начитанности в отраслевой литературе. В итоге наблюдается обратный процесс, когда отраслевое значение слова настолько прочно закрепляется в текстах, что может привести к частичной утрате других значений. Например, слово “design” IT-специалисты будут

воспринимать только как «разработка, дизайн», и лишь в некоторых случаях как «проект, чертеж, план и др.»).

По мнению А.В. Жидкова, можно определить следующие основные лингвистические требования к системе технического текста, а именно:

- способность научно-технического текста быть источником передачи, восприятия, утверждения и хранения технической информации, выполнять социальный заказ специалистов-профессионалов; служить источником контактов исследований в процессе совместного труда, разрешения разнообразных научных проблем, передачи научного и технического опыта;
- технический текст выражает определённый научный, теоретический, практический и технический тип мышления участников коммуникации; является выразителем и передатчиком нового технического знания;
- технический текст отражает дистантную контактность во времени и пространстве, что предполагает высокую степень содержательной подготовленности всех коммуникантов;
- технический текст является общением всех заинтересованных коммуникантов; формирует общую заинтересованность всех участников коммуникации, осуществляет доведение до них конкретной прагматической установки посредством технического текста;
- технический текст должен обладать признаками научного жанра, быть стандартизированным и стилистически единообразным; должен предполагать использование абстрагированных средств наглядности: таблиц, иллюстраций, схем, графиков [Жидков].

Рассмотрим случаи употребления полисемичных слов в выдержках из технических текстов:

There is not enough *room* on the disk. Remove unnecessary files from the disk and try again. — На диске недостаточно **свободного места**. Удалите ненужные файлы с диска и повторите попытку

The technology of computer hardware (the physical parts of computer systems) has advanced tremendously since 1946, when the first electronic digital computer was built. That machine filled a huge *room*. Today, a single microprocessor, a device the size of a fingernail, can do the same work. — Технология компьютерного оборудования (физических частей компьютерных систем) значительно продвинулась с 1946 года, когда был создан первый электронный цифровой компьютер. Эта машина занимала огромную **комнату**. Сегодня один микропроцессор, устройство размером с ноготь, может выполнять ту же работу.

A power supply works by receiving power from an electrical *outlet* and converting the electrical current from alternating current to direct current, which is the correct format that is useable by the computer. — Источник питания работает, получая питание от электрической **розетки** и преобразуя электрический ток из переменного тока в постоянный ток, который является правильным форматом, доступным для использования компьютером.

An *outlet* store, factory outlet or factory shop is a brick and mortar or online store in which manufacturers sell their stock directly to the public. Traditionally, a factory *outlet* was a store attached to a factory or warehouse, sometimes allowing customers to watch the production process. — Аутлет-магазин, фабричная **торговая точка** или фабричный магазин — это обычный или интернет-магазин, в котором производители продают свои товары непосредственно населению.

Традиционно фабричная **торговая точка** представляла собой магазин, прикрепленный к фабрике или складу, иногда позволяющий покупателям наблюдать за производственным процессом.

A **computer tower**, also known as a computer case, is the enclosure that holds many components of a personal or office desktop computer. Towers can come in a wide variety of shapes and sizes, and they can be made from a wide range of materials, including steel, plastic, and aluminum. — **Системный блок**, также известный как корпус компьютера, представляет собой корпус, в котором хранятся многие компоненты персонального или офисного настольного компьютера. **Системники** могут быть самых разнообразных форм и размеров, и они могут быть изготовлены из широкого спектра материалов, включая сталь, пластик и алюминий.

When choosing which telecom **tower** will best suit your project, it is important to consider a number of factors first, including design, **tower** height, location (environment) and weight. — При выборе телекоммуникационной **вышки**, которая наилучшим образом подойдет для вашего проекта, важно в первую очередь учитывать ряд факторов, включая дизайн, высоту **башни**, местоположение (окружающую среду) и вес.

Таким образом, мы можем констатировать, что не допускается многозначность одного слова в пределах одной отраслевой ниши. В таком случае считаем, что новое значение закрепляется за этим словом, становится постоянным в определенной профессиональной среде. Очевидно, что изменения в лексическо-семантическом составе английского языка происходят из-за активного процесса информатизации общества.

Разграничение лексических единиц возможно благодаря приему интертекстуальности, т. е. способности читателя вырабатывать новые дискретные смыслы, осознанно выбирать правильное значение. В более сложных случаях уместно обращаться к корпусам текстов. Все эти новые явления требуют более детального исследования.

Можно считать, что единого, приемлемого правила для всех случаев перевода не существует. Выбор верного значения, подходящего для перевода конкретного слова, зависит от понимания и анализа явления полисемии, знаний о наличии лексических значений. Именно этот анализ будет способствовать выбору наиболее подходящего смысла, что обеспечит правильность и точность перевода, передачу специфики технического текста.

Список литературы / References

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 368 с.
(Aprsyanyan Yu.D. Lexical semantics (synonymous means of language), Moscow, 1974, 368 p. — In Russ.)
- Виноградов В.В. Русский язык. М.: Учпедгиздат, 1947. 784 с.
(Vinogradov V.V. Russian language, Moscow, 1947, 784 p. — In Russ.)
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.
(Vinogradov V.V. Basic types of lexical meanings of the word, *Selected works. Lexicology and Lexicography*, Moscow, 1977, pp. 162—189. — In Russ.)
- Ермолович Д.И. Основы профессионального перевода. М., 1996. С. 45—87.
(Ermolovich D.I. Fundamentals of professional translation, Moscow, 1996, pp. 45—87. — In Russ.)

- Жидков А.В. Научно-технический язык и научно-технический перевод // *Science Time*. 2014. № 5 (5). С. 67—71.
(Zhidkov A.V. Scientific and technical language and scientific and technical translation, *Science Time*, 2014, no. 5, pp. 67—71. — In Russ.)
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М.: Прогресс, 1958. 318 с.
(Casares H. Introduction to modern lexicography, Moscow, 1958, 318 p. — In Russ.)
- Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
(Kustova G.I. Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion, Moscow, 2004, 472 p. — In Russ.)
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
(Maslov Yu.S. Introduction to Linguistics: textbook, Moscow, 1987, 272 p. — In Russ.)
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
(Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary-handbook of linguistic terms: A manual for teachers, 3rd ed., Moscow, 1985, 399 p. — In Russ.)
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
(Chernyavskaya V.E. Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity, Moscow, 2009, 248 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Батуева Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал) Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Улан-Удэ, Россия, batu2015@inbox.ru

Batueva Elena Viktorovna — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Socio-Economic Disciplines, Buryat Institute of Infocommunications (branch) of the Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Ulan-Ude, Russian Federation, batu2015@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 64—73.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 64—73.

Научная статья

УДК 81'26

DOI: 10.46726/И.2023.3.8

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЗАУРУСОВ: ОТ ИНТУИТИВНОЙ КОМПИЛЯЦИИ К ОНТОЛОГИЧЕСКОМУ ИНЖИНИРИНГУ (На материале английского языка)

Инна Алексеевна Воронцова

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, aginnal@yandex.ru

Аннотация. Статья содержит исторический обзор и анализ методов тезаурусного моделирования в англоязычной лексикографии. Основной задачей исследования является систематизация семантически-ориентированных подходов, применявшихся для описания лексики английского языка на разных этапах развития лексикографической практики (X—XXI вв.). В ходе исследования автор приходит к выводу, что отправной точкой англоязычной тезаурусной лексикографии являются интуитивно компилируемые тематические глоссарии, основанные на применении парадигматического или сочетании парадигматического и синтагматического подходов к организации и описанию лексики в словаре и репрезентирующие фрагменты «осязаемой» картины мира. Формализация и специализация научного знания обеспечивает постепенный перенос научных методов на создание словарей с понятийной организацией словника, в результате чего происходит размежевание иерархического и аналогического (алфавитно-понятийного) подходов, с одной стороны, и разделение общей и специальной идеографии, с другой. Развитие технологий, в первую очередь корпусных, и интеллектуального анализа текста выводит общие и специальные тезаурусы на уровень продукта и одновременно инструмента инженерии знаний. Тезаурус, фокусирующийся на лингвистических данных, и онтология, систематизирующая экстралингвистические знания, позволяют моделировать предметные области и (в потенции) целостную картину мира во всей полноте взаимосвязей, устанавливаемых между идеями и обозначающими их лексическими единицами.

Ключевые слова: тезаурус, онтология, корпус, инженерия знаний, парадигматический подход, синтагматический подход

Для цитирования: Воронцова И.А. Эволюция методов конструирования тезаурусов: от интуитивной компиляции к онтологическому инжинирингу: (На материале английского языка) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 64—73.

Original article

EVOLUTION OF THESAURUS CONSTRUCTION METHODS: FROM INTUITIVE COMPILATION TO ONTOLOGICAL ENGINEERING (With special reference to English)

Inna A. Vorontsova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia, arinnal@yandex.ru

Abstract. The article contains a historical survey and analysis of thesaurus modeling methods in English lexicography. The research objective is to systematize the semantically oriented approaches adopted to describe English vocabulary at different stages of lexicography development (X—XXI centuries). The author concludes that intuitively compiled thematic glossaries, based on the application of paradigmatic or a combination of paradigmatic and syntagmatic approaches to the organization and description of vocabulary and representing fragments of a “tangible” world picture serve as the starting point of English thesaurus lexicography. The formalization and specialization of scientific knowledge provides a gradual transfer of scientific methods on thesaurus construction, which results in the departure of the hierarchical approach from the analogical (alphabetic and concept-based) method of vocabulary organization, on the one hand, and the separation of general- and specific-purpose ideography, on the other. The development of technologies, primarily corpus and text mining, has brought general- and specific purpose thesauri to the level of a product and tool of knowledge engineering. Thesaurus focusing on linguistic data and ontology systematizing extralinguistic knowledge allow for the modeling of subject areas and (in potency) of the world picture in the entirety of the relationships established between ideas and the lexical units denoting them.

Keywords: thesaurus, ontology, corpus, knowledge engineering, paradigmatic approach, syntagmatic approach

For citation: Vorontsova I.A. Evolution of thesaurus construction methods: from intuitive compilation to ontological engineering: (With special reference to English), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 64—73.

Тезаурус как лексикографическая форма имеет богатую историю и известен со времен античной Греции. Первый англоязычный (латинско-английский) словарь (глоссарий) с идеографо-тематической организацией лексики — глоссарий аббата Эльфрика (*Abbot Aelfric's Glossary*) — появился в X в. Порядок следования тематических групп в глоссарии не был лишен логики, однако обнаруживал некоторые противоречия: так, блок тем, представленный лексическими множествами «человек, родственные отношения, части тела, болезни, постройки, пища, напитки», не содержал наименований предметов одежды, которые, на наш взгляд, весьма органично смотрелись бы в данном ряду; последние, однако, выносились в блок, объединявший наименования игр и развлечений, оружия и др. [Воронцова 2004: 80]. Тем не менее неоценимой заслугой данного тематического справочника является заданная в нем дедуктивная логика представления лингвистического материала: Бог — планеты — земля — человек — окружение человека (нерукотворное и рукотворное). Именно такая структурная организация будет заимствована в словари тезаурусного типа последующих поколений [Stames, Noyes: 199].

В начале XIII в. британские лексикографы апробировали новый формат идеографо-тематической презентации лексики: парадигматический подход реализовывался на этапе отбора лексики и конструирования словника, словарная статья (рубрика) являла собой связный текст, демонстрировавший употребление отобранной лексики в контексте. Первым словарем, построенным по такому принципу, был латинско-французско-английский словарь «О названиях предметов утвари» (*De Nominibus Utensilium*) А. Неккама. Словарь описывал кухонную утварь, методы приготовления пищи, дом, домашнюю обстановку, сельскохозяйственные орудия и т. п. в составе текста на латинском языке с его подстрочным переводом на французский и английский языки. В связи с этим интересен и опыт У. Биббсуорта, автора поэтического «Трактата» (*Le Tretiz*, конец XIII в.) на французском языке, построенного по тематическому принципу и содержавшего подстрочный перевод на английский язык и комментарии грамматического характера. Тематические группы, представленные в «Трактате», отличались практикоориентированностью и прагматизмом: строение человеческого тела, процесс одевания и наименования предметов одежды, хорошие манеры и правильное питание, производство тканей, рыболовство, сельское хозяйство, погода и времена года, наименования цветов, плодов и деревьев, птиц и животных, дом и домашняя обстановка, приготовление пищи и сервирование стола и др. [Воронцова 2004: 83]. «Трактат» был написан по заказу знатной особы для обучения ее детей французскому языку, однако впоследствии приобрел более широкую популярность и был включен в позднесредневековый учебник французского языка *Femina Nova* [Wright: x - xi]. Словари подобного рода не отличались широтой тематического охвата и репрезентировали фрагмент «осязаемой» картины мира, формируемой преимущественно материальными объектами. Это, вероятно, было обусловлено учебной направленностью словарей, а также гибридным (парадигматико-синтагматическим) подходом к организации лексики, усложнявшим как структуру словаря, так и его содержание — запоминанию подлежала не только лексика, но и грамматика языка.

Опыт сочетания парадигматического и синтагматического подходов был повторен в XVI в. У. Хорманом («Повседневный» (*Vulgaria*), 1519) и Р. Уиттинтоном («Повседневный» (*Vulgaria*), 1520) и в XVII в. Яном А. Коменским (*Janua Linguarum Reserata*, 1631 и *Orbis Sensualium Pictus*, 1657), затем тематическая традиция практически полностью перешла в парадигматическую (парадигматико-эпидигматическую) плоскость. Возрождение идеи применения синтагматического подхода к описанию лексики в англоязычном тезаурусе произошло в конце XX в. Такой подход представляется весьма обоснованным в свете современной парадигмы лексикографического знания: в научной литературе все чаще звучит мысль о необходимости рассмотрения тезауруса как семантической сети, строящейся с учетом традиции употребления слов носителями языка, ибо значение слова формируется только в результате накопления знаний о множестве контекстов употребления данного слова в речи [Осокина].

Признавая смелость и новизну лексикографических опытов X—XIV вв., отметим, однако, что фрагментарность картины мира, отражаемой в ранних тезаурусах английского языка, а также субъективность и, возможно, мировоззренческая ангажированность, присущая авторским попыткам классифицировать лексику, указывает на донаучность методов конструирования тезаурусов в этот период. Тематические глоссарии X—XIV вв. были лишены возможности опираться на системные знания о мире и составлялись во многом интуитивно.

Создаваемые в XV—XVIII вв. тезаурусы («Слова» (*Vocabula*, 1496) и «Повседневный» (*Vulgaria*, 1508) Дж. Стэнбриджа; «Краткий словарь для начинающих» (*Shorte Dictionarie for Yonge Begynners*, 1556) Дж. Виталса; тематический словарь Дж. Рея (*Dictionarium Trilingue*, 1675); «Лондонский тематический словарь» (*The London Vocabulary*, ок. 1700) Дж. Гринвуда и др. обнаруживали тенденцию к расширению тематического диапазона и увеличению словника за счет вновь появляющихся в языке слов, например, названий цеховых специальностей (сапожник, золотых дел мастер, кузнец и т. п.), а также некоторому углублению идеографических связей в рубрике, то есть иерархизации смысловых отношений в микроструктуре словаря, однако принципиального развития лексикографическая форма тезауруса в этот период не получила.

Конец XVIII в., однако, открывает эру синонимических словарей английского языка: это труд Дж. Барклея, изданный в 1774 г. под названием «Полный и универсальный словарь английского языка» (*Complete and Universal English Dictionary*), словари Дж. Траслера *Difference between Words Esteemed Synonymous in the English Language* (1776), Эстер Л. Пийоцци *British Synonymy, or an attempt at regulating the choice of words in familiar conversation* (1794), У. Тейлора *English Synonyms Discriminated* (1813), Г. Крэбба *English Synonymes Explained* (1816), Р. Уатлея *Selection of English Synonyms* (1854) и др. [Воронцова 2004: 106]. Отметим, что англоязычные словари американского языкового варианта, содержащие последовательную информацию о синонимах, связаны с великими именами Н. Уэбстера и Дж. Вустера: *An American Dictionary of the English Language. Unabridged, revised, illustrated edition, with added synonymy* (1859) и *A Pronouncing, Explanatory, and Synonymous Dictionary of the English Language* (1855) соответственно [Burkett: 176—177, 207—208].

Значительная часть синонимических словарей XVIII — 1-й пол. XIX века имела дефинитивный характер, предоставляя пользователю толкование заглавных единиц словаря и энциклопедическую справку об обозначаемых ими понятиях. Отдельные словари (словарь Эстер Л. Пийоцци — см. выше) делали особый акцент на включение синонимов в коллокации и привычные сентенции. Издавались и словари кумулятивного (списочного) плана.

В целом английские словари конца XVIII — 1-й пол. XIX в. отличаются более высокой степенью научности методов по сравнению со своими предшественниками. Достаточно вспомнить принципы лексикографического описания языкового материала, сформулированные С. Джонсоном: разграничение значений в структуре многозначных слов, документирование значений и слов посредством привлечения цитат из авторитетных источников, маркировка лексических единиц с помощью функциональной системы помет и т. д., однако тезаурусы (словари синонимов) этого периода не всегда опираются на первоисточники (адресация в словарях практически отсутствует), толкования и комментарии по-прежнему носят субъективный характер (авторы словарей считают достаточным апеллировать к собственному языковому чутью), язык описания еще не в полной мере подчиняется требованиям к научному стилю, комментарии, данные к коллокациям и узуальным сентенциям, часто имеют ироничную тональность [Воронцова 2004: 107—110]. К неоспоримым достижениям синонимической лексикографии этого периода относится собранный в словарях богатый языковой материал и большой практический опыт построения и расположения словарных статей, устройства алфавитных указателей, использования различных типов синонимических характеристик [Мельник: 4].

Разработка синонимических словарей активно продолжилась во второй половине XIX в., когда их число достигло более 300 [Там же: 7]. Синонимические словари постепенно «обрастали» чертами аналогического тезауруса, фиксируя в рубриках антонимическую, гипонимическую и гиперонимическую лексику. Отдельные издания имели классификационную схему, основанную на выявлении смысловых связей между заглавными словами (например, словарь Г. Крэбба — см. выше), иными словами, обнаруживали черты идеографического тезауруса.

Поистине исторической вехой в развитии идеографической лексикографии — как национальной, так и мировой — стал тезаурус Питера М. Роже (*Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*, 1852 г.). В контексте проводимого исследования особую значимость приобретает системность подхода автора тезауруса к классификации и рубрикации лексики: в предисловии к словарю П.М. Роже прямо указывает на гомологичность собственных методов и принципов, используемых при классификации «особей в различных областях естественной истории». По мнению П.М. Роже, убедительная классификация слов по их смыслам невозможна до тех пор, пока должным образом не изучены и не организованы объекты действительности, называемые этими словами [цит. по: Морковкин: 41]. Идеи научной рубрикации были положены в основу синоптической карты словаря, соответствующим (иерархическим) образом лексика организовывалась и в корпусе тезауруса (классы, категории, секции, рубрики). Таким образом, тезаурус П.М. Роже по праву считается первой научно обоснованной попыткой создания некоторого макета логически упорядоченной лексики языка.

Развитие информационных технологий позволило реализовать идеи логической рубрикации понятий в информационно-поисковых системах. Постепенно сформировалось устойчивое понятие тезауруса как инструмента информационного поиска, дескрипторной статьи как основной структурной единицы тезауруса, дескриптора как единицы, разрешенной к использованию при поиске информационных документов [Гетман: 7—8].

Последняя четверть XX и XXI век стали свидетелями становления специальной (терминологической) идеографии. *Thesaurus of Psychological Index Terms*, 1974; *Multilingual Thesaurus of Geosciences*, 1988; *Thesaurus for Graphic Materials*, 1995; *Unified Astronomy Thesaurus* на *astrothesaurus.org* и др. — ничтожно малая часть примеров специальных тезаурусов, созданных за это время. Отраслевые идеографические словари, а затем и справочные ресурсы, и банки данных электронного формата появились в ответ на запрос научных и производственных сообществ и информационных служб. Большой опыт, накопленный научными школами в типологизации терминов и описании таксонов, относительная предельность лексического (терминологического) фонда, подлежащего включению в тезаурус, и достижения специалистов в области создания инструментов информационного поиска способствовали интенсивному развитию терминологической идеографии для многих отраслей знания.

В это же время выходит достаточно большое количество тезаурусов для общих целей — идеографических, ассоциативных, аналогических (с алфавитной организацией слов-наименований рубрик) — в печатной (*The New American Roget's College Thesaurus*, 1958; *The Structure of Associations in Language and Thought*, 1965; *Collins Paperback Thesaurus*, 1986; *Longman Language Activator*, 1993; *Oxford Learner's Wordfinder Dictionary*, 1997 и др.), а затем и электронной форме (*Collins Desktop Wordfinder English Thesaurus*

on CD-ROM, 1999; *Roget's Thesaurus V (0.59)*, thesaurus.com и др.). Электронные тезаурусы встраиваются в структуру гибридных или комплексных лексикографических ресурсов. Это чаще всего означает, что тезаурусный фасет «вложен» в толковый словарь (*Cambridge Dictionaries, Collins Dictionary and Thesaurus, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, Oxford Dictionary, Thesaurus and Translator on Lexico.com, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus* и др.). Интернет-пространство изобилует и тезаурусами, функционирующими автономно или как часть словарных агрегаторов: *Thesaurus.com, Freethesaurus.com, Powerthesaurus.org, Thesaurus.plus* и др. [Воронцова 2022b: 189]. Появляется сетевой тезаурус *Princeton WordNet*, по его подобию создаются и другие ресурсы (*Verbnet, Imagenet*).

XXI столетие — это эпоха цифровизации и интеллектуализации словарей. Электронно-цифровые технологии, изменившие саму модель лексикографического процесса [Воронцова 2022b: 188], оказали сильнейшее влияние и на развитие тезаурусной лексикографии. Потенциал лексикографической формы тезауруса как «онтологической сетевой базы знаний, содержащей лексическую основу для всеобщей модели мироздания» [Пацкин] был раскрыт в новом научно-прикладном направлении, получившем название «Инженерия знаний». Существенную, если не определяющую, роль здесь сыграли развитие методов корпусной лингвистики, совершенствование систем корпусного менеджмента, а также разработки в области интеллектуального анализа текста (*text mining*). Тезаурусное моделирование, основанное на методах интеллектуальной обработки больших данных, позволило учесть и отразить многообразие связей и отношений, в которые идеи, облеченные в словесную форму, вступают друг с другом в экстралингвистической действительности и воссоздающем ее множестве текстов.

Компетентный корпус текстов становится источником и «регулятором» тезауруса. Корпусно-ориентированный подход к построению тезаурусов и онтологий предложен в одноименной статье В.П. Захарова. Этапы конструирования тезауруса включают экстракцию лексики (терминов) на основе дистрибутивного анализа, кластеризацию отобранных лексем в микрополя на основании значений статистической меры, показывающей степень семантической близости слов к ключевому, насыщение тезауруса коллокациями и коллигациями (лексико-синтаксическими шаблонами). Пользователю предоставляется возможность перехода от каждого слова-кластера ко всем контекстам его употребления в корпусе и уточнения релевантности его нахождения в тезаурусе [Захаров: 7]. На наш взгляд, принцип, предложенный и реализованный В.П. Захаровым с помощью системы *Sketch Engine*, демонстрирует новый канон конструирования тезаурусов (прежде всего, специальных или отраслевых), позволяющий ускорить разработку тезауруса, увеличить глубину и степень детализации представления языкового материала, выявить в совокупности связи, устанавливаемые между членами кластера и полем (синонимические, гипонимические, гиперонимические, ассоциативные и др.), повысить объективность представляемых данных.

В начале XXI в. концепция тезауруса соотносится с концепцией онтологии — артефакта, структуры, описывающей значения элементов некоторой системы [Соловьев В.Д., Добров Б.В.], преимущественно специального знания. При всей неоднозначности и разноречивости подходов к определению и разграничению понятий «тезаурус» и «онтология», представляется продуктивным взгляд на тезаурус как на лексическую систему в проекции

на семантику, а на онтологию — как систему семантики и прагматики, до известной степени в проекции на язык. Иными словами, тезаурус — это система, организующая лингвистическую информацию о соответствующей проекции естественного языка на данную предметную область, онтология — система знаний об этой предметной области, в идеале — ее формальная модель (МПО, модель предметной области). По мнению А.С. Нариньяни, ядром интеллектуальных систем с активным использованием компьютерной лингвистики становится тандем «тезаурус» плюс «онтология», высокая интегрированность которого позволяет считать его системой нового типа. Для ее обозначения автор вводит термин «ТЕОН» [Нариньяни]. Вслед за А.С. Нариньяни, В.Э. Клюкин, добавляя к существующему термину усеченную основу термина «глоссарий», вводит понятие и описывает инструмент «ГЛОТЕОН», где тезаурус отвечает за состав лексики, описывая родовидовые отношения с помощью дескрипторных групп, онтология содержит представление знаний об описании предметной области на естественном языке со ссылкой на факты, представленные в глоссарии и тезаурусе, а глоссарий предназначен для описания лексем и семантических сущностей [Клюкин: 27].

На современном этапе появилось (и продолжает создаваться) множество специальных онтологий, описывающих некоторую область знаний или систематизирующих лексику определенного (часто специализированного) корпуса текстов. Онтологии строятся и «поверх» существующих тезаурусов. В работе “*From Thesaurus to Ontology*” авторы описывают опыт создания онтологии на базе «Тезауруса искусства и архитектуры» (*Art and Architecture Thesaurus*) посредством дополнительной иерархизации понятий (фреймирование с выделением дополнительных слотов), установления связей между понятиями, формулировки дескрипторов, насыщения статей дополнительной экстралингвистической («знаниевой») информацией, загрузки визуальных рядов (фото, иллюстраций и др.) [Wielinga et al.]. Рассуждая о рациональных подходах к созданию онтологий на базе существующих тезаурусов, А.Ю. Филиппович упоминает о таких проектах, как *OntoWordNet*, *MikroKosmos* и *OntoSem*, участники которых высказывают мысль о том, что построение онтологии на базе существующего тезауруса — это не просто «склейка» ресурсов, но их реструктуризация и переработка, баланс систем с четко простроенными взаимосвязями [Филиппович].

Тезаурус рассматривается и как методологическая основа построения дву- и многоязычных онтологий предметных областей. Е.Е. Котова и И.А. Писарев описывают онтологическую модель предметной области «Онтологический инжиниринг» для русского и английского языков. Конструирование модели включает следующие шаги: анализ запросов пользователей, формирование корпуса текстов, определение формата тезауруса терминологической структуры предметной области, формирование частотного словаря, удаление из словаря незначимых слов, пополнение тезауруса из машинно-читаемых словарей (*WordNet*, *Oxford Dictionary*, *Wikipedia*), формализация классификационной структуры, рецензирование прототипа онтологии, расширение корпуса текстов, эксплуатация онтологии [Котова, Писарев]. Содержательно онтология включает термин (лемму), дефиницию, гипероним и синонимы к ключевым терминам.

Несмотря на то, что концепция онтологии чаще ассоциируется со специальной предметной областью, разрабатываются и онтологии для общих целей. К таковым, на наш взгляд, можно отнести онлайн-ресурс *BabelNet*, созданный на базе *Princeton Wordnet* и отмеченный в нем в разделе *Related Projects*.

BabelNet интегрирует в единую многоязычную сеть информацию из различных источников на разных языках (более 50 источников, более 500 языков) [Navigli et al.; Qi et al.; Al-Sayed, Hassan...]. Ресурс фактически дает комплексное лингво-энциклопедическое описание апеллятивной лексики и именованных сущностей (апеллятивов и онимов), организуя их в синсеты (наборы синонимической лексики и смысловых коррелятов в разных языках), агрегируя знания о словах и сущностях, полученных из таких ресурсов, как *WordNet*, *Wikipedia*, *Wikidata*, *Wiktionary*, *OmegaWiki* и др. [Воронцова 2022а: 149].

Визитной карточкой онтологий является особый способ визуализации информации с помощью ментальных (концептуальных) карт или концептуальных графов. Так, ментальная карта в *BabelNet* визуализирует синсет во всем многообразии типов смысловых отношений, устанавливаемых между членами синсета, лежащих как в лингвистических, так и в экстралингвистических плоскостях [Воронцова 2022а: 149]. Отметим, что ментальные карты могут быть доступны в качестве дополнительного сервиса в идеографических тезаурусах, например, в *Roget's Hyperlinked Thesaurus*, или служить основой макроструктуры тезауруса — *Thinkmap Visual Thesaurus*.

Таким образом, за одиннадцать столетий лексикографическая форма тезауруса эволюционировала от интуитивных тематических компилятов до сложного инструмента онтологической инженерии. Опираясь на системные научные знания о мире и языке, тезаурус сегодня выходит за пределы словарной формы, трансформируясь в фундамент и каркас модели отдельных отраслей знания и научной, и наивной картин мира в целом. Тезаурус является источником, результатом и методологией работы с языковыми и внеязыковыми данными.

Список литературы / References

- Воронцова И.А. Историко-типологическое исследование тезаурусов английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 276 с.
(Vorontsova I.A. Historical and typological study of thesauruses of the English language: diss. ... Cand. of Sciences (Philology), Ivanovo, 2004, 276 p. — In Russ.)
- Воронцова И.А. Актуальные подходы к конструированию ономазиологических словарей (на материале английского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2022а. № 3 (30). С. 146—154.
(Vorontsova I.A. Modern approaches to onomasiological dictionary construction in the english language, *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2022, no. 3 (30), pp. 146—154. — In Russ.)
- Воронцова И.А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022b. № 1 (28). С. 186—194.
(Vorontsova I.A. Modern practices of English online lexicography, *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2022, no. 1 (28), pp. 186—194. — In Russ.)
- Гетман И.М. Тезаурус как инструмент современного языкознания (на материале русистики): дис. д-ра. филол. наук. Киев, 1991. 365 с.
(Getman I.M. Thesaurus as a tool of modern linguistics (on the material of Russian studies): diss. Doctor of Sciences (Philology), Kyiv, 1991, 365 p. — In Russ.)
- Захаров В.П. Корпусно-ориентированный подход к построению тезаурусов и онтологий // Структурная и прикладная лингвистика. 2015. № 11. С. 123—141.
(Zakharov V.P. Corpus-based approach to thesaurus and ontology construction, *Structural and applied linguistics*, 2015, no. 11, pp. 123—141. — In Russ.)

- Котова Е.Е., Писарев И.А. Построение тематических онтологий с применением метода автоматизированной разработки тезаурусов // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2016. № 3. С. 37—47.
- (Kotova E.E., Pisarev I.A. Construction of thematic ontologies using the method of automated thesauri development, *Proceedings of Saint Petersburg Electrotechnical University*, 2016, no. 3, pp. 37—47. — In Russ.)
- Клюкин В.Э. Композиция ГЛОТЕОН: глоссарий + тезаурус + онтология // Машиностроение и компьютерные технологии. 2011. № 9. С. 22—31.
- (Klyukin V.E. GLOTEON composition: glossary + thesaurus + ontology, *Engineering and Computer Technology*, 2011, no. 9, pp. 22—31. — In Russ.)
- Мельник О.А. Принципы построения синонимических словарей английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 15 с.
- (Melnik O.A. Principles of construction of English synonymic dictionaries: abstract of diss. ... Cand. of Sciences (Philology), Leningrad, 1954, 15 p. — In Russ.)
- Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: МГУ, 1970. 69 с.
- (Morkovkin V.V. Ideographic dictionaries, Moscow, 1970, 69 p. — In Russ.)
- Нариньяни А.С. Кентавр по имени ТЕОН: тезаурус + онтология // Труды международного семинара ДИАЛОГ'2001. М., 2001. Т. 1: Теоретические проблемы. Аксаково. С. 184.
- (Narinyani A.S. Centaur named THEON: thesaurus + ontology, *Proceedings of the International Seminar Dialogue '2001*, Moscow, 2001, vol. 1: Theoretical problems. Aksakovo, p. 184. — In Russ.)
- Осокина С.А. Сетевая модель языкового тезауруса: особенности построения // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 191—198.
- (Osokina S.A. The network model of the language thesaurus: construction specifics, *Siberian journal of philology*, 2016, no. 3, pp. 191—198. — In Russ.)
- Пацкин А.И. Гиперсловари на базе системы «Абриаль» // Труды международного семинара ДИАЛОГ'2002. М., 2002. URL: <http://patskin.ru/artic/hyperdic.htm> (дата обращения: 14.08.2023).
- (Patskin A.I. Hyperwords based on the Abrial system, *Proceedings of the International Seminar Dialogue '2002*, Moscow, 2002. — In Russ.)
- Соловьев В.Д., Добров Б.В., Иванов В.В., Лукашевич Н.В. Онтологии и тезаурусы: учебное пособие. Казань; Москва, 2006. 157 с.
- (Solovyev V.D., Dobrov B.V., Ivanov V.V., Lukashevich N.V. Ontologies and thesauri: tutorial, Kazan, Moscow, 2006. 157p. — In Russ.)
- Филиппович А.Ю. Тезаурус vs. Онтология. URL: <http://blogs.it-claim.ru/andrey/2011/01/18/тезаурус-vs-онтология/> (дата обращения: 14.08.2023)
- (Filippovich A.Y. Thesaurus vs. Ontology. — In Russ.)
- Al-Sayed M.M., Hassan H.A., Omara F.A. Mapping lexical gaps in cloud ontology using Babelnet and FP-growth, *International Journal of Computer Science & Security (IJCSS)*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 36—52.
- Burkett E. American Dictionaries before 1861, The Scarecrow Press Inc. Metuchen. N.J. and London, 1979, 312 p.
- Navigli R. etc. Ten years of BabelNet: A survey, *Proceedings of the Thirtieth International Joint Conference on Artificial Intelligence, IJCAI-21*, 2021, pp. 4559—4567.
- Qi F. et al. Towards building a multilingual sememe knowledge base: predicting sememes for BabelNet synsets, *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 2020, vol. 34, no. 5, pp. 8624—8631.

Starnes W., Noyes G. The English Dictionary from Cawdrey to Johnson 1604—1755, Chapel Hill, 1946, 433 p.

Wielinga B.J. et al. From thesaurus to ontology, *Proceedings of the 1st international conference on Knowledge capture*, 2001, pp. 194—201.

Wright T. Anglo-Saxon and Old-English Vocabularies, vols. 1, 2, Darmstadt, 1968, 434 p.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 24.04.2023; approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Воронцова Инна Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, arinna1@yandex.ru

Vorontsova Inna Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, arinna1@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 74—83.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 74—83.

Научная статья

УДК 811.521:355'373.612:796.093'42

DOI: 10.46726/И.2023.3.9

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СПОРТ — ЭТО ВОЙНА» В ЯПОНСКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Анна Владимировна Козачина, Екатерина Викторовна Корепанова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия,

avkozachina@gmail.com, rogerinatale@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается метафорическая модель «Спорт — это война» в японском спортивном дискурсе. Целью исследования является описание лингвистической репрезентации военной метафоры в рамках японского спортивного дискурса. Материалом исследования служит японский трансмедийный проект «Волейбол!!». В качестве основных инструментов исследования использованы методы метафорического моделирования и качественно-количественный анализ. При помощи качественно-количественного анализа была выявлена высокая частотность употребления военных метафор в спортивном дискурсе, а причины, которые обусловили их выбор автором, были определены посредством элементов лингвокультурологического анализа. Самыми продуктивными фреймами оказались «Участники военных действий, воинские части и подразделения» и «Военные действия, их сценарий и элементь», что обусловлено спецификой исследованного материала. Военная метафора в японском языке проявляется преимущественно на лексическом уровне. Проведенный анализ метафор, составляющих метафорическую модель «Спорт — это война», позволил выявить тесную связь сферы-источника «Спорт» и сферы-мишени «Война» и показал, что военная метафора — это неотъемлемая часть японского спортивного дискурса, которая не только выполняет роль художественного усиления смысла, но и обеспечивает дополнение знаний и опыта коммуникантов, стимулируя познание мира.

Ключевые слова: военная метафора, метафорическое моделирование, фрейм, слот, спортивный дискурс, трансмедиа, трансмедийный проект

Для цитирования: Козачина А.В., Корепанова Е.В. Метафорическая модель «Спорт — это война» в японском спортивном дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 74—83.

Original article

METAPHORICAL MODEL “SPORT IS WAR” IN JAPANESE SPORT DISCOURSE

Anna V. Kozachina, Ekaterina V. Korepanova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation,

avkozachina@gmail.com, rogerinatale@gmail.com

Abstract. This article dwells upon the metaphorical model “Sport is war” in Japanese sport discourse. The aim of the study is to describe the linguistic representation of military metaphor arising in Japanese sports discourse. The material of the research is

the Japanese transmedia project “Volleyball!!”. Metaphorical modelling and qualitative and quantitative analysis are used as the main research methods. Qualitative and quantitative analysis revealed high frequency of military metaphors in sports discourse, and the reasons that led to their choice by the author were identified by the means of linguocultural analysis. The most productive frames turned out to be “Participants of military actions, military units and subdivisions” and “Military actions, their scenario and elements”, which is derived from the nature of the studied material. Military metaphor in Japanese is manifested predominantly at the lexical level. The analysis of the metaphors composing the metaphorical model “Sport is war” has revealed a close connection between the sphere-source “Sport” and the sphere-target “War”. Consequently, military metaphor is a phenomenon characteristic of sports discourse represented by a variety of ways. Military metaphors have become an integral part of sports discourse, not only fulfilling the role of artistic meaning amplification, but also enhancing the knowledge and experience of communicants by stimulating cognition.

Keywords: military metaphor, metaphorical modelling, frame, slot, sports discourse, transmedia, transmedia project

For citation: Kozachina A.V., Korepanova E.V. Metaphorical model “Sport is war” in Japanese sport discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 74—83.

Еще в 60-е годы XX века известный философ Т. Кун выдвинул тезис о том, что любая наука развивается посредством научных революций, которые запускают процесс смены парадигмы знания [Кун]. Однако развитие лингвистической науки происходит не полностью в соответствии с этой теорией: например, переход к следующей парадигме не отменяет исследований в русле предыдущей. В связи с этим лингвисты не имеют возможности перенять ее в исконной интерпретации Т. Куна.

На сегодняшний день отечественные ученые еще не достигли консенсуса по вопросу классификации лингвистических парадигм. Так, например, в концепции С.Г. Воркачева современная наука развивается в рамках *антропоцентрической* парадигмы, при которой фокус исследовательского внимания «закрепляется на стыке областей научного знания», порождая ряд междисциплинарных направлений в теории языка [Воркачев: 1]. Такого же мнения придерживается и В.А. Маслова, утверждая, что *антропоцентрическая* парадигма «выводит на первое место человека», чей интеллект «немыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи» [Маслова: 4—5]. Кроме того, о значимости роли человека, объединяющей различные области гуманитарного знания, пишет и К.Ф. Седов, называя языковую личность «связующим звеном наук *антропоцентрической* парадигмы» [Седов: 29].

Существуют и другие подходы к номинации и определению парадигм лингвистической науки. Ю.Н. Караулов называет современную парадигму *социальной*, выделяя внутри нее ряд направлений, таких как антропоцентрическое, когнитивное, психолингвистическое и т. д. [Караулов: 17]. Н. Хомутова считает возможным объединение социальной и психологической парадигм в уже упомянутую *антропоцентрическую* [Хомутова: 145]. Другую трактовку предлагает Е.С. Кубрякова: в качестве новой парадигмы исследователь выдвигает *когнитивно-дискурсивную*, которая бы «синтезировала в своих установках некоторые из установок когнитивизма и когнитивной лингвистики, но корректировала бы эти установки за счет коммуникативной парадигмы» [Кубрякова 2012: 32—33]. В своем исследовании мы будем придерживаться именно этой интерпретации, так как двусторонняя природа когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет учитывать при анализе и когнитивный, и коммуникативный потенциал

человека как существа, способного воспринимать, обрабатывать и воспроизводить информацию в виде речи.

Развитие лингвистической науки и переход к когнитивно-дискурсивной парадигме способствуют трансформации подходов к изучению тех или иных феноменов. Одним из ярких примеров является эволюция интерпретации объекта нашего исследования — метафоры: от художественного средства в рамках философского подхода — к инструменту познания действительности и концептуализации опыта и речевой деятельности человека в ключе когнитивного подхода. Когнитивный подход к изучению метафоры сохраняет актуальность — такой вывод можно сделать на основе значительного количества современных научных трудов, которые опираются на него. Например, российская научная электронная библиотека eLibrary.ru располагает более чем 10 000 работ, посвященных когнитивной метафоре, а коллекция журналов и книг Кембриджского университета предлагает доступ к почти 17 000 зарубежных трудов на эту же тему.

Когнитивный подход предлагает восприятие метафоры как одной из «основных ментальных операций, способа мышления, категоризации, классификации и концептуализации мира» [Кубрякова 2004: 376]. А.Н. Баранов формулирует основной тезис когнитивной теории метафоры так: суть метафоризации заключается в обработке структур знаний — фреймов и сценариев [Баранов: 11—12]. Метафоризация традиционно происходит в результате взаимодействия когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» [Лакофф, Джонсон].

В качестве методологической основы в своем исследовании мы обращаемся к методу метафорического моделирования, начальная концепция которого была предложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и получила дальнейшее развитие в работах А.П. Чудинова. А.П. Чудинов под **метафорической моделью** понимает складывающуюся в сознании носителя языка схему связи между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника становится основой для моделирования сферы-мишени [Чудинов 2001а: 45]. Данную схему можно представить формулой «X — это Y», она основана на схожести качеств, свойственных X и Y [Лакофф, Джонсон: 56].

Для детального описания метафорических моделей А.П. Чудинов предлагает раскладывать их на следующие компоненты:

- 1) сферу-источник (лексико-семантическая группа, к которой относятся единицы неметафорического смысла);
- 2) сферу-мишень (лексико-семантическая группа, к которой относятся единицы метафорического смысла);
- 3) фреймы данной модели («фрагменты наивной языковой картины мира, структурирующие сферу-источник»);
- 4) слоты, составляющие фрейм («элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации»);
- 5) компонент-связку метафорического и неметафорического смысла (он определяется для того, чтобы понять основания для использования данных слов в метафоре) [Чудинов 2001а: 44—46].

Особенностью метафорических моделей является их способность к представлению сложной проблемы в простых и доступных понятиях, позволяющая сделать акцент на каком-либо аспекте проблемы, или, напротив, отвлечь

слушателя или читателя от нее, убедить в возможности или невозможности какого-то развития событий [Чудинов 2001б: 26—27].

Доминирующее число исследований в рамках теории метафоры (и в том числе, когнитивной метафоры) посвящено анализу данного феномена через призму политического дискурса, в то время как метафорический аспект поля спортивного дискурса представлен значительно меньшим количеством работ. Актуальность нашего исследования заключается в том, что оно восполняет существующую лакуну в изучении метафорических моделей спортивного дискурса на примере новой лингвокультуры.

Материалом настоящего исследования послужил популярный японский трансмедийный проект «Волейбол!!» (ハイキュー!! [haikyū:]), который включает в себя различные виды аудиовизуального контента: от комиксов манга до анимэ-сериалов, радиопостановок и спектаклей, — направленного на популяризацию спорта среди подрастающего поколения. Трансмедиа — сравнительно новый феномен, который возник в ответ на потребность постиндустриального общества в развитии развлекательной индустрии. Н.Л. Соколова трактует трансмедиа как «специфический метод медиапроизводства», который продвигает продукты «одновременно через множество разных платформ для того, чтобы создать устойчивый интерес к продукту или бренду» [Соколова: 17]. Ключевыми признаками трансмедиа исследователи выделяют мультиплатформенность и поддержание интереса адресата продукции к создаваемому контенту [Маленова; Jenkins; Pratten].

Итак, основываясь на современных положениях когнитивной теории метафоры и теории метафорического моделирования, целью настоящего исследования мы определяем описание реализации метафорической модели «Спорт — это война» в японском спортивном дискурсе на материале трансмедийного проекта «Волейбол!!».

В соответствии с теорией А.П. Чудинова, базу компонентов метафорической модели «Спорт — это война» составляют **сфера-источник** «Спорт» и **сфера-мишень** «Война». На основе выбранного языкового материала были определены ключевые фреймы и проанализирована семантика образующих их слотов. Вслед за Т.Д. Магомадовой, мы использовали следующие **фреймы** в рамках метафорической модели «Спорт — это война»:

- 1) участники военных действий, воинские части и подразделения;
- 2) военные действия, их сценарий и элементы;
- 3) вооружение и его части, применение оружия;
- 4) военные события [Магомадова: 37].

Фреймовый анализ позволил выявить более мелкие структуры — **слоты**. Рассмотрим подробнее каждый фрейм и некоторые слоты, из которых он состоит.

Фрейм «Участники военных действий, воинские части и подразделения» включает в себя такие слоты, как **противник, ветеран, авангард, арьергард, командир**.

Ниже представлен анализ использования слота «арьергард».

1. その日向が後衛に回ってる間を極力“無難に凌ぐ”のが僕の役目いつもの事じゃないですか。

Разве моя роль обычно не заключается в том, чтобы продержаться как можно дольше без ошибок, пока Хината находится на задней линии (букв. «в арьергарде»)?

В данном примере ключевой игрок нападения находится на задней линии (или в арьергарде, 後衛 [ko:ei] [Jardic]), соответственно, в большинстве случаев он не имеет возможности проводить атаку. Одной из функций военного арьергарда является сдерживание наступления противника и пресечение его атак; в волейбольном плане же роль соответствующих ему игроков задней линии заключается в защите от атакующих действий соперника. Использование военной метафоры в примере 1 также дополняет значение слова, позволяя лучше понять нюансы игры на основе фоновых знаний о ведении военных действий.

Фрейм «Военные действия, их сценарий и элементы» актуализируется следующими слотами: **оборона, атака, стратегия, поражение, отступление.**

Слот «оборона» представлен следующими метафорами: 最強の防衛 [saikyo: no bo:gyo]; 鉄壁のブロック [teppeki no burokku]; 守備 [shubi].

2. ジャンプサーブに備えて青城は前の守備がガラ空きだ!

Готовясь к приему подачи в прыжке, Сэйдзё оставили без защиты переднюю линию.

Прямое значение лексемы 守備 [shubi] — это «охрана, гарнизонная служба» [Jardic]. В данном примере под метафорой «оставить без защиты» подразумевается то, что все игроки, способные принимать подачу, сменили свои позиции для приема сильной подачи, сконцентрировавшись в глубине площадки и оставив большую зону в передней части открытой. Благодаря использованию данной метафоры читатель получает возможность лучше понять специфическую терминологию, компенсируя возможные пробелы в знании правил переносом на более знакомую каждому сферу военных действий.

Многие виды спорта являются затратными не только в физическом плане, но и в интеллектуальном. В их число входит и волейбол: тактика ведения игры играет большую роль в достижении победного результата. В связи с этим актуальность приобретает слот «стратегия». Он представлен метафорами 作戦 [sakusen], 奇襲 [kishu:], 対策 [taisaku], 罠 [odori].

3. エースの前に道を作ることはできます。最強の罠になります!

Я смогу расчистить путь для эйса. Я стану сильнейшей приманкой!

В примере 3 представлен факт того, что в число стратегических ходов волейбольной команды входит использование приманки, или, говоря военным языком, ложной цели. На поле реального боя ложная цель имитирует настоящий объект повышенной значимости, отвлекая силы противника от действительной цели. Эти военные функции легли в основу метафорического переноса на спортивную реалию: игрок, играющий такую роль, показом атаки отвлекает на себя внимание блокирующих команды соперника, тем самым предоставляя возможность беспрепятственной атаки самому сильному нападающему своей команды.

Фрейм «Вооружение и его части, применение оружия, результат его действия». Проведение военных действий традиционно связано с применением какого-либо оружия для достижения поставленных целей, поэтому фрейм также представлен в спортивном дискурсе, в частности, слотами **вооружение и его части; применение оружия.**

В слот «вооружение и его части» входит метафора 武器 [buki].

4. 鳥野の武器はレフトだけじゃねえぞ。

Оружие Карасуно — это далеко не только доигровка.

В своем переносном значении слово «оружие» означает какое-либо средство или инструмент для борьбы или достижения поставленных целей. Так как

в волейболе не предусматривается использование какого-либо спортивного инвентаря, арсенал спортсменов составляют не настоящие ружья или шпаги, а физические умения и способности игроков и стратегия их комбинирования в наиболее удачных вариантах на момент использования. Поэтому широкое распространение получает метафорический перенос оружия именно на членов противостоящих команд и репертуар их игровых умений.

Слот «применение оружия и результат его действия» репрезентируется метафорами 連発 [rempatsu] и 一本 [ippon]/一発 [ippatsu].

Метафоры 一本 [ippon] и 一発 [ippatsu] отличаются особо высокой частотностью употребления. Все игровые действия в волейболе представлены именно этими классификаторами, и данный факт мотивирован образ-схемами, которые основаны на физическом взаимодействии человека с действительностью [Лакофф: 13]. Обратимся к следующим примерам.

5. もう一本止めるぞ!

Остановим следующую [подачу]!

6. 次の一本、俺に寄越せ。絶対決める!

Дай следующий пас мне. Я точно забью!

7. うっは! 重い一発!

Ого! Тяжелый [атакующий] удар!

Общепринятым фактом является то, что классификатор 本 [hon] в большинстве случаев употребляется для счета, во-первых, длинных и тонких объектов, а во-вторых, неодушевленных объектов [飯田]. Тем не менее, его использование может охватывать не только предметы, имеющие жесткую форму, но и менее репрезентативные случаи (см. примеры 5, 6). Со временем семантическое поле классификатора 本 [hon] расширилось до абстрактных областей, или «образ-схем». Так, в примере 5 и 6 речь идет о таких игровых элементах волейбола, как подача и пас. Оба этих действия являются отношением между формой руки (длинный, тонкий предмет), которой производится касание мяча, и траекторией, которую описывает мяч после такого касания (также длинная и тонкая линия). Эта связь — пример распространенного отношения между образ-схемами [飯田]. Другими словами, образ очерчиваемой летящим мячом длинной и тонкой линии соответствует образ-схеме, которая связывается с классификатором 本 [hon].

Что касается классификатора 発 [hatsu], то, по классификации А. Иида, он используется для счета выстрелов из пистолета, пуль, взрывчатых веществ, ударов по предмету в спорте (с применением метафорической экспансии) [飯田]. Следовательно, атакующие удары в волейболе также подлежат к подсчету при помощи классификатора 発 [hatsu]; тем не менее А. Иида в своих трудах не поясняет его связи с метафорической экспансией выстрелов на спортивные явления. Вышеупомянутую связь можно проследить на примере 7. Под тяжелым ударом там понимается сильный атакующий удар. Использование данного классификатора строится на метафоре «вылет мяча — это выстрел пули из огнестрельного оружия», которая, в отличие от классификатора 本 [hon], несет в себе не только физическое сходство в плане траектории, но и также выполняет художественную роль, подчеркивая силу удара игрока.

Фрейм «Военные события». Военные события сопровождают человека на протяжении всей истории: от первобытного общества до наших дней. В связи с этим в сознании людей и процессе метафоризации их жизненного

опыта значительную роль играет фрейм «военные события», единственный слот которого будет рассмотрен ниже.

Слот «сражение, бой» представлен метафорами 接戦 [sessen] 善戦 [zensen].

8. 1 セット落として2セット目も接戦。

Они упустили первый сет, во втором тоже ведут упорную борьбу.

Столкновение двух команд на площадке в примере выше описывается при помощи метафоры 接戦 [sessen], имеющей значения «упорная борьба» и «рукопашный бой» [Jardic]. Данная военная метафора характерна для многих видов спорта, так как почти каждый из них подразумевает элемент соревновательности; поэтому она также перешла в разряд общеупотребительных выражений в спортивной коммуникации.

Итак, с помощью метода фреймового анализа метафорических номинаций были выявлены основные фреймы, из которых состоит метафорическая модель «Спорт — это война»: 1) участники военных действий, воинские части и подразделения; 2) военные действия, их сценарий и элементы; 3) вооружение и его части, применение оружия; 4) военные события. Результаты анализа представлены в таблице.

Компоненты метафорической модели «Спорт — это война»

Фрейм	Слот	Метафора
Участники военных действий, воинские части и подразделения	противник	強敵 [kyo:teki]
		敵 [kataki]
	ветеран	古兵 [kohei]
	авангард	前衛 [zen'ei]
	арьергард	後衛 [ko:ei]
	командир	主将 [shusho:]
		指揮者 [shikisha]
司令塔 [shireito:]		
Военные действия, их сценарий и элементы	оборона	最強の防衛 [saikyo: no bo:gyo]
		鉄壁のブロック [teppeki no burokku]
		守備 [shubi]
	атака	攻撃 [ko:geki]
		速攻 [sokko:]
	стратегия	作戦 [sakusen]
		奇襲 [kishu:]
		対策 [taisaku]
		囷 [odori]
	поражение	敗戦 [haisen]
		惨敗 [sampai]
	отступление	撤収 [tesshu:]
Вооружение и его части, применение оружия, результат его действия	вооружение и его части	武器 [buki]
		連発 [rempatsu]
	применение оружия и результат его действия	一本 [ippon]
		一発 [ippatsu]
Военные события	сражение, бой	接戦 [sessen]
		善戦 [zensen]

Из анализа языкового материала следует, что фрейм «Участники военных действий, воинские части и подразделения» является одним из самых репрезентативных среди проанализированных: он состоит из 5 слотов, представленных 8 метафорами. Значительная репрезентативность вышеуказанного фрейма обусловлена жанровой необходимостью спортивных трансмедийных проектов эмфатизировать характеры персонажей и их внутренний мир, которые будут восприниматься реципиентом дискурса (читателем/зрителем) в качестве базиса поведения персонажей во время игры.

Фрейм «Военные действия, их сценарий и элементы» имеет наибольшую частотность проявления: он представлен 5 слотами, в состав которых входит 12 метафор. Это связано со спецификой выбранного материала, значительная доля сюжета которого сконцентрирована вокруг игрового процесса.

Что касается фрейма «Вооружение и его части, применение оружия, результат его действия», то, в отличие от предыдущих двух, он встречается относительно редко: 2 слота, состоящие из 4 метафор. Небольшое количество метафор, составляющих данный слот, можно объяснить малым числом инвентаря в волейболе, на который было бы возможно осуществить метафорический перенос.

Фрейм «Военные события» имеет наименьшую репрезентацию — всего 1 слот и 2 метафоры. Этот факт можно объяснить специфичностью его слотов (например, революция, мятеж, блицкриг и т. п.), которые с трудом вписываются в спортивный дискурс. Тем не менее данные слоты играют большую роль в метафорическом моделировании, так как в основу переносов заложены ключевые для сферы-источника и сферы-мишени понятия.

Итак, самыми продуктивными фреймами оказались «Участники военных действий, воинские части и подразделения» и «Военные действия, их сценарий и элементы». Анализ показал, что военная метафора в японском языке проявляется преимущественно на лексическом уровне. В выбранном материале были найдены примеры метафоры на каждый из выделенных фреймов, что свидетельствует о том, что военная метафора выступает в качестве одного из средств конструирования японского спортивного дискурса и, более того, оказывает влияние на его элементы: участников, их поведение, события, происходящие в процессе соревнования, хронотоп (время и место дискурсивного события), предметы, которые используют участники.

Качественно-количественный анализ продемонстрировал, что одной из самых продуктивных сфер-источников метафорической экспансии в японском спортивном дискурсе является понятийная сфера «Война», так как в нем наблюдается высокая частотность употребления военных лексических единиц, что обусловлено близостью двух данных видов человеческой деятельности в плане требуемых личностных качеств и условий, в которых она проводится.

Проведенный анализ метафор, составляющих модель «Спорт — это война», позволил выявить тесную связь сферы-источника «Спорт» и сферы-мишени «Война» и описать все разнообразие лингвистических средств их репрезентации. Метафоры войны стали неотъемлемой частью общения в спорте, не только выполняя роль художественного усиления смысла, но и обеспечивая дополнение знаний и опыта коммуникантов, стимулируя познание мира.

Список литературы / References

- Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
(Baranov A.N. Descriptor theory of metaphor. Moscow, 2014, 632 p. — In Russ.)

- Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
- (Vorkachev S.G. Linguoculturology, linguistic persona, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics, *Philology*, 2001, iss. 1, pp. 64—72. — In Russ.)
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- (Karaulov Y.N. Russian language and linguistic persona, 7th ed., Moscow, 2010, 264 p. — In Russ.)
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- (Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way of learning about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world, Moscow, 2004, 560 p. — In Russ.)
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
- (Kubryakova E.S. On the principles of cognitive science and current issues of cognitive linguistics, *In Search of the Essence of Language: Cognitive Research*, Moscow, 2012, 208 p. — In Russ.)
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
- (Kuhn T. The structure of Scientific Revolutions, Moscow, 2003, 605 p. — In Russ.)
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- (Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind, transl. from English by I.B. Shatunovsky, Moscow, 2004, 792 p. — In Russ.)
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- (Lakoff G., Johnson M. The Metaphors We Live By, transl. from English by A.N. Baranov, Moscow, 2004, 256 p. — In Russ.)
- Магомадова Т.Д. Военная метафора в современном английском, немецком и русском медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2015. 229 с.
- (Magomadova T.D. Military metaphor in modern English, German and Russian media discourse: Diss. ... of Candidate of Sciences (Philology), Volgograd, 2015, 229 p. — In Russ.)
- Маленова Е.Д. Трансмедийный дискурс в аспекте аудиовизуального перевода: проблемы и решения // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 22. С. 56—64.
- (Malenova E.D. Transmedia discourse in the aspect of audiovisual translation: problems and solutions, *Language. Culture. Communication*, 2019, no. 22, pp. 56—64. — In Russ.)
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- (Maslova V.A. Linguoculturology: textbook for students of higher ed. institutions, Moscow, 2001, 208 p. — In Russ.)
- Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.
- (Sedov K.F. General and anthropocentric linguistics, Moscow, 2016, 440 p. — In Russ.)
- Соколова Н.Л. Трансмедиа и «интерпретативные сообщества» // Международный журнал исследований культуры. 2011. №3 (4). С. 16—21.
- (Sokolova N.L. Transmedia and ‘interpretative communities’, *International journal of cultural studies*, 2011, no. 3 (4), pp. 16—21. — In Russ.)

- Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник ЧелГУ. 2009. № 35. С. 142—151.
(Homutova T.N. Scientific paradigms in linguistics, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, iss. 35, pp. 142—151. — In Russ.)
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография. Екатеринбург, 2001а. 238 с.
(Chudinov A.P. Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphors (1991—2000): Monography, Yekaterinburg, 2001, 238 p. — In Russ.)
- Чудинов А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001б. № 2. С. 26—31.
(Chudinov A.P. Sport metaphor in the modern Russian political discourse, *Voronezh State University Bulletin. Series: linguistics and intercultural communication*, 2001, iss. 2, pp. 26—31. — In Russ.)
- 飯田朝子。日本語主要助数詞の意味と用法. URL: <https://clck.ru/sc2Aj> (дата обращения: 10.08.2022).
(Iida A. Meaning and usage of major Japanese particles. — In Jap.)
- 鈴木一平、濱野寛子、横森大輔。ホームランを数える助数詞「本」と「発」の認知言語学的考察. URL: <https://inlnk.ru/dnmY3j> (дата обращения: 10.08.2022).
(Suzuki I., Hamano H., Yokomori D. Comparison of classifiers ‘本’ and ‘発’ for home-run score from the point of view of cognitive linguistics. — In Jap.)
- Jardic online: Японско-русский словарь. URL: <http://jardic.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
(Jardic online: Japanese-Russian online dictionary)
- Jenkins H. *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press, 2006, 308 p.
- Pratten R. *Getting started with transmedia storytelling: a practical guide for beginners*, 2nd edition, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015, 224 p.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 29.12.22; принята к публикации 12.01.2023.

The article was submitted 25.11.2022; approved after reviewing 29.12.2022; accepted for publication 12.01.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Козачина Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, avkozachina@gmail.com

Kozachina Anna Vladimirovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor at the Department of East Asian languages of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, avkozachina@gmail.com

Корепанова Екатерина Викторовна — студентка, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, rogerinatale@gmail.com

Korepanova Ekaterina Viktorovna — student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, rogerinatale@gmail.com

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 84—95.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 84—95.

Научная статья

УДК 94+327

DOI: 10.46726/И.2023.3.10

РОССИЯ И МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ СОВРЕМЕННОСТИ. Ч. 1

Жора Григорьевич Аветисян

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, reso-nn@mail.ru

Евгения Михайловна Рогожина, Роман Николаевич Соколов

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия,
evgenia-amiga@yandex.ru, romasokolov777@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос функционирования системы контактов по линии Россия — монархии Персидского залива в рамках международных экономических и социально-политических процессов. В исследовании отдельно рассматривается вопрос причин интенсификации контактов в системе двустороннего взаимодействия между Российской Федерацией и Королевством Саудовская Аравия, а также между РФ и Катаром. Проблема расширения политических и экономических контактов с этими странами подробно описывается в основной части исследования, при этом отмечается, что перспективы развития такого сотрудничества, несмотря на наличие расхождения позиций государств по некоторым внерегиональным вопросам, являются более чем серьезными. Совместные проекты по развитию нефтяной отрасли, медиации конфликтов внутри региона Ближнего Востока являются драйверами расширения торговых контактов, что способствует планомерному развитию российского присутствия и влияния посредством укрепления и упорядочения этих связей. Авторами приводятся конкретные особенности и тенденции в реализации внешней политики РФ по отношению к рассматриваемым государствам, что может рассматриваться как основа для изменения существующей системы взаимоотношений. Делается вывод о необходимости и перспективах развития контактов между Россией и странами региона.

Ключевые слова: Россия, Персидский залив, внешняя политика, Саудовская Аравия, Катар, региональная безопасность, торгово-экономическое сотрудничество

Для цитирования: Аветисян Ж.Г., Рогожина Е.М., Соколов Р.Н. Россия и монархии Персидского залива: история сотрудничества в условиях вызовов и угроз современности. Ч. 1 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 84—95.

© Аветисян Ж.Г., Рогожина Е.М., Соколов Р.Н., 2023

• Серия «Гуманитарные науки»

Original article

RUSSIA AND THE GULF MONARCHIES: HISTORY OF COOPERATION IN MODERN THREATS AND CHALLENGES. Pt. 1

Zhora G. Avetisyan

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod, Russian Federation, reso-nn@mail.ru

Evgeniya M. Rogozhina, Roman N. Sokolov

Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, evgenia-amiga@yandex.ru, romasokolov777@gmail.com

Abstract. This article discusses the functioning of the system of contacts between the Russia and Persian Gulf monarchies within the framework of international economic and socio-political processes. The study separately considers the issue of the reasons for intensifying contacts within the framework of bilateral cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia, as well as between the Russian Federation and Qatar. The problem of expanding political and economic contacts with these countries is described in detail in the main part of the study, while it is noted that the prospects for the development of such cooperation, despite the discrepancies in the positions of States on some non-regional issues, are more than substantial. Joint projects for the development of the oil industry, mediation of conflicts within the Middle East region are drivers of expanding trade contacts, which contributes to the systematic development of the Russian presence and influence by strengthening and streamlining these ties. The authors provide specific trends in the implementation of the Russian Federation foreign policy in relation to the states under consideration, which can be considered as a basis for changing the existing system of relations. A conclusion is made about the need and prospects for developing contacts between Russia and the countries of the region.

Keywords: Russia, the Persian Gulf, foreign policy, Saudi Arabia, Qatar, regional security, trade and economic cooperation

For citation: Avetisyan Zh.G., Rogozhina E.M., Sokolov R.N. Russia and the Gulf monarchies: history of cooperation in modern threats and challenges. Pt. 1, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 84—95.

Введение

В современном мире в условиях развития процессов глобализации регион Ближнего Востока, а точнее, субрегион Персидского залива для ведущих акторов мировой политики в целом и для России в частности является весьма приоритетным в контексте формирования внешнеполитического курса. Регион представляет собой объект экономических и политических интересов мировых держав, а именно: США, Китая, Великобритании, Франции и России, разрабатывающих и использующих собственные региональные каналы влияния.

Высокий уровень конфликтности в регионе способствует усилению влияния ряда стран посредством снижения уровня эскалации этнополитической или этноконфессиональной напряженности, что позволяет обеспечить «мирное» существование сопредельных регионов. Стоит отметить, что в последнее время особенно заметно выделяется усиление и укрепление роли Российской Федерации в решении вопросов ближневосточного субрегиона Персидского залива и проблем, затрагивающих интересы всего мирового сообщества.

С началом президентства В.В. Путина в 2000 г. произошло значительное изменение внешнеполитических установок и приоритетов российского

государства. С этого времени внешнеполитический курс России претерпел множество изменений: от попытки упрочения отношений с США и ЕС в рамках т. н. «Европейского выбора» в начале 2000-х годов до пересмотра концепции взаимодействия с коллективным Западом, оппозиции США по принципиальным вопросам мироустройства, кульминацией чего стала «Операция по принуждению к миру Грузии» 2008 года, «Мюнхенская речь» В.В. Путина и последующая «перезагрузка» российско-американских отношений и распоряжение Кремля об усилении партнерства с наиболее развитыми странами [Тренин], последствия чего ярко проявляются в современной системе международных отношений.

В странах Персидского залива, куда и был направлен вектор новой внешней политики российского государства, основной долгосрочной задачей является формирование системы сотрудничества по безопасности в зоне ОБСПЗ (Организация по безопасности и сотрудничеству в зоне Персидского залива), куда внерегиональные акторы могли бы входить в качестве ассоциированных членов или наблюдателей. Запуск системы коллективной безопасности в регионе Персидского залива до недавнего времени являлся одним из наиболее перспективных внешнеполитических проектов России, поскольку регион Ближнего Востока и стратегическое партнерство с монархиями Персидского залива является ключевыми для обеспечения экономического развития РФ, в первую очередь ее ВПК и экспортно-ориентированной промышленности.

Таким образом, для руководства российского государства на тот момент и в дальнейшем являлось и является крайне важным как расширение внешнеполитических связей и контактов, с одной стороны, так и сохранение уже имеющихся связей и договоренностей, а также укрепление собственных интересов в ряде регионов, в том числе в регионе Ближнего Востока и Персидского залива, с другой.

Целью исследования является комплексный анализ истории и перспектив сотрудничества Российской Федерации и стран Персидского залива, в частности Саудовской Аравии (КСА), Катара в условиях новых вызовов и угроз.

Историографии вопроса взаимодействия России и государств Персидского залива уделяется особое внимание в работах многих отечественных исследователей. Среди наиболее важных и полных произведений по данной тематике отметим труды В.А. Исаева, А.О. Филоника, [Исаев, Филоник], А.А. Скорины, Ж.Г. Аветисяна [Скорина, Аветисян], М.Ю. Бородиной, И.В. Рыжова [Бородин, Рыжов], Э.О. Касаева [Касаев 2012]. Зарубежные публикации на эту тему также встречаются в большом количестве. Из достаточно свежих и интересных — работа К. Оскарссона и С. Йетива «Россия и Персидский залив» [Oskarsson, Yetiv]. В этой работе подробно раскрывается динамика экономического сотрудничества России и стран региона, но политическое взаимодействие и сфера безопасности раскрываются слабо.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является сотрудничество РФ и стран Персидского залива в контексте вызовов и угроз современности. Предмет исследования — особенности экономических, политических, культурных аспектов взаимодействия Москвы с Эр-Риядом и Дохой.

Методология исследования заключается в историческом и системном подходах. Исторический подход позволяет нам провести ретроспективный анализ взаимодействия РФ со странами Персидского залива. Системный подход, во-первых, помогает выявить специфику изучаемого региона в виде системы факторов как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического свойства, оказывающих непосредственное влияние друг на друга. Во-вторых, он

позволяет оценить внешнеполитическую стратегию РФ в регионе как единую систему сдержек и противовесов в контексте новых вызовов и угроз современности.

Результаты и их обсуждение

Российская политика на Ближнем Востоке отвечает нескольким принципам реализации, которые во многом обеспечивают ее эффективность и ход. Рассмотрев ключевые аспекты политики РФ в отношении монархий Персидского залива, мы сможем наиболее четко установить политические перспективы этого сотрудничества, его динамику и реализацию.

Рассмотрим ключевые аспекты российской политики в отношении монархий Персидского залива.

1. Смена парадигмы восприятия. На современном этапе Россия в отношении стран Залива начала воплощать более лояльную и гибкую политику, не подразделяя их на «прогрессивные» и «консервативные» в зависимости от их политических установок и принципов. Основной акцент в рамках взаимодействия делается на «соблюдении региональными участниками норм международного права, а также транспарентном сотрудничестве в военной сфере» [Исаев, Филоник: 108] и на экономическом и культурном диалоге.

2. Россия приняла решение значительно увеличить свое политическое присутствие в регионе Залива. Поскольку ближневосточный регион неизменно находится в зоне политического и экономического влияния РФ [Рыжов, Бородин: 336], одним из основных приоритетов для России явилось укрепление позиции в более перспективных областях экономического взаимодействия с региональными акторами [Аветисян]. На данный момент в качестве важнейшей и приоритетной выделяется энергетическая отрасль. Ожидается, что в ближайшем будущем доходы ряда российских компаний от добычи углеводорода в регионе Залива, таких как «Газпром», «Стройтрансгаз», «Зарубежнефтегаз», «Лукойл», «Роснефть», «Татнефть» и «Союзнефтегаз», могут составить более 10 млрд долларов [Филоник]. Кроме того, помимо внушительного капитала и ВВП, страны Персидского залива отличаются высоким уровнем опыта развития и управления свободными экономическими зонами, портами и другой инфраструктурой, а также некоторыми передовыми технологиями, что повышает интерес России к взаимодействию с ними.

3. Смена региональной внешнеполитической стратегии РФ в связи с «арабской весной», начавшейся в 2010 г. Одним из последствий трансформации курса стало проведение военной операции ВКС России в Сирии в 2015 г., что значительно повлияло на отношения РФ со странами региона. В это время происходило расширение секторов взаимодействия России с государствами Персидского залива [Васильев: 43], и в целом российские ориентиры в отношении событий в большинстве стран региона заключались в политике невмешательства во внутренние дела государств, а также фиксации происходящих региональных процессов и одобрении либерализации общественно-политической жизни [Бородин, Рыжов: 94—95]. Только в случае с Йеменом Российская Федерация выступила за смену правительства в стране ввиду тотальной гуманитарной катастрофы.

4. Определенные изменения внешнеполитического вектора на ближневосточном направлении были отражены в Концепции внешней политики РФ 2016 г., в которой «мягкая сила» характеризуется как основа сотрудничества России и стран Залива (например, за счет экономических и культурных связей в решении кризисных вопросов, касающихся, в том числе Сирии и Катара) [Долгова: 77].

5. Принимая во внимание факт распространения различных идеологических течений радикального ислама и усиление террористических

исламистских движений [Бородина, Рыжов: 95—96], озабоченность России событиями, происходящими в Персидском заливе, в связи с проживанием весомой доли мусульманского населения на ее территории, также является вполне очевидной [Шаклеина, Панов, Булатов: 324].

Россия и Саудовская Аравия

Саудовская Аравия — государство, претендующее на статус регионального лидера, неизменными конкурентами которого являются Иран и Катар, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на формат отношений КСА и РФ. Краткая ретроспектива их взаимодействия в 2000—2020 гг., которое получило развитие после визита В.В. Путина в Эр-Рияд в 2007 г., отражает неоднозначную и противоречивую картину путей улучшения по вопросам ближневосточной политики и проблемам борьбы с международным терроризмом.

Важно отметить, что в 2003 г. на фоне американского вторжения в Ирак произошло сближение Москвы и Эр-Рида, что положительно сказалось на отношениях РФ и КСА, а также уменьшило критику саудитов в отношении северокавказской политики России [Васильев].

В ходе нескольких двусторонних визитов на высшем уровне взаимодействие РФ и Саудовской Аравии в экономической сфере стало более плодотворным. КСА заявляло о необходимости привлечения российских компаний к разработке месторождений на саудовской территории. В 2003 г. правительства двух стран подписали соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа, которое включало в себя совместное участие в бизнес-проектах на территориях обеих стран. В 2006 г. российская компания «Лукойл» получила право заключить с правительством Саудовской Аравии контракт, действующий 40 лет, который предполагал создание совместного предприятия с государственной нефтяной компанией “Saudi Aramco”. После чего в 2007 г. между саудовской “Saudi Aramco” и российским «Стройтрансгазом» был заключен контракт на сумму более 100 млн долл. в целях строительства нефтепровода “Sheiba-Abqaiq” протяженностью более 200 км [Касаев 2014]. В 2008 г. объем торговли между странами составил около 337 млн евро. Затем сторонами обсуждался вопрос инвестирования в экономики обоих государств в сфере IT и высоких технологий. Одним из таких проектов стал запуск нескольких саудовских гражданских спутников при поддержке российской стороны [Мелкумян].

С началом президентства В.В. Путина предпринимались множественные попытки налаживания сотрудничества с Саудовской Аравией, ставшей в 2007 г. крупнейшим в мире импортёром вооружений. В ходе визита В.В. Путина в Эр-Рияд в 2007 г. рассматривался вопрос об экспорте в КСА 150 танков Т-90С, БМ П-4 и БТР-80А.

2011 год стал переломным в истории двусторонних взаимоотношений России и Саудовской Аравии.

Сразу после начала «арабской весны» и без того непростые взаимоотношения двух стран стали ухудшаться. Ключевым камнем преткновения стала фигура Б. Асада и сирийский кризис, который до сих пор не нашел окончательного разрешения. Причина серьезных разногласий заключалась в поддержке Россией сирийского правительства Б. Асада, в связи с чем потерпели крах планы КСА по смене некомплементарного правительства Сирии. Кроме того, начавшаяся в 2015 г. военная операция ВКС РФ против ИГИЛ (запрещена в РФ), захватившей значительную часть территории Сирии и Ирака, вызвала резкую критику со стороны саудовских властей, а заявление В.В. Путина о политике России о поддержке сирийского правительства в его планомерной борьбе с террористическими

организациями посредством применения ВКС спровоцировало обвинения в усложнении и без того непростой ситуации и во вмешательстве в региональные процессы, а также в поддержке террористического режима [Долгова].

И несмотря на визит наследного принца КСА Мухаммеда Ибн Салмана Аль Сауда в Москву летом 2015 года и позитивные комментарии о возможном инвестировании как в российскую экономику в целом, так и в несколько определенных регионов, российская сторона объявила КСА инициатором антироссийского заговора, намеренно манипулирующим ценами на нефть в ущерб РФ. Кроме того, к списку противоречий можно добавить иранскую ядерную программу, против которой выступила Саудовская Аравия [Katz].

Таким образом, в результате поддержки Россией сирийского режима, что являлось ее основной стратегией по отношению к данному государству с самого начала гражданской войны в нем, ряд западных держав обвинил РФ в защите своих бизнес-интересов в Сирии [Blanford] и в связи с этим в поддержке «зверств, которые творит кровавый и преступный режим Асада» [Аль-Халиди].

Кроме того, на трансформацию внешнеполитической стратегии РФ в 2014—2015 гг. в регионе Персидского залива повлияло введение против нее экономических санкций и падение цен на нефть. Это заставило Россию искать новых внешнеэкономических партнеров. Однако, несмотря на то что между РФ и Саудовской Аравией были подписаны соглашения в области инвестиций и ядерной энергетики, у многих итоги прошедших встреч оставили скептическое впечатление, а официальные документы получили название «деклараций о намерениях» [Рытченко].

В то же время нельзя говорить о полном отсутствии взаимопонимания между двумя сторонами. Обе страны признают опасность для мирового сообщества ИГИЛ (запрещена в РФ) и необходимость противостояния ей, а также выступают за придание зоне Персидского залива статуса региона, свободного от применения оружия массового поражения. Будучи ощутимо зависимыми от цен на углеводороды, стороны видят общий интерес в стабилизации нефтяного рынка [Демченко] и выражают готовность сотрудничать в сфере нефтяной энергетики [Зайнуллин]. Говоря о взаимоотношениях России и КСА в экономической сфере, стоит отметить их достаточно активное взаимодействие и рост двустороннего интереса предпринимателей к развитию сотрудничества. Хотя текущий пропорциональный объем торговли между странами составляет 99:1, в апреле 2017 г. инвестиционными фондами стран были заключены соглашения о проектах общей стоимостью около 3 млрд долларов [Borchevskaya]. А внешнеторговый оборот между Россией и Саудовской Аравией по данным Федеральной таможенной службы РФ неуклонно увеличивается: в 2017 году, к примеру, он составил 915,2 млн долл. США [Borchevskaya], в 2019 году — 1 667 159 568 долл. США, в 2020 году — 1,2 млрд долл. США. В 2021 году объем взаимной торговли был на отметке 2,2 млрд долл. США, то в 2022 году он опустился до 1,6 млрд. Тем не менее, страны поставили цель поднять товарооборот до 5 млрд долл. США [Устаров].

Одним из последних заметных сдвигов в контексте двустороннего российско-саудовского сотрудничества стал визит в Москву короля Саудовской Аравии Салмана Аль Сауда в октябре 2017 г., результатом которого стало подписание значительного числа контрактов в области развития совместных проектов образования, науки, использования мирного атома и космического пространства, а также закупка вооружений Королевством.

Однако в то же время очевидной стала неизменность позиции РФ по основным проблемным вопросам Сирии и Ирана. Важно отметить, что после

победы Д. Трампа на президентских выборах в США в январе 2017 г. наметилось сближение КСА с США, что, в свою очередь, привело к дальнейшему сближению РФ с Ираном [Legucka].

2020 г. ознаменовал огромное количество изменений как в мире в целом, так и в регионе Персидского залива: волна соглашений арабских стран с Израилем сопровождается российской инициативой о проведении переговоров по ситуации в Заливе, и все это происходит при председательстве Саудовской Аравии в G-20. После победы на президентских выборах в США Дж. Байдена в 2020 г., с началом блокады Катара в регионе Залива, с атаками Хамас на Израиль в мае 2020 г. расстановка сил в регионе заметно изменилась. «Проамериканский блок» под эгидой КСА и ось Доха—Тегеран—Анкара поставили под сомнение российские позиции на Ближнем Востоке.

В целом, у России и Саудовской Аравии есть все шансы продолжать активно сотрудничать в разных сферах, поэтому первоочередной задачей в контексте их взаимодействия выступает необходимость последовательной модернизации их экономических, политических и социальных структур [Косач: 54].

Россия и Катар

Катар является одним из мировых лидеров по запасам природного газа, уступая по данному показателю лишь России и Ирану. В связи с этим Россия и Катар заинтересованы в двустороннем взаимодействии в области энергетики, главным образом в нефтяной и газовой сферах. В 2007 г. состоялся визит В.В. Путина в Катар, что явилось свидетельством углубления сотрудничества двух стран на региональном уровне [Васильев: 76]. В ходе данного визита между компаниями «Лукойл» и «Qatar Petroleum» (QP) был подписан Меморандум о взаимопонимании. Катар регулярно проявляет заинтересованность в финансировании строительства завода по сжижению газа на Ямале, а также в разработке месторождений золота и нефти. Помимо этого, оба государства являются членами межгосударственного объединения «Форум стран-экспортеров газа» [Маркелова] — ФСЭГ (наряду с Ираном и Оманом, являющимися постоянными членами ФСЭГ, и Ираком, участвующим в деятельности объединения в качестве наблюдателя), штаб-квартира которого располагается в столице эмирата Дохе. Катар имеет определяющую роль в рамках квотирования и регулирования цен на продажу нефти, при этом Россия, Венесуэла и Алжир в рамках совместных усилий, что согласуется с намерениями Катара, стремятся к созданию эффективной международной организации, которая будет способна адекватно влиять на механизм ценообразования на газовом и нефтяном рынке.

В рамках ФСЭГ распространено мнение, что российско-катарский энергетический диалог вряд ли приведет к значительным подвижкам, поскольку между двумя странами существуют определенные разногласия в рамках оценки и позиций по политическим процессам в регионе Ближнего Востока.

Рассматривая сотрудничество России и Катара в ядерной области, стоит отметить, что в 2010 г. страны договорились о сотрудничестве в сфере разработки нормативно-правовой базы в области строительства и организации мирной ядерной программы Катара.

На сегодняшний день основные разногласия двух стран возникают вокруг сирийского вопроса. РФ настаивает на политическом урегулировании вооруженного конфликта в Сирии и выступает против повторения ливийского сценария, который может привести к мощным деструктивным последствиям для всего региона. Катар выступает в поддержку негосударственных вооруженных акторов, действующих против современного режима президента Сирии Б. Асада.

Более того, эмират на протяжении последних лет многократно обвиняли в поддержке экстремистских и террористических групп на территории Сирии, Ирака и других арабских государств (в том числе террористических ячеек «Архар Аш-Шам» и «ИГИЛ») (запрещены в РФ). В октябре 2015 г. министр иностранных дел Катара Халед бен Мухаммед аль-Атъяя заявил, что не исключает военного вторжения в Сирию, если этого потребует «защита сирийцев от жестокости режима» [Иванов]. Кроме того, в декабре 2015 г. Катар поддержал инициативу Саудовской Аравии по созданию исламской военной коалиции для борьбы с терроризмом.

Вместе с тем межгосударственное сотрудничество России и Катара осложняется следующими обстоятельствами. Во-первых, увеличивая экспортные объемы поставки сжиженного природного газа в европейские страны, Газпром сталкивается с конкуренцией с нефтедобывающими компаниями Эмирата на традиционных для себя рынках. Немного облегчает данную ситуацию лишь то, что Россия поставляет газ по трубам, Катар в основном — в виде сжиженного природного газа (СПГ). Во-вторых, усугубляет развитие торгово-экономических связей двух стран низкий уровень торгово-инвестиционных связей между государствами. После смены режима в ряде арабских государств в 2011 году сложность двусторонних отношений нарастает. Это связано с антироссийской политикой, насаждаемой прозападными политическими консультантами при правительстве Катара, различием в деловых менталитетах предпринимателей из Катара и России, что является еще одним фактором усложнения отношений. Расширению экономического взаимодействия во многом способствует деятельность российско-катарского делового совета и межправительственной комиссии по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству (с 2014 г.), а также российско-катарского инвестиционного фонда “Gulf Russian Business Center”.

В целом стоит отметить, что Россия, наладив тесные связи со всеми значительными ближневосточными силами, все же смогла сохранить диалог с Катаром [Тренин: 3].

В период с 2010—2020 г. импорт Российского оружия в Катар увеличился на 361 процент, что косвенно связано с продолжающимися двусторонними контактами между правительствами РФ и Эмирата по сирийскому вопросу.

Катар, наряду с другими монархиями Персидского залива, является крупным источником долгосрочных капиталов для экономик развитого и развивающегося мира. Очевидно, что степень успешности экономических контактов России и Катара в будущем во многом будет зависеть не только от эффективности диалога между обоими государствами, но и от ряда внешних факторов, во многом от политической ориентации эмирата.

Важно отметить, что пересмотр Катаром своей внешней политики в сторону налаживания диалога с Турцией и Ираном положительно повлиял на отношения с Россией, и на данный момент перед странами открыты широкие перспективы плодотворного сотрудничества. Кроме того, с началом блокады Доха была вынуждена переориентировать торговлю с иностранными государствами, и на данный момент механизмы торгово-экономических отношений, в том числе продовольственных поставок из Москвы в Доху, максимизированы.

Заключение

Резюмируя, отметим, что отношения России с монархиями Персидского залива в рассматриваемый период характеризуется некоторыми общими чертами:

— сниженное взаимодействие в рамках международных организаций сочетается с интенсификацией двусторонних контактов, которые и составляют основу взаимодействия и развития сотрудничества в рассматриваемый период;

— особо взаимодействие развивается в рамках ТЭК и обеспечения безопасности;

— концентрация межгосударственного взаимодействия сосредоточена главным образом на уровне прямых контактов руководства стран, межведомственных и деловых связей;

— проведение Россией на протяжении долгого времени политики «пассивного негативизма» в отношении процессов, происходящих в регионе Залива;

— ведущие страны Залива в целом заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией, но налаживание и поиск таких механизмов значительно затрудняют этот процесс;

— декларативный характер действий в двусторонних договоренностях между РФ и государствами Залива касательно политического взаимодействия.

При этом развал отношений в рамках блока Ближнего Востока положительно сказывается на двусторонних отношениях России с монархиями залива. Иран способствует коммуникации между Москвой и Дохой, а также Оманом и Кувейтом, что может стать основой долгосрочной системы сотрудничества России и стран Персидского залива.

Список литературы / References

Аветисян Ж.Г. Основные направления российской внешней политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2000—2014 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 114—117.

(Avetisjan Zh.G. The main directions of Russian foreign policy in the Middle East and North African 2000—2014 years, *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 17, pp. 114—117. — In Russ.)

Аль-Халиди Х.И.Х. Нефтегазовая отрасль Ирака: проблемы и решения // Инновационная экономика. 2014. № 4. С. 2—5.

(Al'-Halidi H.I.H. Oil and gas industry in Iraq: problems and solutions, *Innovative Economy*, 2014, no. 4, pp. 2—5. — In Russ.)

Арбатов А. Ядерное соглашение с Ираном: феномен или прецедент? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 3. С. 5—15.

(Arbatov A. Nuclear agreement with Iran: phenomenon or precedent?, *World Economy and International Relations*, 2016, no. 3, pp. 5—15. — In Russ.)

Бородина М.Ю., Рыжов И.В. Россия – Ближний Восток: характер экономического сотрудничества // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. Вып. 2 (12). С. 94—102.

(Borodina M.Yu., Ryzhov I.V. Russia — Middle East: the nature of economic cooperation, *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya I mir*, 2017, iss. 2 (12), pp. 94—102. — In Russ.)

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. 670 с.

(Vasil'ev A.M. From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East, Moscow, 2018, 670 p. — In Russ.)

Демченко А. «Арабская весна» и политика России в ближневосточном регионе // Перспективы. 2012. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=152146> (дата обращения: 08.04.2023).

(Demchenko A. "Arab Spring" and Russia's policy in the Middle East region, *Perspektivy*, 2012. — In Russ.)

- Долгова Д.А. Иран между Россией и США // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. С. 75—81.
(Dolgova D.A. Iran between Russia and USA. *Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdu-narodnyh otnoshenij*, 2015, no. 6, pp. 75—81. — In Russ.)
- Зайнуллин Г.Г. Развитие отношений России и арабских стран Персидского Залива с 2011 г. по настоящее время // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 5. С. 44—51.
(Zajnullin G.G. Development of relations between Russia and the Arab countries of the Persian Gulf from 2011 year until present time, *The Kazan socially-humanitarian bulletin*, 2017, no. 5, pp. 44—51. — In Russ.)
- Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 208 с.
(Zvjagel'skaja I.D. Middle East clinch. Conflicts in the Middle East and Russian Policy. Moscow, 2014, 208 p. — In Russ.)
- Иванов И.С. Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. М.: Российский совет по международным делам, 2017. 86 с.
(Ivanov I.S. Partnership between Russia and Iran: current state and development prospects, Moscow, 2017, 186 p. — In Russ.)
- Исаев В.А., Филоник А.О. Россия и Саудовская Аравия в контексте экономических отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 105—116.
(Isaev V.A., Filonik A.O. Russia and Saudi Arabia in the context of economic relations, *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, 2018, iss. 1, pp. 105—116. — In Russ.)
- Касаев Э.О. Газовая стратегия Катара: вызовы для России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 2. С. 116—132.
(Kasaev Je.O. Qatar Gas Strategy: Challenges for Russia, *National strategy issues*, 2014, no. 2, pp. 116—132. — In Russ.)
- Касаев Э.О. Нефтегазовое сотрудничество России с монархиями Персидского залива. Часть 1 // Институт Ближнего Востока. 2012. 27 сентября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15678> (дата обращения: 08.04.2023)
(Kasaev Je.O. Oil and gas cooperation between Russia and the monarchies of the Persian Gulf, pt. 1, *Institut Blizhnego Vostoka*, 2012, September 27. — In Russ.)
- Косач Г.Г. Российско-саудовское политическое взаимодействие // Вестник МГИМО—Университета. 2017. № 4. С. 127—138.
(Kosach G.G. Russian-Saudi political interaction, *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 4, pp. 127—138. — In Russ.)
- Мантуров А. Россия рассчитывает на совместное военное производство с ОАЭ // РИА Новости. 2015. 22 февраля. URL: <https://news.mail.ru/politics/21154086/> (дата обращения: 08.04.2023).
(Manturov A. Russia counts on joint military production in the UAE, *RIA Novosti*, 2015, February 22. — In Russ.)
- Маркелова Э.А. Особенности и перспективы энергетического сотрудничества России и Катара в газовой сфере // Инновации и инвестиции. 2021. № 10. С. 32—38.
(Markelova E.A. Features and prospects of energy cooperation between Russia and Qatar in the gas sector. *Innovations and Investments*, 2021, no. 10, pp. 32—38. — In Russ.)
- Мелкумян Е.С. Россия во внешнеполитических приоритетах Совета сотрудничества арабских государств Залива после событий «Арабской весны» // Вестник МГИМО—Университета. 2017. № 4. С. 139—153.
(Melkumjan E.S. Russia in the Foreign Policy Priorities of the Council of the Commonwealth of the Arab States of the Gulf after the events of the “Arab Spring”, *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 4, pp. 139—153. — In Russ.)

- Меркулов К.А. Российско-эмиратское внешнеэкономическое сотрудничество // Управление экономическими системами: ЭНЖ. 2015. № 3. С. 26—28.
(Merkulov K.A. Russian-Emirati foreign economic cooperation, *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: JeNZh*, 2015, no. 3, pp. 26—28. — In Russ.)
- Рыжов И.В., Бородин М.Ю. Арабо-израильский конфликт: историческая ретроспектива, современное состояние и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 332—339.
(Ryzhov I.V., Borodina M.Yu. Arab-Israeli conflict: historical retrospective, current state and trends, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 6 (1), pp. 332—339. — In Russ.)
- Рытченко А.А. Суверенные инвестиционные фонды: Саудовская Аравия и Россия // Роль инноваций в трансформации современной науки: Сб. статей международной научно-практической конференции 1 июня 2017 г. Уфа, 2017. С. 75—79.
(Rytchenko A.A. Sovereign Investment Funds: Saudi Arabia and Russia. *The role of innovation in the transformation of modern science: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference on June 1, 2017, Ufa*, 2017, pp. 75—79. — In Russ.)
- Скорина А.А., Аветисян Ж.Г. Российская Федерация в международных отношениях на Ближнем Востоке в период президентства Д.А. Медведева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1(2). С. 359—364.
(Skorina A.A., Avetisyan Zh.G. The Russian Federation in International Relations in the Middle East during the Presidency of D.A. Medvedev, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2014, no. 1(2), pp. 359—364. — In Russ.)
- Тренин Д. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы: доклад // Московский центр Карнеги. 2016. 21 апреля. URL: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388> (дата обращения: 08.04.2023).
(Trenin D. Russia in the Middle East: Tasks, Priorities, Political Incentives: Report, *Carnegie endowment for international peace*, 2016, April 21. — In Russ.)
- Устаров М. Россия и Саудовская Аравия: дружеское сотрудничество и разногласия // Вестник Кавказа. 2023. 23 июня. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/rossia-i-saudovskaa-aravia-druzeskoe-sotrudnicestvo-i-raznoglasia.html> (дата обращения: 23.06.2023)
(Ustarov M. Russia and Saudi Arabia: Friendly cooperation and disagreements, *Bulletin of the Caucasus*, 2023, June 23. — In Russ.)
- Филоник А.О. Россия на экономическом пространстве арабского мира (возможности обретения собственного места) // Россия и исламский мир: история и перспектива цивилизационного взаимодействия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 120-летию Карима Хакимова. Уфа, 24—26 марта. 2011. С. 217.
(Filonik A.O. Russia in the economic space of the Arab world (possibility of finding its own place), *Russia and the Islamic World: the history and perspective of civilizational Interaction. International scientific and Practical conference dedicated to the 120th anniversary of Karim Khakimov. Ufa, March 24—26. 2011*, p. 217. — In Russ.)
- Шаклеина Т.А., Панов А.Н., Булатов А.С. Внешняя политика России. 1991—2016 : кол. монография / под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017. 538 с.
(Shakleina T.A., Panov A.N., Bulatov A.S. Foreign Policy of Russia. 1991—2016: Col. monograph. Moscow, 2017, 538 p. — In Russ.)
- Blanford, N. Why Russia is blocking international action against Syria, *The Christian Science Monitor*. 2011. September 19. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2011/0919/Why-Russia-is-blocking-international-action-against-Syria> (дата обращения: 08.04.2023).

- Borchevskaya A. Will Russian-Saudi relations continue to Improve?, *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/saudi-arabia/2017-10-10/will-russian-saudi-relations-continue-improve>. (дата обращения: 08.04.2023).
- Katz M. La politique russe au Grand Moyen-Orient ou l'art d'être l'amie de tout le monde, *L'Institut français des relations internationales*, 2010, no. 49, pp. 1—26.
- Legucka A. Russia-Saudi Arabia Cooperation: Potential and Limitations, *Bulletin PISM*, 2016, no. 66. URL: <https://www.pism.pl/publications/bulletin/no-66-1006> (accessed: 08.04.2023).
- Oskarsson K., Yetiv S.A. Russia and the Persian Gulf: Trade. Energy and Interdependence, *Middle East Journal*, 2020, no. 67 (3), pp. 381—403.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 25.11.2022; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Аветисян Жора Григорьевич — аспирант, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, reso-nn@mail.ru

Avetisyan Zhora Grigorievich — postgraduate student, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, reso-nn@mail.ru

Рогожина Евгения Михайловна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и мировых политических процессов, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, evgenia-amiga@yandex.ru

Rogozhina Evgeniya Mikhailovna — Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor of the Department of International Relations and Global Political Processes, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, evgenia-amiga@yandex.ru

Соколов Роман Николаевич — лаборант-исследователь Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, reso-nn@mail.ru

Sokolov Roman Nikolaevich — Research Assistant of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of Global and Regional Socio-political Processes”, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, reso-nn@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 96—106.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 96—106.

Научная статья

УДК 069.016(091)(470.315)

DOI: 10.46726/И.2023.3.11

МУЗЕЙНЫЙ БУМ И ФЕНОМЕН ЛЕНИНСКИХ КОМНАТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (На материалах Ивановской области)

Лев Георгиевич Богданов

Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурлыгина,
г. Иваново, Россия, levbogdanovistfak@mail.ru

Ирина Анатольевна Комиссарова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
komissarova.ir.an@gmail.com

Аннотация В этой статье предпринимается попытка дать оценку музейному буму, начало которого приходится на 1960-е годы. Авторы фокусируют внимание на практике музейного дела. В указанный период исследуемые процессы ярче всего проявили себя в деятельности школьных музеев, которые оказались в условиях максимальной поддержки государства. Требования к организации и к условиям существования в указанный период были минимизированы, что обеспечило буквально взрывной рост количества музеев. Но, как следствие, одновременно это сказалось на качестве и содержании именно музейной деятельности. Во-первых, дефицит музейных предметов. Во-вторых, формализация в работе и в отношении к оформлению экспозиций. В-третьих, поиск вариантов в решении текущих проблем с комплектованием фондов и экспонированием. В-четвертых, среди найденных в некоторых музеях решений есть уникальные практики конструирования музейного пространства. Например, опредмечивание в экспозиции памяти свидетеля событий. Впоследствии это стало одной из традиций работы именно школьных музеев. Непродолжительный период существования ленинских школьных музеев как пример идеологизированной конъюнктурной (юбилейной) установки дает все основания быть осторожными в использовании подобной практики в современных условиях.

Ключевые слова: школьный музей, феномен ленинских музеев (уголков), музейный бум, дефицит музейных предметов, Ивановская область

Для цитирования: Богданов Л.Г., Комиссарова И.А. Музейный бум и феномен ленинских комнат в образовательных учреждениях: (На материалах Ивановской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 96—106.

Original article

MUSEUM BOOM AND THE PHENOMENON OF LENIN ROOMS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS (On the materials of Ivanovo region)

Lev G. Bogdanov

Ivanovo State Museum of Local History named after D.G. Burylin, Ivanovo,
Russian Federation, levbogdanovistfak@mail.ru

Irina A. Komissarova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, komissarova.ir.an@gmail.com

Abstract. This article attempts to evaluate the museum boom that began in the 1960s. The authors focus on the practice of museum work. During this period, the processes under study most clearly manifested themselves in the activities of school museums, which enjoyed maximum state support. Requirements for the organization and conditions of existence during the specified period were minimized. It provided a literally explosive growth in the number of museums. However, it also affected the quality and content of museum activities. First, it led to the lack of museum items. Secondly, it caused formalism in work (especially in relation to the design of expositions). Thirdly, it provoked the search for options for solving problems with the acquisition of storages and exposure. Fourthly, among the solutions found in some museums there were unique practices of designing museum space. For example, the objectification in the exposition the memory of a witness to events has become one of the traditions of work, namely in school museums. The short period of existence of Lenin's school museums, as an example of an ideological anniversary installation, gives every reason to be careful in using such a practice in modern conditions.

Keywords: school museum, the phenomenon of Lenin's museums (corners), museum boom, the lack of museum items, Ivanovo region

For citation: Bogdanov L.G., Komissarova I.A. Museum boom and the phenomenon of Lenin rooms in educational institutions: (On the materials of Ivanovo region), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 96—106.

В настоящее время в России активизировался процесс создания музеев: государственных, частных, общественных, ведомственных, в том числе в образовательных учреждениях. Это движение можно считать результатом инициативы общественности, как ответ на рост популярности внутреннего туризма, и в том числе как выполнение поручений правительства по формированию нравственных форм поведения, активной гражданской позиции, способности к самоорганизации. Этот процесс проходит неоднозначно, так как в тех случаях, когда музей создается как ответ на официальный запрос, он не развивается, не выполняет своих музейных функций, как следствие, теряет и воспитательный эффект. В каком направлении будет развиваться современная ситуация, пока говорить сложно, но схожие процессы уже происходили в СССР во второй половине XX века. Мы попытаемся разобраться в специфике музейного бума на материалах Ивановской области, прежде всего в системе образования, как наиболее мобильной и гибкой структуре с точки зрения отклика на распоряжения власти и текущую конъюнктуру. Процесс создания и закрытия музеев в образовательных учреждениях до настоящего времени сопровождается небольшим количеством формальных согласований

(так, критерии определения школьного музея для регистрации, хоть и согласуются с требованиями к государственным музеям, но имеют упрощенный характер).

Основу источниковой базы составили разнообразные материалы, хранящиеся в архиве Государственного автономного учреждения дополнительного профессионального образования Ивановской области «Университет непрерывного образования и инноваций» (до 2020 года — государственное бюджетное учреждение дополнительного образования детей «Ивановский центр развития дополнительного образования детей»), до 2005 года — Ивановский областной Центр детско-юношеского туризма и экскурсий, до 1991 года — областная Станция юных туристов). Архив действующий, материалы поступают в него регулярно, не только текущие, но и за ранние годы. К сожалению, архив не описан и не систематизирован для составления полного описания и сносок. Материалы в нем хранятся самые разные: нормативные документы, делопроизводственные документы (в том числе учетная), отчеты областной комиссии по паспортизации, фотоматериалы и альбомы самих музеев за период с начала 1950-х годов до настоящего времени. Помимо этого, в качестве источников использовалась методическая и педагогическая литература 1950—1980-х годов с рекомендациями по организации и деятельности школьных музеев в образовательных учреждениях.

Вторая половина XX века — это время музейного бума, который охватил множество стран мира. Это был ответ на запрос постиндустриального общества, желающего демократизации потребления «культуры» [Дриккер]. В Советском Союзе проходили схожие процессы, но со своими особенностями. Это было, скорее, стремление, исходящее от правящей элиты, включить всё большую аудиторию в выработанный канон.

Проявление взрывного развития музеев можно проследить и в Ивановской области. Здесь, начиная с конца 1950-х гг., шло активное формирование музеев по всему региону. Так, в частности, можно отметить создание Пучежского, Гаврилово-Посадского, Мытского, Вичугского краеведческих музеев, а также мемориального кабинета М.В. Фрунзе и Музея первого совета [ГАИО: Ф. Р-2135. Оп. 1, л. 3]. Три из них прошли путь от статуса народного музея до государственного. К началу же 1980-х гг. расширяется музейная сеть вокруг Ивановского государственного объединенного историко-революционного музея, были присоединены 7 филиалов по области.

Период с 1960-х гг. был благоприятным для создания новых школьных музеев, за это десятилетие в области открылось около 30 музеев, причем 1/3 из них в 1967 году, что, скорее всего, связано с празднованием 50-летия советской власти. В 1974 году Постановлением секретариата ЦК ВЛКСМ, коллегией Министерства Просвещения и Министерства культуры СССР было утверждено и введено в действие положение о школьном музее № 8/58а [Положение о школьном музее], за основу были взяты принципы организации деятельности государственных музеев. Как следствие, закрылись музеи, созданные наспех, без активного исследовательского поиска. Еще в два раза меньше, чем в 1960-е, открывались новые музеи, за десять лет всего 11. В 1974 году была закончена первая областная паспортизация, которая выявила в области 49 школьных музеев. К музеям в этот период предъявляли самые минимальные требования. Так, например, в число обязательных не входило наличие главной инвентарной книги, не предусматривалось разграничение экспонатов на основной и вспомогательный фонды, совсем не учитывалась массовая работа. Но статистика дает все основания утверждать, что это период наиболее активной музейной деятельности в образовательных учреждениях.

Исходя из кратко описанного выше контекста, мы видим большой прирост музеев и музейных пространств. Такой широкий охват региона «просветительскими» институциями, которые, следуя классическому определению ИКОМа (International Council of Museums, сокр. ICOM или Международный совет музеев) от 1974 года, должны собирать, хранить и экспонировать предметы, приводил к проблеме комплектования фондов. Чтобы понять, в чем именно здесь состоит проблема, на наш взгляд, необходимо обратиться к компенсаторной теории современного общества [Лоуэнталь], одной из характерных черт которого выступает особый интерес к прошлому. Современное общество в своем стремлении преодолеть рутинизированную повседневность и выстроить идентичность в обезличенном мире обращается к истории, тем самым создавая и множа реликты, которые можно было бы с ней соотносить [Румянцева: 23—24].

Это, в свою очередь, ведёт к росту значимости институтов памяти, таких как музей и архив, которые занимаются сохранением ушедших эпох. Этим можно объяснить стремление современных и позднемодерновых обществ к сохранению и передаче как можно большего коммуникативного материала (будь то документация или музейные предметы), чем обуславливается активная музеефикация [Люббе: 153—163] вещей как одно из направлений музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. Однако если процесс накопления реликтов по своей сути бесконечен, то в ситуации накопления предметов, имеющих отношение к определенной личности, он создает проблему дефицита таких предметов. Наиболее наглядно эти процессы можно проследить на опыте создания Ленинских комнат в образовательных учреждениях, в том числе в Ивановской области.

Прежде чем перейти к конкретным примерам, очертим ряд важных вопросов и контекстов, и для начала кратко наметим теоретико-методологические вопросы.

Современная историография феномена школьных музеев разнообразна: методическая и педагогическая литература, буклеты, атласы и альбомы школьных музеев, научные исследования, в том числе исторические. Среди множества локальных исследований школьных музеев [Комиссарова] мы можем выделить ряд ученых, обращающихся к истории школьных музеев на территории СССР в целом: Персин А.И., Леонов Е.Е., Юхневич М.Ю. По мнению перечисленных авторов, и на российском, и на местном уровне с 1950-х гг. начала набирать обороты тенденция ориентации музеев школьных на музеи государственные. В 1960-е гг. в СССР шел активный процесс стандартизации общественных и политических ритуалов, что влекло за собой определение профиля, тематики, а также необходимость комплектования фондов в соответствии с ними [Юхневич: 151—153].

Выше мы отметили, что школьный музей в своей деятельности ориентировался на государственные музеи, располагающиеся как минимум в том же регионе. Обратим внимание на работы, в которых музей рассматривается как институт. Здесь, как нам кажется, продуктивным будет выбор подхода британского культуролога и социолога Тони Беннета. Он одним из первых рассмотрел музей через призму властных отношений в фуколдианской парадигме [Bennett]. Согласно его концепции, публичный музей — это дисциплинарный институт, призванный мягко влиять на посещающую его публику, а также контролировать различные слои населения и формировать их взгляды на прошлое. Таким образом, это институт не только «диктующий способы поведения», но и «навязывающий образовательную и воспитательную повестку» [Максимова: 125].

Оптика Беннетта, на наш взгляд, дает продуктивные результаты особенно в советской музейной сети, которая была «спаяна» с государственной системой наряду с другими сферами культуры.

Несколько слов о практике комплектования фондов. Для этого нам необходимо погрузиться в теорию советского музееведения. Здесь мы встречаем достаточно жесткую иерархию вещей: на первом месте идут материальные остатки прошлого, затем идут модели, изготовленные в ту же эпоху, что и их прототипы, за ними следуют фотографии, живописные и литературные источники. Далее по иерархии идут копии всех этих материалов, произведенные уже в более поздние времена. Вместе с этим отмечается, что при создании экспозиции не должно возникать диспропорции между этими группами, чтобы возникла гармония при восприятии выставки [Там же]. Таким образом, мы видим, что экспонируемый материал имеет следующие качества: а) аутентичный; б) не затмевающий собой (в идеале) другие источники в экспозиции. В таком подходе отчетливо прослеживается эссенциалистская риторика в отношении музейных предметов, которые заключают в себе следы прошлого. Важно отметить, такой подход к музейным экспонатам доживет до конца СССР (и отчасти переживет его), в то время как западные музеи уже в 1980-х годах начинают выступать с критикой подобного рода взглядов.

Наглядным примером может послужить текст Барбары Киршенблатт-Джимблетт, в котором она выступает с тезисами, задающими перспективы изучения наследия: наследие — это способ культурного производства в настоящем, который обращается к прошлому: оно не восстанавливает прошлую реальность из аутентичных предметов, а, скорее, создает на их основе новое; когда мы изымаем некий объект из привычной ему среды и помещаем в музейное пространство, мы придаем ему ценность; предметы культуры, обряды и т. д., становясь наследием, отчуждаются от своей нативной среды, перестают быть собой и наполняются новым содержанием. Места, предметы и т. д., становясь наследием, коренным образом переосмысляются, постепенно подменяя свое первоначальное значение виртуальностью, которая позволяет изобретать бесконечное количество новых продуктов [Kirshenblatt-Gimblett: 367—380].

Несколько слов о феномене использования биографии Ленина при создании музейных пространств. Идеи о создании музея, посвященного личности Владимира Ильича, впервые были озвучены еще до его смерти, в 1920 году. В основе предложений и, в том числе, особенностью данных образований была их фокусировка на биографии одного человека — партийного лидера, с явно доминирующей функциональной направленностью. Приоритетной деятельностью было просвещение, все остальные задачи носили вспомогательный характер. Еще одной особенностью данного типа музеев было их стремление выходить за рамки именно музейной сети и работать с широким профилем учреждений — от политических школ до кафедр общественных наук при университетах [Калякина: 27—28].

К 1930-м годам оформились концептуальные основы экспозиционной деятельности музеев, посвященных Ленину, часть которых будет характерна не только для них: использование марксистско-ленинской методологии и «научность» при создании выставки, а также «...сочетание документальной и мемориальной экспозиции <...>»; тематико-хронологический подход к построению документальной экспозиции, включавшей в себя все виды музейных предметов и научно-вспомогательных материалов; показ жизни и деятельности В.И. Ленина на фоне

мировых и общероссийских исторических событий; пропагандистский характер воспитательно-образовательной работы» [Там же: 37—38].

В интересующее же нас послевоенное время шло расширение сети ленинских музеев. Так, в 1960—1970-е гг. были организованы филиалы Центрального музея Ленина в Баку, Ульяновске, Казани, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе и Улан-Баторе (1980). Эти музейно-выставочные комплексы имели развитые системы крупных и малых экспозиционных залов, передовое оснащение, большое количество произведений монументального искусства. [Майстровская: 247—249]. Но при таком уровне обеспечения и статусе подлинные предметы терялись в обилии монументально-декоративного искусства в таких музеях [Там же: 251]. В эссенциалистской логике советского музееведения это могло бы рассматриваться как серьезный минус, что теоретически размывало разницу между музеями, которые признаны таковыми, и музейными пространствами по типу ленинских комнат. Таков, в общих чертах, контекст бытования Центральных музеев Ленина.

Картина существования школьных музеев, посвященных основателю советского государства, имела свою специфику. За государственными музеями школьным угнаться было невозможно. Но некоторые процессы имели схожие черты. Как уже было обозначено ранее, в 1950—1970-е гг. шло несколько взаимосвязанных процессов: переориентация школьных музеев на государственные, строительство на их основе широкой музейной сети, а также их профилизация (деление на исторические, мемориальные, краеведческие, художественные, естественноисторические, технические, в отдельных случаях более узкого профиля, например, археологические или комплексные) [Положение о школьном музее]. Следствием обретения определенной направленности вставала проблема комплектования фондов — ведь если профиль выбирался необоснованно или навязывался, то образовывалась нехватка предметов для экспонирования. Это приводило к тому, что многие музеи экспонировали тиражируемый материал, что шло вразрез с ориентацией на экспонирование «подлинных» предметов.

Здесь также интересно обратиться к двум другим группам источников, а именно к советскому законодательству, регламентирующему музейную сферу, а также «витринной» советской педагогике. Первым специальным правовым актом, определяющим статус музеев, юридические нормы и основные функции стало Положение о школьных музеях, принятое в 1974 г. Статус школьного музея присваивался формированию «при наличии фонда подлинных материалов, соответствующих профилю музея, а также необходимых помещений и оборудования, обеспечивающих хранение и показ собранных коллекций» [Положение о школьном музее]. Особый акцент на «аутентичность» встречается нам и в журнале “Soviet Education”, печатавшем переводы советской педагогике. В статье Шейнинского А.Е. «Ленинский музей в школе» вводится различие ленинских музеев и комнат на основе их фондов: комнаты могут обойтись без подлинников, а музеи — нет [Seinenskii: 52].

Итак, погрузившись в контексты советского музееведения, феномена ленинских музеев в целом и школьных музеев в частности, мы можем резюмировать следующее: музей — это институция, собирающая, экспонирующая и хранящая прежде всего подлинные, аутентичные предметы, дошедшие из прошлого; в послевоенное время идет разветвление музейной сети, инициируемой властью, вместе с все более пристальной регулировкой музейной сферы; одним из проявлений этого расширения сети стало тиражирование музеев (или музейных пространств), связанных с личностью Ленина, в связи с чем возник недостаток предметов, связанных с его биографией, в том числе

поэтому пришлось искать материал, который можно было использовать, чтобы рассказать и показать деятельность Ленина, но и его не хватало. Как музеи решали эту проблему, рассмотрим на некоторых кейсах.

Но в начале немного статистики. В задачи материала не входит рассмотрение динамики открытия музеев за весь интересующий период, поэтому приведем цифры для понимания масштаба и времени, когда ленинская тематика была наиболее актуальной*. Первый, по сути, единственный паспортизированный музей В.И. Ленина был открыт в 1963 году в школе-интернате № 1 г. Кинешма. В других школах открывали уголки, залы, экспозиции, например, в краеведческих музеях. На фоне общероссийских и союзных показателей количество музеев и уголков в школах Ивановской области было недостаточным, об этом говорили и члены областной комиссии по работе со школьными музеями. Ситуация стала меняться к началу 1970-х годов в ходе подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. В 1971 году Ленинские комнаты, уголки и залы были созданы в 354 образовательных учреждениях. В середине 1980-х годов осталось 147 Ленинских комнат и залов и все также один музей. В 1993 в школе-интернате № 1 г. Кинешма в статистику попали два музея В.И. Ленина и два музея Боевой Славы, а в 1994 году уже только один музей Боевой Славы, то есть в 1994 году в областную статистику по школьным музеям не был включен ни один Ленинский музей, комната или зал. Анализируя эти данные, можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, юбилейный, очевидно идеологический и конъюнктурный характер данных музейных формирований; во-вторых, при таком количестве музеев дефицит музейных предметов очевиден, на наш взгляд, это одна из основных причин массового закрытия уголков и залов в начале 1990-х годов. Например, некоторые экспозиции трудовой славы или истории пионерской организации там, где был краеведческий материал, действуют до настоящего времени.

Несколько слов о том, как создавались школьные музеи, в том числе в Ивановской области. Центральная детская экскурсионная станция рекомендовала начинать с организации ленинской комнаты или с тематической выставки, посвященной какой-либо дате, но так, чтобы имя Ленина и его заслуги были на первом месте в названии будущей экспозиции, например, «Ленинский план ГОЭЛРО» или «В.И. Ленин — основатель СССР». Далее предполагалось, что вся школа включится в сбор материала, по мере его накопления будет организован музей. Активисты школы-интерната № 1 г. Кинешма начали с переписки с соратниками В.И. Ленина и отправились в поездку по местам, связанным с жизнью и революционной деятельностью В.И. Ленина, и полученные таким образом материалы стали основой будущей экспозиции. В Слободкинской школе работу по оформлению Ленинской комнаты начали к 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина, выбрали два направления: «Вечно живой» и «Знамя Ленина непобедимо» и направились в библиотеку. Но к поиску материалов коллективом Слободкинской школы мы еще вернемся. В большей части случаев с созданием уголков и залов процесс представлял скорее работу редколлекции стенгазеты, нежели музейного актива, так как сводился к оформлению стендов с готовыми иллюстративными материалами. Так, одним из наиболее экзотических методов была пересъемка портретов Ленина с полного

* Здесь и далее использованы материалы архива УНОИ.

собрания его сочинений, которым должны были комплектовать все учебные заведения [Ленинская комната...: 10].

Принимая во внимание все вышеизложенное, обратимся к характеристике тематики экспозиций и представленных в них предметов. В рекомендациях Центральной детской экскурсионно-туристской станции школам предлагалось более 20 названий, которые скорее похожи на лозунги и призывы, но при этом не раскрывают содержание экспозиций: «Наш Ильич!», «Имя Ленина на знамени нашем!», «Ленин и теперь живее всех живых!», «Заветам Ленина верны!» и проч. В качестве материалов

Ил. 1. Музей имени В.И. Ленина школы-интерната

предполагалось собирать и экспонировать фотографии, газеты, книги, журналы, значки, самостоятельно изготавливать макеты, например, дома Ульяновых в Симбирске, или нарисовать, например, бронепоезд имени Ленина. Тысячи одинаковых экспозиций были оформлены по всему Советскому Союзу, в том числе в Ивановской области (ил. 1). Даже бюсты и картины были сходны не только в музеях школ соседних областей, но и в школах одного района, города.

Наше глубокое убеждение, что школьный музей живой организм, формальный подход и стремление включить в выработанный идеологический канон нивелирует все творческое, что определяет суть этого явления, его уникальность и живучесть. Феномен Ленинских комнат состоит еще и в том, что при всем единообразии в подходе к оформлению и наполнению музеев, как того требовали рекомендации, многих это подтолкнуло к поиску своего даже в такой теме. Назовем несколько примеров из истории Ленинских комнат (музеев) в Ивановской области. В единственном паспортизированном музее В.И. Ленина средней школы-интерната № 1 г. Кинешма среди прочих была экспозиция «Наши поэты о Ленине». Во-первых, такая экспозиция предполагала использование краеведческого материала, а значит, дефицит музейных предметов можно решить за счет сборников стихов с автографами, личными вещами и прочим. Во-вторых, выбранный материал позволял разнообразить и содержание экскурсий.

В комплексном краеведческом музее средней школы № 1 г. Пучеж руководитель музея в ленинской экспозиции собирал и экспонировал материал по истории промышленных и сельскохозяйственных предприятий района, решив таким образом проблему дефицита экспонатов. Название экспозиции в 1960-е годы «Имя Ленина на карте района» уже в конце 1980-х годов изменили на «Сельское хозяйство и промышленность в районе».

И еще один пример того, как, оставаясь в рамках формального (канонного) подхода к содержанию, удалось решить проблему дефицита музейных предметов. В отчете о создании Ленинской комнаты в Слободкинской школе нам сообщают, что комната создавалась к 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича (ил. 2). Далее идет план самой экспозиции и описание ее тематических разделов, которые посвящены жизни и деятельности Ленина. В целом выставка в комнате основана на репродуцированном фотоматериале. В дополнение к основной выставке шли витрины с альбомами из открыток, наиболее интересным из которых был фотоальбом на тему «Образ Ленина

в кино», составленный из материалов, присланных по просьбе коллектива с киностудий Мос- и Ленфильма. Также отмечено, что были созданы макеты «Шалаш в разливе» и «Снегири». Оба этих макета ссылаются на популярные темы, связанные с биографией (или приписываемые ей) Ленина: первый — к месту, где он скрывался в июле 1917 года от обвинений в шпионаже; второй — к «апокрифическому» рассказу писателя Сергея Алексея «Снегирь» [Алексеев], где раскрываются темы дружбы вождя с детьми. Завершает отобранную коллекцию самый необычный «предмет» — «рассказ бывшего учителя П.И. Шишкина, которому приходилось встречать В.И. Ленина», причем встреча была не личная, учитель присутствовал на митинге, где выступал В.И. Ленин (также очень показательный пример). Необычно здесь то, что устный рассказ человека, контактировавшего с Лениным, попадает в список отобранных для выставки вещей наряду с фотографиями и альбомами. Получается, что в условиях недостатка предметов и одновременно необходимости организовать музейное пространство, мы сталкиваемся с случаем опредмечивания памяти человека. Таким образом, мы видим, как в состоянии недостатка экспозиционных материалов организаторы музейных пространств вынуждены были ухищряться при создании коллекций и использовать либо не совсем типичные для «классического» музея материалы, по типу устных рассказов, либо опираться на репродукции и макеты или совмещать эти вспомогательные группы предметов.

Подведем некоторые итоги. Одной из важных составляющих музейного бума с начала 1960-х годов можно считать количественные показатели. На территории Ивановской области также можно отметить прирост числа государственных, общественных и школьных музеев. Если из числа открытых в 1960-е годы государственных музеев большая часть работает успешно и в настоящее время, то школьные музеи, превысив показатели прироста государственных музеев, до настоящего времени смогли остаться действующими только в случае выбора краеведческого профиля. А абсолютное большинство созданных в 1960—1970-е годы ленинских музеев (уголков) уже в 1990-е годы были закрыты.

Так в чем же феномен школьных музеев вообще и ленинских в том числе? Такие музеи максимально близки к населению, которое принимает активное участие в формировании коллекций, содержании экспозиций, оставляет свои впечатления и транслирует эмоции непосредственно тем, кто руководит музеем. Это уникальный опыт, который должен обеспечивать плюрализм мнений, расширение функций музеев, в том числе за счет включения в свою деятельность посетителей. Но все это возможно только в том случае, когда музей живет и развивается как самостоятельное пространство в той местности, в которой существует. История школьных музеев чаще всего шла именно таким путем, за исключением ленинских комнат.

Сравнив контексты Централных музеев Ленина и музейного пространства в школьном музее, можно обнаружить, что оба музейных образования сталкивались с проблемой демонстрации «аутентичных» предметов, пусть и в разной степени. В условиях крайнего дефицита вещей, относящихся к одной

Ил. 2. Ленинская комната
Слободкинской школы

личности, это проявляется ярче всего: даже в крупных и хорошо финансируемых музеях «подлинники» могли теряться среди монументальных произведений искусства, которые, однако, в системе советского музееведения, не могли рассматриваться как настоящие. И что не менее интересно, в таком случае грань между музеем и не-музеем начинает стираться, оставляя вопрос о статусе в подвешенном состоянии.

Список источников

- Алексеев С.П. «Снегирь» // Ильич и дети, рассказы. Ленинград, 1984.
ГАИО (Государственный архив Ивановской области) Ф. Р-2135. Оп. 1.
Ленинская комната в школе. Методические рекомендации в помощь педагогу и активу учащихся. М., 1980.
Архив ГАУДПО ИО «Университет непрерывного образования и инноваций» (УНОИ) Михайловская А.И. Музейная экспозиция. М., 1964.
Положение о школьном музее (Приложение к Постановлению Секретариата ЦК ВЛКСМ, Коллегии Министерства просвещения СССР и Коллегии Министерства культуры СССР. От 24 сентября 1974 г. № 415-М). URL: <http://fcdtk.ru/page/1642593997676-shkolnye-muzei-normativnaya-baza> (дата обращения: 11.05.2023).

Список литературы / References

- Дриккер А.С. Музейный бум как феномен демократической культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 3. С. 10—15.
(Drikker A.S. Museum boom as a phenomenon of democratic culture, *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2012, iss. 3, pp. 10—15. — In Russ.)
- Калякин А.В. Адаптация российских музеев к новым социально-экономическим условиям 1990-е годы: На материалах группы ленинских музеев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 203 с.
(Kaljakin A.V. Adaptation of Russian museums to new socio-economic conditions in the 1990s: Based on the materials of the group of Lenin museums: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 2003, 203 p. — In Russ.)
- Комиссарова И.А. Школьные музеи Ивановской области: история, традиции, деятельность // Мир Большого Алтая. 2016. №2 (3.1). С. 441—449
(Komissarova I. A. School museums of Ivanovo region: history, traditions, and activities, *World of the great Altai*, 2016, № 2 (3.1), pp. 441—449. — In Russ.)
- Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004. 624 с.
(Loujental' D. The Past is a Foreign Country, St. Petersburg, 2004, 624 p. — In Russ.)
- Люббе Г. В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем. М., 2016. 456 с.
(Ljubbe G. In step with the time: shortened stay in the present. Moscow, 2016, 456 p. — In Russ.)
- Майстровская М.Т. Музей как объект культуры. XX век: искусство экспозиционного ансамбля: монография. М., 2018. 682 с.
(Majstrovskaja M.T. Museum as Object of Culture. XX Century: Art of Expository Ensemble, Moscow, 2018, 682 p. — In Russ.)
- Максимова А.С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии социальной антропологии. 2019. № 22. С. 118—146.

(Maksimova A.S. The development of approaches to studying museums in social sciences and the humanities, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, no. 22, pp. 118—146. — In Russ.).

Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда: препринт. М., 2014. 32 с.

(Rumjanceva M.V. Compensatory theory in the works of Hermann Lubbe and Odo Marquard: preprint, Moscow, 2014, 32 p. — In Russ.)

Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике. М., 2001. 224 с.

(Juhnevich M. Ju. I will take you to the museum: Textbook on museum pedagogy, Moscow, 2001, 224p. — In Russ.).

Bennett T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*. London: Routledge, 1995, 288 p.

Kirshenblatt-Gimblett B. Theorizing Heritage, *Ethnomusicology*, 2019, vol. 39, no. 3, pp. 367—380.

Seinenskii A.E. The Lenin Museum in the School, *Soviet Education*, 1973, vol. 15, iss. 10, pp. 37—55.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 29.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Богданов Лев Георгиевич — научный сотрудник, Ивановский историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурлыгина, г. Иваново, Россия, levbogdanovistfak@mail.ru

Bogdanov Lev Georgievich — Research Assistant, Burilin Ivanovo Museum of Local History, Ivanovo, Russian Federation, levbogdanovistfak@mail.ru

Комиссарова Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, komissarova.ir.an@gmail.com

Komissarova Irina Anatolievna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of the Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, komissarova.ir.an@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 107—115.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 107—115.

Научная статья

УДК 930.1(450).012

DOI: 10.46726/И.2023.3.12

ОТКРЫВАЯ АМАЛАСУНТУ (Остготская королева в свете зарубежной историографии)

Анна Александровна Казакова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
studyandresearch@mail.ru

Аннотация. Впервые в отечественной науке предпринята попытка выделить и проанализировать основные этапы изучения правления остготской королевы Амаласунты в зарубежной литературе. Автор, используя проблемный и хронологический подходы, определяет отличительные черты исследований, посвященных правительнице. В первой части статьи дается анализ работ, посвященных Теодориху Великому, в которых Амаласунте уделяется мало внимания. Тем не менее, все эти труды содержат такие общие черты: в них указывалась зависимость действий королевы от префекта претория Кассиодора, ее отличительная «римскость», а также их авторы постоянно прибегают к сравнению Амаласунты с отцом Теодорихом и соправителем Теодатом. Во второй части работы автор анализирует труды, в которых Амаласунта выступает как самостоятельная правительница. Появление таких исследований связывается с изменениями в исторической науке, произошедшими во второй половине XX века. Очевидно, что на «открытие» Амаласунты повлияло признание поздней Античности в качестве особой, весьма специфичной исторической эпохи. А появление и распространение на рубеже XX—XXI веков гендерной и этнической истории в наибольшей мере поспособствовало публикации не только отдельных статей, предметом которых стал тот или аспект деятельности остготской королевы, но и первых монографий, полностью посвященных ее личности и правлению.

Ключевые слова: зарубежная историография, поздняя Античность, Остготское королевство, Амаласунта, Теодорих Великий

Для цитирования: Казакова А.А. Открывая Амаласунту: (остготская королева в свете зарубежной историографии) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 107—115.

Original article

DISCOVERING AMALASUINTHA (Ostgothoth queen in the light of foreign historiography)

Anna A. Kazakova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, studyandresearch@mail.ru

Abstract. For the first time in Russian science, an attempt was made to identify and analyze the main stages in the development of historiography regarding the Ostrogothic queen Amalasuintha. The author, using the problematic and chronological approaches, defines the distinctive features of the studies devoted to the ruler. The first part of the work is an analysis of works devoted to Theodoric the Great, in which little attention is paid

© Казакова А.А., 2023

to Amalasuinthia. However, all these works have certain common features: they all pointed to the dependence of the queen's actions on the praetorian prefect Cassiodorus, she has something distinctly "Roman" about her. Besides, their authors constantly resort to comparing Amalasuinthia with her father Theodoric and co-ruler Theodahad. Further, the author analyzes studies that consider her an independent sovereign. Their appearance is associated with changes in historical science that occurred in the second half of the 20th century. Influencing the "discovering" of Amalasuinthia was the recognition of late Antiquity as a special phenomenon. The emergence and spread of gender and ethnic history at the turn of the 20th—21st centuries contributed to the greatest extent to the publication of not only spot studies, but also the first monographs fully devoted to the personality and reign of the Ostrogothic queen.

Keywords: foreign historiography, Late Antiquity, Ostrogothic kingdom, Amalasuinthia, Theodoric the Great

For citation: Kazakova A.A. Discovering Amalasuinthia: (Ostgothoic queen in the light of foreign historiography), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 107—115.

В истории поздней Античности и раннего Средневековья было не так много правительниц, вызывавших особый интерес со стороны исследователей. Среди них хорошо известны королевы франков и бургундов Клотильда, Радегунда, Брунгильда и Берта, византийские императрицы Феодора, Ирина и Юдифь. Не последнее место в этом ряду занимает и Амаласунта, интерес к которой весьма ожидаем, так как именно ей досталась власть над Италией после кончины ее отца Теодориха Великого. Изучать остготских правителей стали достаточно рано, однако вопросы, которые волновали исследователей, менялись под воздействием как развития исторической науки, так и общественных взглядов в целом. Кроме того, изменялись и оценки историков даже в отношении тех вопросов, которые, казалось бы, давно были разрешены. В данной работе нами предпринята попытка систематизировать опыт зарубежных исследователей, так или иначе касавшихся в своих трудах правления остготской королевы Амаласунты, а также проследить ключевые этапы в развитии этой темы.

Королева Амаласунта достаточно долгое время оставалась в тени своего отца Теодориха Великого. Исследователи если и обращали на нее какое-то внимание, то в связи либо с самим Теодорихом, либо с её соправителем Теодатом.

Какой характер носили эти сочинения? Все они методологически соответствуют тем особенностям исторической науки, которые сложились в XIX веке. Идея прогресса, популярная среди историков этого периода, находила свое применение при изучении Остготского королевства; правление Теодориха, являвшего ключевой фигурой в истории остготов, рассматривалось как прекрасная иллюстрация смены римской Античности новым средневековым миром. В связи с этим историческая роль королевы в подобных публикациях рассматривалась как второстепенная. Тем не менее, и в этих трудах личность королевы удостоивается определенного внимания. Так, жизни Амаласунты отводится целая глава в фундаментальном сочинении британского историка Т. Ходжкина¹ «Теодорих Великий» [Hodgkin 1891: 292—316]. Однако такое внимание нельзя переоценивать: большая часть написанной им главы посвящена Аталариху, несмотря на то что в названии фигурирует имя Амаласунты. Более того, поскольку путь исследователя к остготской королеве лежал через интерес к Кассиодору, значительное место в главе занимает автор «Варий», и, по-видимому, именно этот интерес привел его к написанию труда

¹ Российская наука, по очевидным причинам, больше знакома с его правнуком, также Томасом Ходжкиным, марксистским исследователем по истории Африки.

о Теодорихе². Как и многим другим работам о создателе Остготского королевства, монографии свойственна акцентуация на личности самого короля, к чему следует относиться с пониманием. Кроме того, Т. Ходжкин сам уточняет в предисловии к работе, что «план серии, для которой подготовлен этот том, не допускает подробного обсуждения авторитетов, на которых держится история» [Там же: 6], а также указывает на детскую привязанность к самому образу Теодориха. Автор также сообщает о своей преемственности уже ставшему к тому времени классиком Э. Гиббону, чья фундаментальная работа «История упадка и падения Римской империи», по его словам, «находится или должна находиться в библиотеке каждого образованного англичанина и американца» [Там же: 5].

Амаласунта у Э. Гиббона также не являлась предметом отдельного изучения, а Теодорих по большей части вызывает у него³ восхищение, прежде всего как антипод Одоакра. Очевидно, первостепенной задачей Э. Гиббона было изложение событий (в первую очередь, политических). Сама же фигура королевы оставалась для британского историка лишь частью исторической канвы. Он, как и другие авторы, не может не упомянуть о ней, но делает это скорее из принципа историзма, чтобы, сказав несколько слов об Амаласунте и Теодате, перейти к войне Юстиниана с остготами. Так, например, Э. Гиббон рассказывает о конфликте готской и римской партий, в ходе которого Амаласунта «была вынуждена подчинить и свой рассудок, и самые дорогие желания своего сердца» [Гиббон: 309] и прекратить образование своего сына (явно несоответствующее воспитанию короля воинственных готов). Это упоминание историка важно не столько потому, что он одним из первых дал, пусть и краткую, оценку Амаласунте, сколько потому, что задал общий тон повествования, по которому многие последующие исследователи продолжили рассматривать Римскую империю V—VI вв. исключительно со стороны упадка и регресса.

Чтобы не утруждать читателя анализом всех сочинений, так или иначе затрагивающих Амаласунту в связи с Теодорихом Великим, далее мы обозначим особенности, свойственные изучению остготской королевы вплоть до середины XX века.

Как уже было сказано, фигура отца в подобных сочинениях стоит гораздо выше изучения политики правления дочери. Так, в трудах Г. Пфайльшифтера [Пфайльшифтер], Т. Ходжкина [Hodgkin 1891] и даже В. Энслина [Ensslin] Амаласунта не являлась предметом детального анализа. В основном королева упоминалась в связи со следующими вопросами.

Во-первых, Теодорих не имел наследника и способствовал браку дочери Амаласунты с Евтарихом, чтобы это исправить [Hodgkin 1891: 258; Ensslin: 292]. А за неимением наследника Теодорих не рассматривал ее как правительницу, исходя из того, что женщина на троне не могла понравиться готам [Hodgkin 1891: 258; Пфайльшифтер: 210]. Вероятно, данная формула не ставила перед собой задачи определить гендерные или социальные отношения в Остготской Италии, а лишь воспроизводила позицию, высказанную в «Истории войн» Прокопия Кесарийского, где на мужественности королевы сделан явный акцент.

² Имеется в виду сочинение Ходжкина, написанное им за 5 лет до указанного нами [Hodgkin 1886].

³ Это хорошо видно по следующему отрывку: «После четырнадцатилетнего царствования Одоакр должен был преклониться перед более высоким гением короля остготов Теодориха — такого героя, который соединял с дарованиями полководца мудрость правителя, который восстановил внутреннее спокойствие и благоденствие и имя которого до сих пор справедливо останавливает на себе внимание человечества» [Гиббон: 288].

Во-вторых, Амаласунта не обладала властью: и не только потому, что была формально регентшей (до смерти Аталариха), но и потому, что в своих решениях подчинялась Кассиодору [Hodgkin 1891: 293; Пфайльшифтер: 170]. Еще более снижает ее роль в истории рассмотрение исследователями конфликта готской и римской партий. Как правило, здесь сравнение идет по трем линиям: в каждой из них, с одной стороны, стоит Амаласунта, а с другой, Теодорих, Аталарих или Теодат, что делает ее еще менее легитимной политической фигурой [Hodgkin 1891: 307; Пфайльшифтер: 205; Ensslin: 287].

Иногда исследователи касались также религиозных вопросов. Тогда Амаласунта упоминалась как сторонница арианской веры, которая, в отличие от «позднего» Теодориха (связь с ним в повествовании никогда не теряется), прекратила гонения на католиков [Hodgkin 1891: 294; Пфайльшифтер: 211].

Кроме того, авторы всех этих трудов не прибегали к детальному анализу правления Амаласунты и, вероятнее всего, либо повторяли информацию из источников (что свойственно расцвету позитивизма в этот период), либо придерживались общей концепции, выстроенной предшественниками. Девиз «Тексты, все тексты, ничего, кроме текстов», высказанный Ф. де Куланжем [Fustel de Coulanges: 278], априори противоречил развитию исследований, посвященных Амаласунте, поскольку последняя и у власти находилась непродолжительное время, и источников о ее правлении осталось немного. Так, например, в клише превратились упоминания о ее «любви к литературе и римской цивилизации» [Hodgkin 1891: 189; Пфайльшифтер: 126], которые зачастую не анализировались авторами, а констатировались как факт.

«Открытие» Амаласунты в истории и рассмотрение ее как самостоятельной правительницы в науке произошло на рубеже XX—XXI веков, и этот процесс можно разделить на два этапа:

На первом (вторая половина XX века) появились исследования, касающиеся отдельных аспектов либо ее правления, либо ее роли в определении общего вектора развития Остготской Италии. Факторами, повлиявшими на поиск новых подходов к изучению Амаласунты, стали изменения в самой структуре исторической науки, появление новых школ и направлений. Наиболее значимым в данном ключе мы считаем выделение поздней Античности как особого периода в истории, а также развитие этнической и гендерной истории.

Второй этап (конец XX — начало XXI века) характеризуется созданием крупных исследовательских работ, уже в заглавии которых имя Амаласунты встает на первое место. Данные публикации опираются на накопленный ранее опыт и являются прямым продолжением тех дискуссий, начало которых связано с появлением новых направлений в исторической науке. Важно отметить, что создание подобных монографий не подразумевает полное исчезновение статей и других коротких публикаций. Наоборот, они дают стимул для постановки новых вопросов и решения новых исследовательских задач, задают тон повествования и общую проблематику.

Большую роль сыграл пересмотр ориентиров в изучении поздней Римской империи. Если ранее весь период V—VI вв. рассматривался исключительно как время застоя и упадка Империи, то теперь исследователи обращаются к феномену поздней Античности как к особому этапу европейской истории, к анализу которого стоит подходить с разных сторон. В связи с этим нельзя не отметить старания П. Брауна [Brown 1971; 1989; 1998], благодаря которому само понятие поздней Античности было хронологически очерчено и окончательно введено в научный оборот в 1970-е годы. Следствием стало не только выделение особой специфики этого периода, но и размывание границ

между антиковедением и медиевистикой [Селунская]. Так, уже в 1982 году появляется работа Т. Бернса «Теодорих Великий и понятие власти в поздней Античности» [Burns], в которой акцент сделан не на фигуре остготского правителя, но на самом феномене властных отношений в новый, уже рассматривающийся особенным, период.

Границы строгой научной парадигмы постепенно размываются, и к числу исследователей, повлиявших на «открытие» остготской королевы, мы можем отнести С. Дж. Б. Барниша [Barnish 1984], занимавшегося вопросами влияния Кассиодора на политику Остготского королевства, а также издавшего в 1992 г. полный перевод «Варий» на английский язык [Barnish 1992]. Забегая вперед, отметим, что в 2007 году выходит совместная работа С. Дж. Б. Барниша и Ф. Маратци, посвященная остготам в VI веке [Barnish, Marazzi].

По нашему мнению, именно американские историки сделали наибольший вклад на новом этапе изучения Остготского королевства, и при этом их подходы существенно отличались от предшественников. Отчасти это связано с формированием в США историографических школ, посвященных именно периоду поздней Античности. Наряду с уже указанным трудом С. Дж. Б. Бернса, мы можем отметить исследование П. Эмори, которое посвящено проблемам идентичности в Остготской Италии [Amory]. В нем автор кратко характеризует судьбу Амаласунты, а также подробно останавливается на вопросе римской идентичности королевы, выраженной в классическом образовании, которое она пыталась дать своему сыну [Там же: 96], а также в ее добросердечных отношениях с Юстинианом⁴. Одновременно с этим П. Эмори отмечает и германское влияние на Италию, выраженное, например, в распространении германских имен — причем не только за счет прибывшей с Теодорихом элиты и армии, но и коренных итальянцев [Там же: 99]. Отмечается и приобретенная еще во времена Теодориха легитимность остготской власти в Италии, которая была нарушена в результате убийства королевы, а позднее и самого Теодата [Там же: 143]. Кроме того, в 1982 году вышла работа Т. Бернса [Burns] о понятии власти в поздней Античности. Автор также сфокусирован на личности Теодориха, но, в отличие от других, он делает акцент не на упадке римского мира в VI в, а на особенностях понятия власти в самом королевстве.

Начало нового столетия оказалось подлинным «открытием» Амаласунты. Так, о репрезентации ее власти, применяя имагологический подход, говорят французские исследователи С. Жойе и А. Кнапен [Joye, Knaepen], предпринявшие в 2005 году анализ образа королевы у двух авторов — Прокопия Кесарийского и Григория Турского. В своей статье они рассматривают цели создания Прокопием портрета Амаласунты — в особенности то, как византийский историк использует ее образ для имперской пропаганды, и как этот образ изменился к концу VI века — ко времени написания Григорием Турским «Истории франков». Во-первых, статья интересна сама по себе как попытка изучения именно Амаласунты, практически без обращения к личности Теодориха Великого. Кроме того, она поднимает проблему итало-византийских отношений накануне войны, и через изменение образа королевы у Григория Турского авторы пытаются определить, что было важнейшим для Прокопия в отображении остготской власти: а именно, римские качества королевы, ее теплые

⁴ П. Эмори также отмечает, что политическая лояльность остготских правителей была выгодна Юстиниану вне зависимости от этнотерриториальных претензий. Вандалы и готы, присоединившиеся к его армии или вышедшие из боя, стали римлянами [Amory: 146—147].

отношения с императором, противоборство римской и готской партий. В то же время авторы приходят к выводу, что к концу VI века (то есть во времена Григория Турского) важным становится вопрос арианства Амаласунты, акцент делается на ее преступлении, в результате которого она отравила собственную мать самым святотатственным образом, с помощью чаши для евхаристии. Ко времени же Фредегара, о котором авторы упоминают в конце работы, противостояние ариан и ортодоксов практически сходит на нет, а потому остготская королева вновь становится просто историческим персонажем, а не олицетворением преступницы-еретички.

Наиболее выдающимся по объему и содержанию является исследование Массимилиано Витиелло «Амаласунта. Трансформация королевской власти в постримском мире» [Vitiello 2017]. Монографии предшествовала его статья, написанная примерно за десятилетие до выхода книги, «“Вскормленные Римом”: королевы Остготской Италии и образование римской элиты» [Vitiello 2006]. В монографии автор представляет биографию королевы и в мельчайших подробностях исследует различные этапы ее карьеры и политической деятельности, а также отдельно ее трагическую гибель. Ценность труда М. Витиелло состоит, как минимум, в том, что в нем предложено одно из первых академических исследований биографии остготской королевы. Кроме этого, книга представляет собой попытку автора через деятельность Амаласунты подойти к рассказу о последней фазе царствования рода Амалов и о начале войны Юстиниана против остготов в Италии. В частности, одна из целей автора заключаются в том, чтобы обсудить «гендер и политическую власть в поздней Античности в форме, полезной для тех, кто работал над идеями пола, власти и царствования в другие эпохи» [Vitiello 2017: 4]. Источниками М. Витиелло являются произведения Кассиодора, Иордана и Григория Турского, а также Прокопия Кесарийского. Книга разделена на 5 глав, которые посвящены «мужскому» изображению Амаласунты в источниках, ее положению как регента и как королевы, ее внутренней и внешней политике и др. Одна из глав полностью посвящена реконструкции биографии королевы, что сближает работу М. Витиелло с методологией позитивистов. В то же время та часть работы, которая касается периода совместного правления Амаласунты и Теодата, дает нам право говорить не только о «консервативном» подходе, но и о попытке включить остготскую королеву в современный дискурс исторической науки. Сам автор признается, что «изучение Амаласунты, женщины одновременно известной и неуловимой, требует традиционных методов позднеантичной и раннесредневековой историографии — исторической филологии и текстологического анализа — в сочетании с некоторыми методами как микроистории, так и истории культуры» [Там же: 5]. В пятой главе, чтобы дать оценку Амаласунте как женщине, находящейся у власти, автор прибегает к сравнению ее с постримскими королевами и византийскими императрицами. В эпилоге М. Витиелло говорит о значении королевы Амаласунты в ее время и помещает ее политический опыт в более широкий контекст франкского мира Меровингов и лангобардской Италии.

Переломным моментом в процессе изучения Амаласунты становится появление так называемой гендерной истории. Очевидно, что одним из ее проявлений стало обращение к женщинам в истории. Не стала исключением и королева остготов. Гендерный и этнический аспекты ее правления являются

предметом изучения в статье К. Ля Рокки⁵ «*Consorts regni*: проблема гендера? Союз между Амаласунтой и Теодатом в 534 г.» [La Rocca 2012]. Как таковая проблема взаимоотношений между Амаласунтой и Теодатом и особенностей их политического союза для исторической науки новой не является. И все же К. Ля Рокка предпринимает попытку включить в эту проблему гендерный и этнический аспекты и объяснить (в основном на основе изучения X книги «Варий» Кассиодора), как союз между двумя правителями, обозначаемый как *consors regni*, получает свою политическую (и идеологическую) значимость. Гендерный аспект власти Амаласунты выражался, по мнению К. Ля Рокки, в отсутствии у общества, и в первую очередь у политических элит, веры в то, что женщина способна находиться у власти. Также их могла не устраивать и власть малолетнего Аталариха, поскольку и ребенок, и женщина в глазах германского общества одинаково не способны выполнять ряд важных властных функций, в частности, стоять во главе войска. Этнический же аспект связан с противостоянием римской и готской партий и конфликтом римских и готских традиций (как на уровне повседневной жизни, так и на уровне осуществления власти). Этот конфликт, внешне выглядевший как борьба за власть в королевстве между готской и римской партиями, обнажал напряжение между миром, ориентированным на ценности войны, и миром, связанным с «римскими» политическими идеями, *otium* и философией.

Во втором десятилетии XXI века расширяются также территориальные рамки исследователей. Например, в 2014 году выходит работа итальянской исследовательницы Р. Смурры «Королева Амаласунта в Равенне: женщина для остготской столицы» [Smurra]. Интересным является уже сам сборник, в котором вышла ее работа, — он посвящен истории городов в период Средневековья⁶, и в названии статьи не просто так обозначена Равенна. Работа направлена на то, чтобы ввести Амаласунту в дискурс о развитии города — с поздней Античности до позднего Средневековья. А уже к 2021 году появляется статья польского автора С. Турлея «Византия и остготы в период правления Амаласунты в изложении Прокопия Кесарийского. Ситуация в северной части Восточного Иллирика в 526—535 годах» [Turlej]. Автор, используя сочинения Прокопия Кесарийского, пытается определить статус придунайских областей. Среди прочего, он приходит к выводу, что территориальные изменения в Иллирике в рассматриваемый период происходили в пользу Империи [Там же: 20]. Важно, что интерес С. Турлея связан не столько с юридическим статусом территории, но прежде всего с анализом властных отношений, символическим и фактическим статусом Иллирика и для остготов в лице Амаласунты, и для Империи в лице Юстиниана.

В истории Остготского королевства еще немало вопросов, требующих изучения. Исследования, появляющиеся с середины XX века, дают нам возможность говорить о возросшем интересе к этой теме. Свойственный позитивизму акцент на источниках порождал заинтересованность историков в долго правивших и детально описанных в источниках героях (каким был, в частности, Теодорих Великий). Но расширение историографических школ, внимание к человеку в истории и появление новых методов позволило обратить внимание на тех, кто ранее оставался частью исторической канвы. Так произошло и с Амаласунтой, чье открытие

⁵ Вероятнее всего, одной из причин для написания данной статьи послужило для Ля Рокки прочтение труда Витиелло, на который она, правда уже после публикации своего труда, выпустила рецензию в 2019 г. [La Rocca 2019].

⁶ Формально сборник посвящен известному на Западе исследователю средневековых городов — Франчески Бокки.

в науке случилось достаточно поздно. В свете гендерных и этнических исследований, а также в результате признания поздней Античности особым периодом эта королева начинает рассматриваться не только как дочь Теодориха, но и как отдельная личность, заслуживающая не меньшего внимания. Важно также отметить, что появление работ, посвященных Амаласунте, не говорит о снижении интереса к Теодориху (см. [Heather; Goltz; Arnold; Moorhead 1992; 2017]). Скорее, наоборот: Остготское королевство остается важным объектом изучения, а вот внимание исследователей акцентируется на роли отдельных правителей и общественных институтов в нем (образование, церковь, политическая элита и пр.). Таким образом, начиная с конца XX века, в историографии происходят два параллельных процесса. С одной стороны, уделяется внимание тем личностям и темам, о которых раньше или не говорили, или упоминали вскользь. С другой, наблюдается интерес исследователей к общей теме — королевству остготов в Италии в связи с появлением нового взгляда на эпоху, включением в общую картину прошлого новых людей, определением их места и роли в том далеком прошлом.

Список литературы / References

- Виниченко И.В. Женская история: современные проблемы исследования // Проблемы Науки. 2016. № 10 (52). С. 50—51.
(Vinichenko I.V. Women's history: modern problems of research, *Problems of Science*, 2016, no. 10 (52), pp. 50—51. — In Russ.)
- Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. 4. М.: Терра, 2008. 624 с.
(Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*: in 7 vols., vol. 4, Moscow, 2008, 624 p. — In Russ.)
- Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий / пер. Владислав Певчев. СПб.: Евразия, 2004. 272 с.
(Pfeilschifter G. *Theoderich der Grosse*, translated by Vladislav Pevchev, St. Petersburg, 2004, 272 p. — In Russ.)
- Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. 2004. № 13. С. 232—246.
(Selunskaya N.A. The autumn of the Middle Ages and Late Antiquity: How Antiquities and Medievalists Divided History, *Dialogue with time*, 2004, no. 13, pp. 232—246. — In Russ.)
- Amory P. *People and identity in Ostrogothic Italy, 489—554*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 525 p.
- Arnold J. *Theoderic and the Roman Imperial Restoration*, Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014, 354 p.
- Barnish S.J.B., Marazzi F. *The Ostrogoths from the Migration Period to the Sixth Century: An Ethnographic Perspective*, Woodridge; Suffolk; Rochester, NY: Boydell Press, 2007, 320 p.
- Barnish S.J.B. *Cassiodorus, Variae*, Translated with Notes and Introduction, Liverpool: Liverpool University Press, 2014, 259 p.
- Barnish S.J.B. The Genesis and Completion of Cassiodorus "Gothic History", *Latomus*, 1984, no. 43, pp. 336—361.
- Brown P. *The Making of Late Antiquity*, Cambridge: Harvard University Press, 1993, 148 p.
- Brown P. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity, *The Journal of Roman Studies*, 1971, no. 61, pp. 80—101.
- Brown P. *The World of Late Antiquity: AD 150—750*, New York: W. W. Norton & Company, 1989, 216 p.
- Burns T.S. Theoderic the Great and the concepts of power in Late Antiquity, *Acta Classica*, 1982, no. 25, pp. 99—118.

- Ensslin W. Theoderich der Grosse. München: F. Bruckmann KG, 1959. 406 S.
- Fustel de Coulanges N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 4: La monarchie franque, Paris: Librairie Hachette et C, 1922, 572 p.
- Goltz A. Barbar — König — Tyrann. Das Bild Theoderichs des Großen in der Überlieferung, Berlin / New York: de Gruyter (Millennium-Studien / Millennium Studies. Chr., 12), 2008, 681 s.
- Heather P. Theoderic, king of the Goths, *Early Medieval Europe*, 1995, no. 4 (2), pp. 145—173.
- Hodgkin T. An introduction to the Letters of Cassiodorus: being a condensed translation of the *Variarum Epistolarum* of Magnus Aurelius Cassiodorus, Senator, London: Horace Hart, Printer to the University, 1886, 560 p.
- Hodgkin T. Theoderic the Goth. London: The Knickerbocker Press, 1891, 429 p.
- Joye S., Кнаепен А. L'image d'Amalasonthe chez Procope de Césarée et Grégoire de Tours: portraits contrastés entre orient et occident, *Le Moyen Age*, 2005, no. 111, pp. 229—258.
- La Rocca C., Vitiello M., Amalasintha: The Transformation of Queenship in the Post-Roman World, *The American Historical Review*, 2019, no. 124 (4), pp. 1498—1499.
- La Rocca C. Consorts regni: a problem of gender? The consortium between Amalasintha and Theodahad in 534, *Gender and Historiography: Studies in the earlier Middle Ages in honour of Pauline Stafford*, London: University of London Press, 2012, pp. 127—143.
- Moorhead J. The Making and Qualities of Ostrogothic Kings in the Decade after Theoderic, *Vorträge und Forschungen: Recht und Konsens im frühen Mittelalter*, 2017, no. 82, pp. 129—149.
- Moorhead J. Theoderic in Italy, Oxford: Clarendon Press, 1992, 300 p.
- Smurra R. Amalasintha regina mater e Ravenna: una donna per una capitale ostrogota, *Lo sguardo lungimirante delle capitali: saggi in onore di Francesca Bocchi / The far-sighted gaze of capital cities. Essays in honour of Francesca Bocchi*, Rome: Viella, 2014, pp. 283—305.
- Turlej S. Bizancjum i Ostrogoci za rządów Amalasinthy w relacji Prokopiusza z Cezarei. Sytuacja w północnej części Illyricum Orientale w latach 526—535, *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne*, 2021, T. 22, no. 4, S. 9—28.
- Vitiello M. «Nourished at the breast of Rome»: the queens of Ostrogothic Italy and the education of the Roman elite, *Neue Folge*, 2006, no. 149, pp. 398—412.
- Vitiello M. Amalasintha. The Transformation of Queenship in the Post-Roman World. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017, 293 p.
- Zeilinger G.: review of: Hubert Houben, Manuela Ghizzoni, Rosa Smurra (eds.), *Lo sguardo lungimirante delle capitali // The far-sighted gaze of capital cities. Saggi in onore di Francesca Bocchi/Essays in honour of Francesca Bocchi*, Roma: Viella, 2014, pp. 99—100.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 29.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Казакова Анна Александровна — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, studyandresearch@mail.ru

Kazakova Anna Aleksandrovna — postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, studyandresearch@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 116—128.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 116—128.

Научная статья

УДК 94(470.315) «1941/1945»

DOI: 10.46726/И.2023.3.13

О МЕРАХ ПО ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941—1943 гг.

Владимир Сергеевич Околотин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

okolotin.vladimir@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению комплекса мер по охране материнства и детства в Ивановской области в годы Великой Отечественной войны. Они были вызваны целым рядом объективных причин. Прежде всего, ухудшением демографической обстановки из-за массового призыва в действующую армию мужчин и женщин продуктивных возрастов, снижением количества браков, напряженным трудом в тылу и резким ухудшением продовольственного снабжения. В результате в регионе в 1941—1942 гг. наметился резкий спад рождаемости детей, и увеличилась их смертность. В 1943 г. данные показатели еще больше ухудшились, что потребовало от руководства области принятия экстренных мер по охране материнства и детства. Автором утверждается, что, несмотря на ограниченность сил и средств, имевшихся в распоряжении руководства области, общими усилиями удалось сгладить разрушающее воздействие чрезвычайных обстоятельств на людские ресурсы региона, создать предпосылки постепенного выхода из сложившейся ситуации. При подготовке статьи были использованы статистические сведения из документов, хранящихся в различных фондах Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области, часть из которых публикуется впервые. В ряде случаев сведения, приводимые в статье, выходят за пределы Ивановской области и охватывают отдельные регионы Центральной России, не затронутые военными действиями. Это позволяет говорить о сопоставимости общих демографических процессов на их территориях, а также аргументировать необходимость принятия советским государством срочных мер по охране материнства и детства в стране. Автор полагает, что данная статья позволяет усилить общее представление о демографических процессах, происходивших в регионах в годы войны, организационных мерах по сглаживанию негативных явлений и их отдаленных последствий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ивановская область, демография, организационные меры, охрана материнства и детства

Для цитирования: Околотин В.С. О мерах по охране материнства и детства в Ивановской области в 1941—1943 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 116—128.

Original article

ON MEASURES FOR THE PROTECTION OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN THE IVANOVO REGION IN 1941—1943

Vladimir S. Okolotin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, okolotin.vladimir@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of a set of measures aimed at the protection of motherhood and childhood in Ivanovo region during the Great Patriotic War. They were caused by a number of objective reasons. First of all, the deterioration of the demographic situation due to the mass conscription of men and women of productive ages into the active army, a decrease in the number of marriages, hard work in the rear and a sharp deterioration in food supplies. As a result, there was a sharp decline in the birth rate of children in the region in 1941—1942, and their mortality increased. In 1943 these indicators deteriorated even further, which forced the leadership of the region to take emergency measures to protect motherhood and childhood. The author argues that, despite the limited forces and means available to the leadership of the region, it managed to smooth out the destructive impact of emergency circumstances on the human resources of the region, to create prerequisites for a gradual way out of the current situation. In the preparation of the article, statistical information was used from documents stored in various funds of the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of the Ivanovo region, some of which are being published for the first time. In some cases, the information provided in the article goes beyond Ivanovo region and covers certain regions of Central Russia that were not affected by military actions. This makes it possible to talk about the comparability of the general demographic processes in their territories, as well as to argue for the need for the Soviet state to take urgent measures to protect motherhood and childhood in the country. The author believes that this article makes it possible to strengthen the general idea of demographic processes that took place in the regions during the war, organizational measures to smooth out negative phenomena and their long-term consequences.

Keywords: Great Patriotic War, Ivanovo region, demography, organizational measures, protection of motherhood and childhood

For citation: Okolotin V.S. On measures for the protection of motherhood and childhood in the Ivanovo region in 1941—1943, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 116—128.

Тема людских потерь и демографических последствий Великой Отечественной войны в СССР и России не теряет своей актуальности. На федеральном уровне ей посвящен целый ряд научных трудов, авторами которых являются Л.Л. Рыбаковский [Рыбаковский], А.Г. Вишневский [Вишневский], В.Н. Земсков [Земсков], А.И. Репинецкий [Репинецкий] и др. В региональной историографии применительно к Ивановской области она представлена совместной статьей Е.М. Петровичевой и И.С. Тряхова [Петровичева, Тряхов]. Внимания также заслуживает статья Т.М. Димони [Димони], повествующая о специфике демографических потерь в Вологодской области. При этом важно подчеркнуть, что Ивановская и Вологодская области были тыловыми регионами, и многие процессы, имевшие место на их территориях, во многом были сходны. Вместе с тем, несмотря на научную зрелость указанных работ и использование их авторами значительного объема статистических материалов, в них не нашли отражение практические меры по преодолению негативных демографических явлений на местах в годы войны. На восполнение этих пробелов в историческом знании

и направлена данная статья. На языке военного времени указанные действия получили название «меры по охране материнства и детства». Попытки к фрагментарному освещению темы статьи были предприняты в коллективной монографии «История здравоохранения Ивановской области» [Тюрина], а также в работе В.С. Околотина «Организация борьбы с детской заболеваемостью и смертностью в Ивановской области в 1942 году» [Околотин]. В ходе дальнейшей работы в архивах автор выявил дополнительные материалы, позволившие ему вновь обратиться к изучению заявленной темы и расширить ее хронологические рамки. Это позволило рассмотреть в динамике процесс ухудшения демографической обстановки в области и раскрыть содержание организационных действий, направленных на преодоление ее последствий.

Общие статистические сведения. Среди документов, выявленных в Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), представляет интерес пояснительная записка начальника Центрального статистического управления (ЦСУ) при Госплане СССР В.Н. Старовского на имя заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова «О предварительных итогах естественного движения населения в 1943 г.» Она содержит уникальные статистические данные как в целом по стране, так и по регионам Центральной России, которые позволяют сформировать общее представление об отрицательной динамике демографических процессов в условиях войны. С учетом нахождения еще значительной части территорий страны под немецкой оккупацией все данные в ней приведены по сопоставимым тыловым районам с 1940 по 1943 гг.

Таблица 1

Динамика изменения числа родившихся и умерших среди всего населения с 1940 по 1943 гг. (в тыс. чел.) [2. Ф-82, оп. 2, д. 538, л. 34]

Все население	1940	1942	1943
Родившихся	3371	1972	1111
Умерших	1969	2375	1684
Естественный прирост (+)			
Убыль (-)	+1402	-403	-573

Таблица 2

Динамика изменения числа родившихся и умерших среди городского населения с 1940 по 1943 гг. (в тыс. чел.) [2. Ф-82, оп. 2, д. 538, л. 34]

Среди городского населения	1940	1942	1943
Родившихся	1107	685	434
Умерших	696	1098	831
Естественный прирост (+)			
Убыль (-)	+411	-413	-397

Таблица 3

Динамика изменения числа родившихся и умерших среди сельского населения с 1940 по 1943 гг. (в тыс. чел.) [2. Ф-82, оп. 2, д. 538, л. 34]

Среди сельского населения	1940	1942	1943
Родившихся	2264	1287	677
Умерших	1273	1277	853
Естественный прирост (+)			
Убыль (-)	+991	+10	-176

Согласно справке, уровень рождаемости на 1000 человек населения по сравнению с 1940 г. наиболее резко снизился в следующих областях:

Таблица 4

Динамика рождаемости в регионах Центральной России с 1940 по 1943 гг.
[2. Ф-82, оп. 2, д. 538, л. 34]

Наименование областей	1940	1943	в % к уровню 1940 г.
Московская область (без г. Москвы)	34	8	24
Ивановская	33	8	27
Ярославская	30	8	27
Вологодская	31	8	26

В результате, говорилось в итоговой части документа, «рождаемость в связи с отвлечением мужского населения в Красную армию снизилась в 1943 г. по сравнению с довоенным 1940 г. почти в 3 раза, а по сравнению с 1942 г. — в 2 раза. Число зарегистрированных браков (на 1000 населения) уменьшилось в 1943 г. по сравнению с 1940 г. по городскому и сельскому населению на 49 % и 46 % соответственно» [2. Ф-82, оп. 2, д. 538, л. 38]. Таковы общие тенденции по сопоставимым территориям страны в указанный период.

Сведения по Ивановской области (в границах до августа 1944 г.).

Обратимся к общей динамике изъятия мужчин и женщин из Ивановской области в связи с мобилизацией в действующую армию в 1941—1942 гг. Итак, согласно итогам Всесоюзной переписи населения в 1939 г., численность населения области составляла 2 551 649 жителей [2. Ф-82, оп. 2, д. 538, л. 185]. Из них по состоянию на 14 января 1942 г. по данным областного военного комиссариата с территории региона из числа мужчин старшего, среднего и младшего начальствующего, а также рядового состава в Красную армию по мобилизации было призвано 232 499 человек [1. Д. 495, л. 38]. В 1942 г. дополнительно к 27 возрастам, призванным во втором полугодии 1941 г. в Красную армию, были мобилизованы военнообязанные еще 11 возрастов. В общей сложности в ряды Красной армии из Ивановской области в 1941—1942 гг. было призвано 38 возрастов (1887—1925 гг. рождения). Многим призывникам к моменту мобилизации исполнилось всего лишь 17 лет.

В 1942 г. началась мобилизация в Красную армию женщин и девушек. Так, 26 марта 1942 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление № 1488 сс «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО» [2. Ф-644, оп. 2, д. 43, л. 157—163]. В результате в войска ПВО из области было призвано 4300 девушек [1. Д. 373, л. 40]. 18 апреля 1942 г. ГКО принял следующее постановление № 1618 сс «О замене в тыловых частях и учреждениях ВВС КА военнослужащих мужчин женщинами». Всего в стране предполагалось призвать 40 тыс. женщин в возрасте от 19 до 25 лет. Несмотря на то, что сведений о призыве женщин по этому постановлению у автора нет, все же можно утверждать, что его исполнение распространялось и на Ивановскую область. 5 мая 1942 г. ГКО принял новое постановление №1704 сс «О мобилизации девушек-комсомолок и не комсомолок — добровольцев в Военно-Морской флот» [2. Ф-644, оп. 2, д. 57, л. 134—136]. Согласно разрядке, в Ивановской области подлежали мобилизации 500 девушек в возрасте 19—25 лет с отправкой для прохождения службы на Краснознаменный Балтийский флот. Одновременно из добровольцев, в основном из ивановских женщин, создавались вольнонаемные отряды банно-прачечной и дезинфекционной направленности.

В результате к 1943 г. на территории Ивановской области ресурсы мужчин брачного возраста оказались почти полностью исчерпаны. Значительно сократились они и у женщин и девушек в связи с мобилизацией их в Красную армию. В результате на 100 девушек и женщин в возрасте 16—49 лет приходилось примерно 25 мужчин [Исупов]. Но и те из них, что остались в тылу, оказались в сложнейших социально-бытовых и производственных условиях, сопряженных с физическими и духовными потрясениями, недостатком питания и топлива для обогрева жилищ. Особенно остро бытовые проблемы проявились зимой и весной 1942 г. Остановка большинства текстильных предприятий привела к резкому снижению заработной платы трудящихся. Многие трудовые коллективы были отправлены в коллективные отпуска. На рынках Иванова и других городов появилась меновая торговля, выросли цены на продовольственные и промышленные товары.

Таблица 5

Цены на рынке г. Иванова по состоянию на 10 мая 1942 г.

	Наименование продуктов	Единица измерения	Цена в руб.	Цена в обмен на хлеб
1	Мясо коровье	кг	300	
2	Баранина	кг	350	
3	Свинина	кг	400	
4	Масло сливочное и топленое	кг	1000	
5	Молоко	литр	70	3 литра на буханку
6	Яйца	штука	20	
7	Картофель	кг	60	3 кг за буханку
8	Масло растительное	литр	800	
9	Мука ржаная	кг	75	
10	Мука пшеничная	кг	150	
11	Капуста квашенная	кг	70	
12	Свекла свежая	кг	60	
13	Лук зеленый	кг	100	
14	Помидоры соленые	кг	70	
15	Клюква	кг	120	

16	Водка (вино)	литр	800	5 буханок за литр
17	Табак (махорка)	стакан	100	1 кг хлеба за стакан
18	Мыло хозяйственное	кусок	100	1 кг хлеба за кусок
19	Соль поваренная	стакан	15	200 граммов хлеба за стакан
20	Керосин	литр	50	3 литра за буханку
21	Спички	коробка	10	200 граммов хлеба за коробку

В итоге многие первоочередные продукты и промышленные товары стали недоступными для большей части населения области.

Система здравоохранения. В первые годы войны значительно ухудшилось состояние системы здравоохранения области. Так, к началу войны Ивановская область располагала широкой сетью городских и сельских больниц, рассчитанных на 8663 койки. В городах и рабочих поселках области функционировали 308 поликлиник и 12 амбулаторий. Однако в результате передачи зданий многих больниц под эвакогоспитали к октябрю 1942 г. количество коек в них сократилось до 5692 штук. За полтора года войны количество врачей уменьшилось на 527 человек, они выбыли в Красную армию. На сельских врачебных участках (до войны их вместе с сельскими больницами насчитывалось 55, и все они были укомплектованы) состав врачей из-за мобилизации снизился в 2 раза. Транзит через область потоков эвакуированного населения привел к значительному ухудшению в ней санитарно-эпидемиологической обстановки [1. Д. 587, л. 7].

Таким образом, несмотря на наличие широкой сети лечебно-профилактических учреждений, Ивановская область в 1942 г. по медико-санитарному обслуживанию гражданского населения оказалась в числе неблагополучных регионов в стране, о чем свидетельствуют архивные документы.

О детской заболеваемости и смертности. Согласно архивным данным, на 100 малышей, родившихся в городах области в октябре и ноябре 1941 г., умерло: Иванове — 27 и 35 %; в Вязниках — 35,7 и 33,3 % соответственно. В целом по области за последние месяцы 1941 г. смертность детей в возрасте до 3-х лет достигла 23,3 %. В ряде яслей и детских консультаций остро не хватало врачей и сестер, а в большинстве районов — инструкторов по детству. В областном центре из-за сокращения отпуска молока для детской молочно-пищевой станции 5000 детей в возрасте до одного года остались без лечебного питания. Из-за недостатка топлива в детских учреждениях на почве простуды участились случаи заболевания детей воспалением легких и т. д. [1. Д. 370, л. 14—15].

К великому сожалению, ситуация в области в 1942 г. продолжала усугубляться. Об этом свидетельствует совершенно секретная справка заведующего сектором соворганов отдела кадров обкома ВКП(б) Малаховой секретарю по кадрам А.Г. Шейну «По вопросу исполнения решения бюро обкома ВКП(б) от 6 января 1942 года “О борьбе с детской заболеваемостью и смертностью по Ивановской области”», подготовленная 26 июля 1942 г. Она содержит трагичные сведения и умозаключения. В частности, в документе утверждалось, что «Ивановская область по детской заболеваемости и смертности по Союзу находится в числе неблагополучных».

Повышенная детская заболеваемость и смертность особенно наблюдались среди детей в возрасте до 1 года и прежде всего, в промышленных городах и рабочих поселках, о чем свидетельствовали данные за март и апрель 1942 г.

Таблица 6

Сведения по 5 городам области за март 1942 г.

Названия городов	Всего родилось	Умерло	В том числе детей до 1 года
Владимир	163	430	105
Фурманов	65	228	53
Иваново	640	1058	221
Шуя	127	264	42
Гусь-Хрустальный	109	154	53

Таблица 7

Сведения по 5 городам области за апрель 1942 г.

Названия городов	Всего родилось	Умерло	В том числе детей до 1 года
Владимир	137	355	72
Фурманов	41	236	54
Иваново	421	1117	253
Шуя	68	160	40
Гусь-Хрустальный	71	235	54

Нормы питания на одного ребенка оказались сведены к минимуму.

Таблица 8

Нормы продуктов на один месяц на человека (в граммах)

Наименование продуктов	По яслям	По санаториям	По больницам
Мясо и рыба	нет	нет	нет
Картофель	нет	нет	нет
Капуста	нет	нет	нет
Масло	150	150	150
Сахар	150	150	150
Крупа	200	1 кг	500
Мука	150	200	200
Хлеб черный	100	500 (на день)	400 (на день)

Но и этими мизерными нормами дети не обеспечивались. Белый хлеб, как правило, для детей не выпекался. Даже дети-искусственники в возрасте от 5 до 10 месяцев и до трех лет питались черным хлебом, овощей почти не выдавалось. Вследствие этого меню в детских садах, яслях и больницах было

однообразным и непитательным, с отсутствием витаминов. В результате дети ослабевали, теряли в весе и легко подвергались различным заболеваниям, трудно поддававшимся лечению [1. Д. 587, л. 11—13 об.].

Показатели области по детской заболеваемости и смертности в сельской местности также были высокими, но в отличие от статистики в городах и рабочих поселках они оказывали меньшее воздействие на демографию региона.

Таблица 9

Сведения по 5 районам области за март 1942 г.

Названия районов	Всего родилось	Умерло	В том числе детей до 1 года
Лухский	104	68	22
Тейковский	124	58	9
Семеновский	108	77	14
Юрьевецкий	203	157	35
Макарьевский	133	70	20

Таблица 10

Сведения по 5 районам области за апрель 1942 г.

Названия районов	Всего родилось	Умерло	В том числе детей до 1 года
Кадынский	38	43	6
Гаврилово-Посадский	79	83	19
Небыловский	77	61	10
Ивановский	52	50	12
Семеновский	54	62	12

Все это послужило основанием автору справки сделать следующий неутешительный вывод: «Если принять во внимание резкое снижение рождаемости, связанное с войной, и повышенную смертность среди детей раннего возраста, то мы встаем перед фактом все увеличивающегося снижения прироста населения области. Это обязывает нас вести борьбу за сохранение каждой детской жизни» [1. Д. 587, л. 13 об.]. И такие меры в сложнейших военных условиях все-таки были приняты.

О мерах по снижению детской заболеваемости и смертности в 1943 г. 27 апреля 1943 г. бюро обкома ВКП(б) в своем заседании вновь вернулось к рассмотрению вопроса о детской заболеваемости и смертности. С сообщением по данному вопросу выступил уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ивановской области В.Г. Татаринцев. В результате было принято постановление «О детской заболеваемости и смертности». В его констатирующей части отмечалось, что ранее принятые бюро обкома ВКП(б) решения, а именно «О борьбе с детской заболеваемостью и смертностью» и «О порядке снабжения детских и лечебных учреждений» не выполняются. Более того, облздравотделом допущено значительное сокращение детских санаторных и больничных коек, фонды для питания детей используются не по назначению,

ослаблено проведение соответствующих профилактических мероприятий. Многие детские учреждения находились в антисанитарном состоянии, не имели достаточного запаса топлива, овощей, одежды, обуви и белья, а обслуживающий персонал не везде соответствовал своему назначению (ясли № 1 г. Тейково, ясли № 1 г. Кохма, ясли № 1 г. Вичуга и другие). Вместо манной крупы контора облаготзерно выдавала детским учреждениям необработанные гречневую крупу, просо, пшеницу и др. Все это повлекло резкое увеличение заболеваемости и смертности в городах Фурманов, Гусь-Хрустальный, Шуя, Вичуга, Кохма, а также Южском, Суздальском и других районах.

В результате для преодоления создавшегося положения бюро обкома ВКП(б) на весну — лето 1943 г. наметило перечень организационных мер, реализация которых была возложена на партийные, советские и хозяйственные органы, а также общественность. Так, Фурмановскому и Кохомскому горкому и райкому ВКП(б) соответственно было указано на недопустимость пренебрежительного отношения к работе детских учреждений и предложено немедленно устранить недостатки в охране материнства и детства. Секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), председателям исполкомов городских и районных советов, руководителям профсоюзных организаций было предложено взять под повседневный контроль вопросы охраны материнства и младенчества. Им запрещалось использование детских учреждений под другие цели и предлагалось проверить состояние работы детских учреждений и организацию в них медицинского и бытового обслуживания детей. При детских учреждениях рекомендовалось создать подсобные хозяйства, отвести им земельные участки и оказать помощь в семенах, в приобретении мелкого скота (козы, овцы, свиньи) и птицы, а также заготовить для яслей и садов на зимнее время картофель, овощи и другие продукты, а также топливо. Им также поручалось принять меры к улучшению питания ослабленных детей в детских столовых городов и рабочих поселках области, организовать летом вывоз детей в дачные места и пионерские лагеря, изыскать на местах продукты для дополнительного питания детей. Одной из форм такой работы должно было стать привлечение в детские учреждения продуктов из колхозов и личных запасов колхозников.

Выработанную на фабриках продукцию в счет отработки в выходной день решено передать в фонд помощи детям, а также просить СНК СССР отпустить из него 150 тыс. метров для нужд детских садов, яслей, детдомов и больниц области.

Заведующему облздравотделом А.И. Голубеву было предложено проверить руководящие кадры детских учреждений и в случае необходимости «поставить во главе их преданных, знающих свое дело людей». Ему же надлежало организовать подготовку, переподготовку всех работников, привлеченных к медицинской и педагогической работе с детьми. А.И. Голубеву также предстояло создать небольшие районные детские больницы, широко практиковать внебольничное, консультационное и поликлиническое обслуживание детей, организовать медицинскую помощь на дому. Детей больных рахитом, гипотрофией и ослабленных надлежало охватить санаторным лечением, создав для этого специальные ясли, санатории и санаторные группы. Предлагалось обеспечить эти учреждения необходимой лечебной аппаратурой и кадрами специалистов. В сельской местности облздравотделу было предложено открыть сезонные детские ясли и сады в колхозах на 101 тыс. мест с обслуживанием детей до 7-летнего возраста. И самое важное — организовать обслуживание родильными домами всех рожениц, в том числе путем увеличения количества роддомов.

Внимание было обращено и на питание детей. Так, ослабленных детей до 3-х летнего возраста предстояло обеспечить питанием через молочно-пищевые станции с организацией контроля за их работой. При каждом детском учреждении рекомендовалось создать свои подсобные хозяйства.

Заместителя председателя исполкома Г.Ф. Скопинова и управляющего облаптекоуправления Бабека бюро обкома ВКП(б) обязало изготовить на предприятиях пищевой промышленности области 2,5 т белковых дрожжей, 5 т экстрактов, 300 гекалитров витаминизированных напитков, 50 тонн повидла, варенья, джема, 15,5 тонн патоки, 6 тонн фруктово-ягодных киселей, 1300 литров жидких дрожжей, 50 тонн сиропа из свеклы и сои. Им было поручено переработать для детских учреждений области 5 тонн шиповника, 5 тонн рябины и одну тонну смородины, а также передать для детских учреждений и больниц 6 тонн рыбьего жира и изготовить для них витамин «Д» в количестве 39 тыс. человекодоз. Каждому городу и району им предстояло дать задание по организации сбора в летний сезон дикорастущих витаминных плодов и ягод, а также обеспечить производство детской обуви для детей ясельного возраста.

Горторготделу (т. Богатов) предстояло полностью и своевременно обеспечить детей продуктами, наладить контроль за правильностью расхода фондов на детское питание. Детям до 7-летнего возраста по карточкам полагалась выдача белого хлеба, молока и молочных продуктов с увеличением ежедневного отпуска последних для молочно-пищевых станций на 10 000 порций. Ему также надлежало изыскать дополнительные продукты для улучшения питания детей в санаторных учреждениях на 600 человек и приравнять их по нормам снабжения к туберкулезным больным. Роженицам разрешалась выдача молока не менее 200 граммов в день, а в городах и рабочих поселках предстояло открыть специальные магазины для первоочередного обслуживания беременных женщин и кормящих матерей с выдачей им дополнительных продуктов и продажей предметов детского обихода.

Прокурору области И.Д. Ланчуковскому было поручено дать указание прокурорам городов и райкомов о наблюдении за медицинским и бытовым обслуживанием детских яслей, привлечении к строгой ответственности лиц, расходовавших не по целевому назначению фонды продуктов, предназначенных для детей.

Редактору газеты «Рабочий край» Лифшицу и редакторам районных и многотиражных газет было предложено усилить внимание к реализации указанных мер на местах, постоянно подчеркивать, что они являются частью важного государственного дела. Через размещение в том числе и критических материалов им надлежало мобилизовать внимание родителей, учителей и врачей, а также городской и сельской общественности на устранение всех недостатков в работе по обслуживанию и воспитанию детей [1. Д. 744, л. 69—71].

Разработкой указанного перечня мер обком ВКП(б) не ограничился. 13 мая 1943 г. его бюро своим постановлением поручило партийной группе исполкома облсовета депутатов трудящихся созвать на 26—27 мая расширенное областное совещание по вопросу о состоянии заболеваемости и смертности среди детей и качеству работы детских лечебно-профилактических учреждений региона. Докладчиком был утвержден председатель облисполкома Г.Н. Шубин [1. Д. 758, л. 91].

Нужно отметить, что данные меры предвзяли будущие решения ЦК ВКП(б). Так, 27 августа бюро обкома ВКП(б) заслушало сообщение уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ивановской области В.Г. Татаринцева «О ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 23 мая с. г. “О медицинском и бытовом обслуживании детей”». В прениях по данному вопросу выступили А.И. Голубев,

Е.И. Мордвишина, В.С. Цветкова, Г.Н. Пальцев и другие. Комиссии в составе А.Г. Шейна, Е.И. Мордвишиной, В.С. Цветковой, А.И. Голубева и П.М. Макарова было поручено представить на рассмотрение бюро проект решения о мерах по дальнейшему улучшению обслуживания детей области [1. Д. 747, л. 20].

14 сентября 1943 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) вновь была озвучена записка уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) В.Г. Татаринцева о ходе выполнения решения ЦК ВКП(б) от 23 мая 1943 г. [1. Д. 747, л. 134]. По результатам ее обсуждения было принято постановление, не получившее названия. В его констатирующей части говорилось, что в результате принятых мер улучшилось медицинское и бытовое обслуживание детей, обеспечение продуктами детских учреждений. Они стали получать больше молочных продуктов, овощей, кондитерских изделий, различных витаминов и т. п. Для лечения ослабленных детей открыты специализированные ясли и группы на 1340 мест, для 300 детей открыты здравницы. Летом 1943 г. проведены оздоровительные мероприятия по вывозу детей в лагеря, на детплощадки и дачи. Все это позволило снизить заболеваемость и смертность детей в области.

Вместе с тем там же говорилось о недостаточном проявлении внимания к детским учреждениям со стороны Вязниковского и Кольчугинского горисполкомов, Струнинского, Меленковского и Никологорского райкомов ВКП(б). Отмечалось неудовлетворительное состояние родильных домов, где роженицы нередко находились в антисанитарных условиях, на недостаточном питании и т. д. Более того, подчеркивалось в записке, облздравотдел, районные и городские здравотделы не обеспечили наблюдения за ослабленными детьми, некоторые райкомы и горкомы ВКП(б) ослабили внимание, в результате чего детская заболеваемость и смертность по некоторым городам и районам в июне месяце увеличилась (г. Ковров, Кохомский, Пучежский, Селивановский, Семеновский и Камешковский районы).

В данных условиях было решено предложить секретарям горкомов и райкомов ВКП(б), исполкомов горсоветов и райсоветов проверить выполнение ранее принятых решений по обслуживанию детей и принять необходимые меры к выполнению всех намеченных мероприятий по улучшению работы в детских учреждениях. Руководители партийных, советских и хозяйственных организаций были предупреждены о том, что их забота о детях будет измеряться полным удовлетворением каждого детского учреждения топливом, овощами, картофелем и другими продуктами, наличием у детей теплой одежды и обуви. Администрациям фабрик и заводов было предложено отремонтировать помещения подведомственных детских учреждений, а также рекомендовано с 20 по 30 сентября 1943 г. провести декадник по завозу топлива во все детские учреждения. В связи с большим вовлечением женщин в производство, Е.И. Мордвишиной было поручено рассмотреть возможность увеличения мест в детских учреждениях по районам, где находились текстильные фабрики [1. Д. 747, л. 135—136]. В сложнейших военных условиях этими мерами удалось переломить обстановку с возрастанием детской заболеваемости и смертности и заложить основу для улучшения демографической ситуации в регионе.

Таким образом, следствием масштабной и жестокой войны, мобилизации для фронта всех сил и ресурсов стало ослабление внимания к медико-санитарному обслуживанию гражданского населения. Это привело к резкому снижению рождаемости, повышению детской заболеваемости и увеличению смертности детей в регионе. Важно подчеркнуть, что данные проблемы не замалчивались, и к их разрешению прикладывались адекватные для условий военного времени

усилия. Они выражались в максимальном изыскании продовольственных ресурсов для улучшения и разнообразия питания детей, создания для них приемлемых бытовых условий в детских учреждениях, организации усиленного внимания к будущим матерям и оказания им посильной помощи после рождения малышей. В целом эти действия по охране материнства и детства позволили не допустить дальнейшего ухудшение демографической обстановки в регионе. Однако в условиях продолжающейся войны для кардинального решения этой проблемы был необходим комплекс государственных мер, который был разработан и принят правительством в 1944 году. Отголоски этих событий продолжают ощущаться до сих пор, а дети, рожденные и выжившие в военный период, получили емкое определение — «дети войны».

Список источников

Государственный архив Ивановской области (ГАИО) ФП-327. Оп. 7.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Список литературы / References

- Вишневецкий А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 3—42.
(Vishnevskij A.G. Demographic consequences of the Great Patriotic War, *Demographic Review*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 3—42. — In Russ.)
- Димони Т.М. Специфика демографических потерь тылового региона в Великой Отечественной войне (по материалам Вологодской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 33—40.
(Dimoni T.M. The specifics of demographic losses of the rear region in the Great Patriotic War (based on the materials of the Vologda region), *Bulletin of Tomsk State University*, 2016, no. 409, pp. 33—40. — In Russ.)
- Земсков В.Н. Людские потери СССР в 1941—1945 гг. (к вопросу о степени достоверности имеющихся подсчетов) // Труды института российской истории РАН / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. Вып. 14. С. 97—122.
(Zemskov V.N. Human losses of the USSR in 1941—1945 (on the question of the degree of reliability of the available calculations), *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*, Yu.A. Petrov (ed.), Moscow, 2017, no. 14, pp. 97—122. — In Russ.)
- Исупов В. Рождаемость населения в 1939—1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 11—12.
(Isupov V. Birth rate of the population in 1939—1945, *Russian History*, 2015, no. 1, pp. 11—12. — In Russ.)
- Околотин В.С. Организация борьбы с детской заболеваемостью и смертностью в Ивановской области в 1942 году // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации. Материалы международного научно-практического фестиваля. Иваново: ИвГУ, 2020. С. 157—160.
(Okolotin V.S. Organization of the fight against childhood morbidity and mortality in the Ivanovo region in 1942, *Research activity at the classical University: traditions and innovations. Materials of the International Scientific and Practical Festival*, Ivanovo, 2020, pp. 157—160. — In Russ.)
- Петровичева Е.М., Тряхов И.С. Демографическая ситуация во Владимирской и Ивановской областях в 1939—1945 гг.: динамика и характер изменений // Вестник КГУ им. Некрасова. 2016. № 4. С. 39—42.

(Petrovicheva E.M., Tryakhov I.S. Demographic situation in the Vladimir and Ivanovo regions in 1939—1945: dynamics and nature of changes, *Vestnik of Kostroma State University*, no. 4, 2016, pp. 39—42. — In Russ.)

Репинецкий А.И. Демографическая ситуация в России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 279—288.

(Repinetsky A.I. Demographic situation in Russia during the Great Patriotic War. 1941—1945, *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2005, Vol. 7, no. 2, pp. 279—288. — In Russ.)

Рыбаковский Л.Л. Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. М.: Эко-Информ, 2020. 251 с.

(Rybakovsky L.L. The Great Patriotic War. Features. Human losses. Factors of victory, Moscow, 2020, 251 p. — In Russ.)

Тюрина О.В., Балдин К.Е., Баклушина Е.К. и др. История здравоохранения Ивановской области. Иваново: ПрессСто, 2011. 208 с.

(Tyurina O.V., Baldin K.E., Baklushina E.K. & others. History of healthcare of the Ivanovo region, Ivanovo, 2011, 208 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Околотин Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

Okolotin Vladimir Sergeevich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, okolotin.vladimir@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 129—137.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 129—137.

Научная статья

УДК 9.93/94

DOI: 10.46726/И.2023.3.14

ДОРОЖНО-ПАРКОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (1870 — первая половина 1914)

Ярослав Викторович Пуневский

Московский государственный областной педагогический университет,
г. Москва, Россия, moskva221090an@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности органов ярославского городского самоуправления в сфере благоустройства дорожно-паркового хозяйства г. Ярославля. Автор рассматривает источники финансирования, планы и конкретные мероприятия ярославской городской думы и управы в деле приведения в порядок старых и устройства новых мостовых, бульваров, мостов и набережных города, расширения существовавшей системы освещения городских улиц и внедрения более современного электрического освещения, строительства в Ярославле электрической станции и канализационной системы. Деятельность ярославского городского самоуправления в этих сферах осложняла скудность городского бюджета, обремененного обязательными и необязательными расходами в других областях городского хозяйства. На фактическом материале автор показывает, что для удовлетворения потребностей благоустройства дорожно-паркового хозяйства городской управе приходилось прибегать к расходам чрезвычайного характера. Результатами деятельности органов городского самоуправления в рассматриваемой сфере стало замощение большинства улиц в центре, внедрение электрического освещения, благоустройство многих бульваров и скверов. В работе сделан вывод о двойственном, диалектическом характере результатов деятельности городской управы в этой сфере: в ней присутствовали как достижения, так трудности и противоречия, связанные с необходимостью разграничивать ответственность обывателей и городского самоуправления по замощению улиц, а также с провалом проектов устройства электрической станции и канализации.

Ключевые слова: городское самоуправление, дорожно-парковое хозяйство, мостовые, мощение, освещение, канализация, финансирование

Для цитирования: Пуневский Я.В. Дорожно-парковое хозяйство в деятельности ярославского городского управления (1870 — первая половина 1914) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 129—137.

© Пуневский Я.В., 2023

Original article

ROAD MAINTENANCE IN THE ACTIVITIES OF THE YAROSLAVL CITY GOVERNMENT (1870 — the first half of 1914)

Yaroslav V. Punevskiy

Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow,
Russian Federation, moskva221090an@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of Yaroslavl city self-government bodies in the field of improvement of the road and park economy of Yaroslavl. The author examines the sources of financing, plans and specific activities of Yaroslavl City Duma and the city council in putting in order the old and new bridges, boulevards, bridges and embankments of the city, expanding the existing lighting system of city streets and the introduction of more modern electric lighting, the construction of an electric station and sewage system in Yaroslavl. The activities of Yaroslavl city government in these areas were complicated by the scarcity of the city budget, burdened with mandatory and non-mandatory expenses in other areas of the urban economy. Based on the actual material, the author shows that in order to meet the needs of the improvement of the road and park economy, the city council had to resort to extraordinary expenses. The results of the activities of city self-government bodies in this area were the paving of most streets in the center, the introduction of electric lighting, the improvement of many boulevards and squares. The paper concludes that the results of the activities of the city council in this area had the dual, dialectical nature: there were both achievements, difficulties and contradictions associated with the need to differentiate the responsibility of the inhabitants and the city government for paving streets, as well as the failure of projects for the construction of an electric station and sewerage.

Keywords: city self-government, road and park management, pavements, paving, lighting, sewerage, financing

For citation: Punevskiy Ya.V. Road-park economy in the activities of the Yaroslavl City government (1870 — the first half of 1914), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 129—137.

Целью настоящей статьи является изучение деятельности органов ярославского городского самоуправления в области дорожно-паркового хозяйства города: мощение мостовых и тротуаров, мостов, набережных и других объектов городского благоустройства, а также освещение городских улиц. Исследование этой проблемы предполагает изучение источников финансирования и масштабов деятельности городского самоуправления в этой сфере, а также наиболее значимых конкретных мероприятий. Хронологические рамки исследования обусловлены сложившейся в историографии традицией комплексного рассмотрения самоуправления российских городов в 1870 — первой половине 1914 г. [Судавцов: 21; Чудаков: 32].

Дорожно-парковое хозяйство занимало значительное место в перечне направлений деятельности органов ярославского городского самоуправления 1870 — первой половины 1914 г. Изучение отечественной историографии проблемы показывает, что уровень развития благоустройства провинциальных городов в рассматриваемый нами период не был одинаковым. К примеру, в 1902 г. в Саранске было лишь 2 каменные мостовые [Каукина: 42]. В то же время в Тамбове к началу XX в. около половины улиц и площадей были замощены камнем [Блудов: 148].

Городские думы выдвигали перспективные проекты по благоустройству городов, но осуществлялось из них не много [Каукина: 48]. Причина тому — недостаток средств [Сергиенко: 28]. Деятельность ярославского городского самоуправления по развитию дорожно-паркового хозяйства города также была ограничена нехваткой финансирования. По данным, приведенным В.М. Марасановой, в 1910 г. доходы городов России на благоустройство составили 33 % городских бюджетов [Марасанова: 136]. За тот же период в Ярославле они составили только 6,35 % [Отчеты Ярославской городской управы за 1910 год...: 165—201].

Одним из основных направлений деятельности ярославской городской думы и управы в рассматриваемой нами сфере было мощение дорог. Уровень ярославских дорог оставлял желать лучшего. Комиссия по ревизии отчета управы отметила в 1904 г.: «на устройство и ремонт мостовых расходуются значительные суммы, а между тем, городские мостовые, как известно всем, находятся в неудовлетворительном состоянии». В качестве причин не лучшей ситуации с мощением мостовых комиссия называла: «отсутствие планомерности в замощении и недостаточный контроль за подрядчиками» [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1081, д. 11—11 об.].

О плохом состоянии ярославских мостовых писали мемуаристы [Дмитриев: 87; Михайловская: 103]. Один из них, С.М. Чехов отмечал: «мостовые были только в центре города. На прочих улицах стояла непролазная грязь. В распутицу люди увязали в жидком месиве» [Чехов: 92]. Домовладельцы Нагорной, Подгорной и Подосенной улиц жаловались в городскую управу 17 апреля 1911 г.: «в летнюю сухую погоду от незамощенной улицы поднимаются убийственные столпы пыли, в весеннюю, осеннюю и дождливую пору года проезд в экипаже бывает столь затруднительным, что легковые извозчики отказываются вести и ссаживают седока среди дороги или только доезжают до ворот кадетского корпуса, ломовые же, увеча лошадей оглашают воздух непристойными словами... ассенизаторы, пользуясь покровом ночной поры (а нередко и днем) отбавляют своего груза... пожарный обоз минувшей осенью три раза тонул в грязи Подгорной улицы, что приходилось распрягать лошадей» [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2118, л. 2—2 об.]. Показательно, что жительница закороторосльской части города, солдатская вдова А.В. Виноградова, в своем прошении в городскую управу об уменьшении оценки недвижимого имущества ссылалась на «отсутствие фонарей на улице и непролазную грязь в весеннее и осеннее время» [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2594, л. 12—12 об.].

Был ли уровень ярославских мостовых чем-то необычным в то время? Исследования современных историков свидетельствуют о столь же удручающей ситуации в других регионах. Так, вплоть до конца XIX в. в Саранске не было ни одной улицы и площади, «очищенной от непролазной грязи» [Каукина: 37]. Даже петербургские дороги и тротуары были «притчей во языцех» [Городское хозяйство Петербурга...: 240]. С другой стороны, официальные отчеты должностных лиц рисуют совсем другую картину состояния ярославских дорог. К примеру, оценивая состояние города в 1901 г., санитарный врач писал в городскую управу: «большая часть улиц и площадей города замощена булыжником... повсюду в городе имеются тротуары, в центре города — асфальтовые, а на окраинах из щебня и песка» [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.2, д. 3023, л. 11].

Следует отметить, что мощение большинства улиц города составляло натуральную повинность домовладельцев. Городская управа отвечала за мощение только центральных улиц [Журналы Ярославской... 1903: 57; Шапко: 32; Каукина: 37]. Одну из моделей разграничения ответственности города и жителей в отношении ремонта мостовых описала газета «Голос»

в 1912 г.: «домовладельцам приходится ремонтировать только половину ширины мостовой, а остальная половина примыкает к бульварам и зданиям, находящимся в заведывании городского управления» [Голос 1911]. Законодательство предусматривало ряд наказаний для обывателей за неисправное содержание тротуаров и мостовых [ПСЗРИ. Собрание первое...: 448—449; ПСЗРИ. Собрание второе...: 586—587]. Несмотря на санкции, возможности органов городского самоуправления российских городов влиять на обывателей все-таки были ограничены. Поэтому, в то время как одни думы перекаладывали ответственность за мощение улиц и поддержание их в исправном состоянии на обывателей, другие — вынужденно принимали замощение и очистку улиц на общественные средства [Сергиенко: 31].

По наблюдению М.А. Сергиенко, домовладельцы повсеместно не торопились выполнять свои повинности [Там же: 28]. На одном из заседаний думы в 1887 г. гласный Д.И. Чистяков комментировал прошение ряда обывателей об освобождении их от ремонта мостовых: «домовладельцы некоторых улиц с особой настойчивостью предъявляют к думе требования о проложении за счет города мостовых по их улицам, а когда городское управление исполнит это требование, то, при предъявлении полиции к тем же домовладельцам требований о ремонте мостовой, домовладельцы эти, ссылаясь на ненадобность ее лично для них, отказываются под разными предлогами от ремонта мостовой» [Журналы Ярославской... 1887: 193].

Ярославская городская управа была готова пойти навстречу обывателям. Так, в 1908 г. члены думы сочувственно отнеслись к прошению домовладельцев Златоустинской улицы об освобождении их от ремонта мостовых и водосточных канав. Несмотря на замечание гласного А.А. Белова, что «принятие ремонта на счет управы противоречило бы прямому смыслу закона», гласный Л.И. Пастухов возразил: «нужно же войти в положение бедных людей... которым ежегодно приходится тратиться на ремонт мостовой, при том в интересах исключительно пользующихся ею для перевозки тяжестей состоятельных людей и промышленных заведений». Однако в этом случае члены думы не были готовы использовать для ремонта мостовой городской бюджет [Журналы Ярославской... 1908: 222—223]. Прощения о принятии содержания мостовых на счет города подавались в городскую управу неоднократно [Журналы Ярославской... 1901: 207—208]. Некоторые прошения домовладельцев о ремонте мостовых ждали своего разрешения несколько лет. Так, решение вопроса по прошению домовладельцев Подгорной и Подосенной улиц, которое было подано 27 апреля 1911 г., затянулось и лишь 29 ноября 1911 г. было вынесено на заседание комиссии по благоустройству, которая решила «оставить прошение до рассмотрения сметы 1913 года» [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2118. Л. 5 об.].

Из-за ограниченности городского бюджета вопрос о том, какую дорогу обустроить в первую очередь, нередко вызывал споры. Например, в мае 1871 г. дума занималась устройством грунтовой дороги в Коровники. Один из гласных заметил: «дорога в Коровники необходима, потому что там до 150 домов, а дороги нет. В случае пожара, сохрани Господи, так и проехать туда нельзя будет» [Журналы Ярославской... 1871: 96]. Однако председатель возражал: «таких необходимых дорог у нас много ... более необходима, по-моему, дорога к Карзинкиной фабрике, которая приносит городу значительный доход». На заседании было решено отложить вопрос об устройстве дороги до весны.

О том, что средства думы на ремонт мостовых и тротуаров были ограничены, говорят следующие факты: в 1907 г. городской управе пришлось брать

кредит на перестилку мостовых по Малой Углической улице в размере 2000 рублей [Журналы Ярославской... 1907: 223]. В 1900 г. устанавливалась очередность улиц для обязательного асфальтирования тротуаров [Журналы Ярославской... 1900: 176]. В 1913 г. замощение улиц стало возможным за счет сбора с лошадей и извозного промысла, собранного в 1912 году [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2113, л. 23 об.]. В 1912 г. на устройство новых мостовых и асфальтовых тротуаров было выделено 17417 р. (19 % расходов на благоустройство), кроме того, 26447 р. было выделено на чрезвычайное замощение и исправления мостовых [Отчет Ярославской... 1912: 301—312]. В 1910 г. в целях «более скорого замощения улиц» городское самоуправление возбудило ходатайство перед министерством внутренних дел об увеличении сбора в пользу города с владельцев ломовых лошадей с 5 до 10 р. в год с той целью, чтобы эта сумма расходовалась исключительно на ремонт старых и устройство новых мостовых [Голос 1910].

Особенно нуждалось в благоустройстве дорожно-парковое хозяйство окраин города. Актуальным был вопрос о проведении мостовой в Коровницкую слободу. «Местность Коровницкая слобода, где существует исправительное отделение, расположенная за рекой Которослью, положительно не имеет удобного сообщения с городом преимущественно весной и осенью в-первых, по случаю разлива рек Волги и Которосли, во-вторых, по спаду воды из-за образующейся грязи», отмечалось губернским правлением 30 ноября 1889 г. в циркуляре в городскую управу [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 459, л. 4—7 об.].

Заслуживает внимания деятельность ярославской городской управы по благоустройству набережной. Например, в 1903 г. пришлось ассигновать деньги на исправление повреждений, причиненных весенним ледоходом [Журналы Ярославской... 1903: 133]. Летом 1903 г. в городской думе обсуждался вопрос об укреплении нижней части набережной, на что предполагалось потратить 2450 р. из запасного капитала [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1071, л. 4—5 об.]. В 1912 г. в комиссии по благоустройству города обсуждался вопрос об устройстве набережной в Коровницкой слободе [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2113, л. 10—10 об.]. Не забывала городская управа и про Которосльскую набережную [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1294, л. 11 об.]. В 1909 г. комиссия по благоустройству признала необходимым ремонт беседки на набережной напротив губернаторского дома [Журналы Ярославской... 1909: 169]. Некоторые гласные высказывались за полный разбор беседки из-за сильного откоса и довольно большой стоимости ремонта. Напротив, Л.Н. Пастухов высказался: «уничтожать памятники — вандализм, наоборот, их нужно всемерно поддерживать». Ему возразил Н.Г. Агафонов: «совершенно сгнившая обшивка, 6 покосившихся основ, да груды старого негодного кирпича. Ну, какой же это исторический памятник?..». Все-таки по результатам голосования предложение о ремонте беседки, исчисляемом в сумме 917 рублей, было одобрено думой единогласно.

При участии городской управы был приведен в порядок ряд бульваров и скверов в центральной части города. Только в период первого четырехлетия деятельности думы было построено около полутора гектаров новых мостовых, в том числе вымощена камнем Сенная площадь [Велитченко, Дурдина: 25]. В 1910 г. Некрасовский бульвар со стороны Стрелецкой улицы был обнесен кованой оградой [Колодин: 469]. В 1885 г. одному из скверов города присвоено название «Вахромеевский», причем, что важно отметить, посадку деревьев и установку решетки городской голова А.И. Вахромеев финансировал из своих собственных средств [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1022, л. 3.]. В 1912 г. 500 р. выделено на окраску решетки Вахромеевского сквера [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1022, л. 26 об.]. Была

заменена и обветшавшая решетка на Стрелецкой улице [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1022, л. 11 об.]. Но в том же году вопрос о посадке акаций вдоль Казанского бульвара решено оставить открытым [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2113, л. 27.]. Немаловажным для улучшения состояния мостовых и тротуаров, а также обеспечения их сохранности было регулирование сточных вод [Журналы Ярославской... 1877: 150; ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2113, л. 8]. В 1908 — 1909 гг. заем на устройство сточной трубы по Любимской улице был сделан из капитала Н.Н. Понизовкина [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2065, л. 7]. В 1914 г. планировалось начать устройство каменных сточных труб по Большой Рождественской от Мологской до Любимской улицы [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2128, л. 6 об.].

Городская дума издала целый ряд обязательных постановлений, которые касались городского благоустройства. Среди них были обязательные постановления: «О постановлении для жителей города Ярославля о порядке содержания в исправности улиц, площадей, тротуаров, мостов, проходных галерей, проездов, водосточных канав и сточных труб», в котором предусматривалась посыпка песком тротуаров в зимнее время, покрытие тротуаров асфальтом, устанавливались технические требования к камню, который использовался для мощения улиц; «О ночных караулах» от 21 января 1882 г.; «О вывозе нечистот», одобренное 7 апреля 1905 года. Отметим также обязательные постановления «О порядке езды на автоматических экипажах», «О порядке езды на велосипедах» [Ярославские губернские ведомости. 1904. 20 апреля; ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1637, л. 1.; ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1343, л. 10 об.; ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1164, л. 1—2 об.; ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1289].

Городская управа не могла остаться в стороне от вопроса о строительстве г. Ярославле железнодорожного моста через р. Волгу, которое началось в 1910 году. Предметом особенного внимания стала возможность устройства пешеходного и конного движения по мосту [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1226, л. 4—6 об.]. Кроме того, вопрос о строительстве железнодорожного моста через р. Волгу был связан с отчуждением городской земли под линию для постройки моста через Волгу [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1344, л. 7]. В 1900 г. так называемый «американский мост», построенный еще в 1891 г. и замощенный за счет средств города, передан в ведение управы по постановлению думы от 4 ноября 1899 года [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2041, л. 1; Обзор Ярославской губернии за 1892 год...: 20]. 12 сентября 1900 г. была определена сумма ежегодного содержания моста — 3500 рублей [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2041, л. 51 об.].

Среди нереализованных проектов по развитию дорожно-паркового хозяйства города следует выделить планы по устройству электростанции и канализации [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1632, л. 4—8]. Появление канализации было очень важным в санитарном отношении [Robert W. Thurston: 20]. Вопрос об устройстве канализации был возбужден в думе еще в 1899 г. гласным П.Я. Морозовым [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2059, л. 3]. В 1906 г. был создан проект губернского инженера строительного отделения ярославского губернского правления А.К. Енш. Однако на пути его решения встала ограниченность городского бюджета [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1633, л. 6—195]. Представляется не совсем правомерным высказанное Н.И. Фальковским мнение о сознательном промедлении городских властей ряда городов в деле устройства канализации, потому что она не была такой прибыльной, как водопровод и трамвай [Фальковский: 278]. Да и стоит ли осуждать гласных ярославской городской думы за провал проекта А.К. Енш. К примеру, по данным Л.В. Кошман, канализационные системы разного масштаба имелись к 1910 г. только в 5 % российских городов [Кошман: 101].

Кроме благоустройства дорожной сети заслуживает внимания деятельность городского самоуправления Ярославля по освещению улиц. Еще в 1855 г. в городе вводится спиртовое освещение. С 1867 г. оно было заменено керосиновым. При составлении сметы на 1874 г. городская управа отмечала недостаточность освещения. «Если уж в центре города некоторые улицы совсем не освещались, то можно себе представить, какой мрак царил на окраинах города», — писал автор очерка о состоянии электрического освещения [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1632, л. 37]. Число фонарей постепенно увеличивалось. Так, если в 1872 г. в городе было 460 фонарей, то в 1903 г. — 1600 [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1051, л. 37 об.]. В начале XX в. в г. Ярославле появляется электрическое освещение, которое устраивалось по контракту, заключенному городской управой с компанией тяги и электричества. В архиве сохранилась копия договора на освещение Ярославля электрическими фонарями, который был заключен 20 октября 1909 года. Стоимость каждого установленного фонаря составляла 50 рублей. Общее число фонарей — 200. Плата производилась городским управлением ежегодно, по истечении месяца со дня начала нового года [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1648, л. 20 об.].

Внедрение электрического освещения шло медленно. С 1900 по 1903 гг. было установлено лишь 12 фонарей, и лишь к 1910 г. их число достигло 250 [Данилов, Федюк: 18]. Тем не менее установка даже первых 6 электрических фонарей улучшила ситуацию с освещением в центральной части города [Журналы Ярославской... 1903: 133—134]. Не стоит также недооценивать сложность внедрения электрического освещения. По И.А. Вернеру: «даже в Москве в 1910 г. электричеством освещались в основном главные улицы» [Вернер: 60]. Качество освещения улиц оставляло желать лучшего. 1 марта 1911 г. ярославский полицмейстер отмечал «нередкие случаи погасания электрических дуговых фонарей... по поводу чего городской управе часто приходится выслушивать жалобы» [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 1179, л. 218]. Окраины продолжали освещаться керосиновыми фонарями. Однако и здесь происходила модернизация. Например, в 1911 г. для освещения в Тверицах были заказаны новые керосинокалильные фонари [ГАЯО: ф. 509, оп. 1.1, д. 2103, л. 52—92].

Выводы: деятельность ярославского городского самоуправления по благоустройству дорожно-паркового хозяйства была активной и разнообразной. Несмотря на скудность финансирования, городская дума и управа достигли ряда успехов в этом направлении: введение электрического освещения, благоустройство набережной, приведение в порядок бульваров, скверов и мостовых в центральной части города и на окраинах. С другой стороны, существовали трудности: необходимость разграничения ответственности по мощению улиц с обывателями, а также нереализованные проекты: устройство электрической станции и канализации.

Список источников

- ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. 509. Ярославская городская управа.
Голос. 1911. № 28
Голос. 1910. № 214
Дмитриев С.В. Воспоминания. Ярославль: Александр Рутман, 1999. 382 с.
Журналы Ярославской городской думы [за 1871—1909 гг.]. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1872—1910.
Михайловская Н.А. Мой Ярославль и его дорогие обитатели // Русская провинция миф — текст — реальность. М.: Тема, 2000. С. 459—474.

- Обзор Ярославской губернии за 1892 год. Ярославль: тип. Губернского правления, 1893. 46 с.
- Отчет Ярославской городской управы за 1910 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1911. 401 с.
- Отчет Ярославской городской управы за 1912 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1913. 394 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 890 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1527 с.
- Чехов С.М. О семье Чеховых М.П. Чехов в Ярославле. Ярославль: Верхневолжское книжное изд-во, 1970. 224 с.
- Ярославские губернские ведомости. 1904. 20 апреля.

Список литературы / References

- Блудов А.М. Городское самоуправление в России на рубеже XIX—XX вв. (на материалах Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 248 с.
(Bludov A.M. Urban self — government in Russia at the turn of the XIX—XX centuries. (based on the materials of the Tambov province). dis. ... candidate of Historical Sciences, Tambov, 2003, 248 p. — In Russ.)
- Велитченко Н.С., Дурдина Е.А. Деятельность Ярославской городской думы в 1871—1882 гг. // Власть и город: история и современность: материалы докладов научной конференции 25 мая 2000 г. Ярославль: изд-во Ярославского государственного университета, 2001. С. 23—26.
(Velitchenko N.S., Durdina E.A. Activity of the Yaroslavl City Duma in 1871—1882, *Power and the city: history and modernity: materials of reports of the scientific conference on May 25, 2000*, Yaroslavl, 2001, pp. 23—26. — In Russ.)
- Вернер И.А. Деятельность московской городской думы в 1909—1912 годах. М.: городская типография, 1912. 103 с.
(Verner I.A. Activity of the Moscow City Duma in 1909—1912, Moscow, 1912, 103 p. — In Russ.)
- Данилов А.Ю., Федюк В.П. Ярэнерго. Страницы истории Ярославля. Ярославль: изд-во Ярославского государственного университета, 2004. 224 с.
(Danilov A.Yu., Fediuk V.P. Yarenergo. Pages of the history of Yaroslavl, Yaroslavl, 2004, 224 p. — In Russ.)
- Каукина Р.Н. Деятельность органов городского самоуправления России во второй половине XIX — начале XX века (на материалах г. Саранска). Саранск, 2022. 118 с.
(Kaukina R.N. Activity of the municipal self-government bodies of Russia in the second half of the XIX — early XX century (based on the materials of Saransk), Saransk, 2022, 118 p. — In Russ.)
- Колодин Н.Н. Город древний. Ярославль: здания, люди, легенды: в 4 т. Т. 2. Ярославль: Канцлер, 2014. 504 с.
(Kolodin N.N. The city is ancient. Yaroslavl: buildings, people, legends: in 4 vols, vol. 2, Yaroslavl, 2014, 504 p. — In Russ.)
- Кошман, Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
(Koshman L.V. The city and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects, Moscow, 2008, 446 p. — In Russ.)
- Марасанова В.М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М.: Карпов, 2004. 215 с.

- (Marasanova V.M. Local government in the Russian Empire (based on the materials of the Upper Volga region), Moscow, 2004, 215 p. — In Russ.)
- Нардова В.А., Сухорукова А.С., Чистиков А.Н. Городское хозяйство Петербурга. XIX — начало XX века. СПб.: фонд «Креатив», 2014. 399 с.
- (Nardova V.A., Sukhorukova A.S., Chistikov A.N. Urban economy of St. Petersburg. XIX — the beginning of the XX century St. Petersburg, 2014, 399 p. — In Russ.)
- Сергиенко М.А. Деятельность органов городского самоуправления провинциальной России в конце XIX — начале XX вв. (на материалах Курской губернии). Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. 204 с.
- (Sergienko M.A. Activity of municipal self — government bodies of provincial Russia in the late XIX — early XX centuries (based on the materials of the Kursk province), Belgorod, 2016, 204 p. — In Russ.)
- Судаевцев Н.Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны, Ставрополь: изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 718 с.
- (Sudavtsov N.D. Zemstvo and city self-government in Russia during the First World War, Stavropol, 2001, 718 p. — In Russ.)
- Фальковский Н.И. История водоснабжения в России. М; Ленинград: Мин-во коммун. хозяйства РСФСР, 1947. 308 с.
- (Fal'kovskii N.I History of water supply in Russia, Moscow; Leningrad, 1947, 308 p. — In Russ.)
- Чудаков О.В. Городское самоуправление Сибири в годы Первой мировой войны, период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 гг.). Омск: изд-во Омского гос. ун-та, 2013. 422 с.
- (Chudakov O.V Urban self-government of Siberia during the First World War, the period of social cataclysms (July 1914 — the first half of 1918), Omsk, 2013, 422 p. — In Russ.)
- Шапко Н.И. К вопросу о замощении городских улиц Ярославля на рубеже XIX—XX вв. // Вестник Ярославского государственного университета. 2012. № 3. С. 31—33.
- (Shapko N.I On the question of paving the city streets of Yaroslavl at the turn of the XIX — XX centuries, *Bulletin of the Yaroslavl State University*, 2012, Iss. 3, pp. 31—33. — In Russ.)
- Robert W. Thurston. Liberal city, conservative state Moscow and Russia urban crisis, 1906—1914. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1987, 266 p.

Статья поступила в редакцию 04.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 04.02.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Пуневский Ярослав Викторович — аспирант кафедры истории России, Средних веков и Нового времени факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной педагогический университет, г. Москва, Россия, moskva221090an@gmail.com

Punevskii Iaroslav Viktorovich — postgraduate student of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, moskva221090an@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 138—152.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 138—152.

Научная статья

УДК 93.908/355.01

DOI: 10.46726/И.2023.3.15

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЗАГОТОВКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, i|ja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Дефицит продовольствия в годы Великой Отечественной войны вынуждал местные власти изыскивать дополнительные способы обеспечения питанием населения. Одним из способов решения обозначенной проблемы стали децентрализованные заготовки, которые предполагали в первую очередь увеличение значения собирательства (грибов и дикорастущих растений), а также вылов рыбы. На основе партийных и хозяйственных источников из фондов государственных архивов Владимирской и Ивановской областей автор стремится выявить значение, масштабы и результаты данной практики в двух тыловых регионах, которые относились к Центральному промышленному району СССР. Особенностью этих регионов был их преимущественно потребляющий характер, что было обусловлено как относительно высокой долей городского населения в сравнении с общесоюзными значениями, так и непростыми агроклиматическими условиями. В работе выделены основные трудности, с которыми сталкивались местные власти и население при осуществлении заготовок. К таковым относились нестабильный урожай в течение военных лет, недостаток рабочей силы, медленное и/или некачественное осуществление строительства хранилищ для заготовленных продуктов. Значительную роль играло внимание местных хозяйственных органов, которые в организации заготовок чаще всего вели себя пассивно. По имеющимся данным, несмотря на их отрывочность, можно констатировать увеличение доли децентрализованных заготовок в общем количестве имевшегося продовольствия. Историко-геополитический подход, использованный в работе, показывает, что децентрализованные заготовки в годы военного лихолетья являлись вопросом национальной безопасности, и потому их рентабельность была вторична, главным было хотя бы немного улучшить продовольственную ситуацию.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, децентрализованные заготовки, заготовки грибов, заготовки дикорастущих растений, заготовки местных рыбных ресурсов, историко-геополитический подход, продовольствие

Для цитирования: Тряхов И.С. Децентрализованные заготовки в годы Великой Отечественной войны и их значение в жизни населения Владимирской и Ивановской областей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 138—152.

Original article

DECENTRALIZED PROCUREMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THEIR IMPORTANCE IN THE LIFE OF THE POPULATION OF THE VLADIMIR AND IVANOVO REGIONS

Ilja S. Tryakhov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. Food shortages during the Great Patriotic War forced local authorities to find additional ways to provide food for the population. One of the ways to solve this problem was decentralized harvesting, which primarily assumed an increase in the value of gathering (mushrooms and wild plants), as well as catching fish. On the basis of party and economic sources from the funds of the state archives of the Vladimir and Ivanovo regions, the author seeks to identify the significance, scope and results of this practice in two rear regions that belonged to the Central Industrial Region of the USSR. A feature of these regions was their predominantly consuming nature, which was due to both a relatively high proportion of the urban population in comparison with the all-Union values, and difficult agro-climatic conditions. The paper highlights the main difficulties faced by local authorities and the population in the implementation of procurement. These included unstable harvests during the war years, lack of manpower, slow and/or poor construction of storage facilities for harvested products. A significant role was played by the attention of local economic bodies to the organization of procurement, which most often behaved passively. According to the available data, although fragmentary, one can state an increase in the share of decentralized procurement in the total amount of food available. The historical and geopolitical approach used in the work shows that decentralized procurement during the war years was a matter of national security, and therefore its profitability was secondary, the main thing was to at least slightly improve the food situation

Keywords: Great Patriotic War, food, historical-geopolitical approach, decentralized harvesting, harvesting mushrooms, harvesting wild plants, harvesting local fish resources

For citation: Tryakhov I.S. Decentralized procurement during the Great Patriotic War and their importance in the life of the population of the Vladimir and Ivanovo regions, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 138—152.

В условиях острого дефицита продовольствия в годы Великой Отечественной войны особое значение приобретали децентрализованные заготовки продуктов питания. К таковым относились: ведение подсобных хозяйств, закупка предприятиями и учреждениями дополнительных продуктов у колхозов и совхозов, а также заготовки дикорастущих ягод, грибов и рыбы из местных ресурсов. В обозначенной ситуации первейшую роль начинали играть местные органы власти, т. к. именно на них возлагались задачи по дополнительному обеспечению продовольствием трудящегося населения, испытывавшего, как известно, недостаток продуктов питания как в количественном, так и в качественном отношении. Децентрализованные заготовки в какой-то степени должны были уменьшить данную проблему.

Тема изыскания дополнительных источников продовольствия в годы Великой Отечественной войны — значимая историографическая задача в современной исторической науке. В последние десятилетия исследователи разных

регионов обращаются к данной проблематике, при этом уделяется внимание специфике различных территорий Советского Союза. Ведя речь о решении продовольственного вопроса, М.С. Сизова отмечает: «Полный анализ проблемы провиантирования населения, наряду с данными о дополнительных источниках питания, позволит с большой степенью вероятности рассмотреть реальные данные поставки продуктов и товаров, а также материального стимулирования рабочих различных областей народного хозяйства. Данную проблему достаточно сложно проанализировать в целом по всем отраслям, так как сведения неполны, отрывочны и приводятся в различных показателях: процентах, рублях, тоннах. Но несмотря на это можно точно сказать, что недополучение товаров и продуктов по выделенным нормам было стандартным явлением для 1940-х гг.» [Сизова: 224]. Вывод об отрывочности ряда сведений о заготовках подтверждается имеющимися материалами в Государственных архивах Владимирской и Ивановской областей.

Основными продуктами, получаемыми в процессе децентрализованных заготовок, являлись грибы, дикорастущие ягоды и зелень, а также речная и озёрная рыба [См. напр.: Аргунов; Будников 2014, 2018; Жбанникова; Рябкова; Сизова, Шалак 2022]. В регионах Сибири и Крайнего Севера активно использовали в пищу мясо диких животных, дичь, а также оленину [Рябкова]. Из-за больших расстояний была затруднена доставка к местам хранения добытого продовольствия [Шалак 2002: 332]. Чрезмерная эксплуатация местных ресурсов в отдельных случаях приводила к их истощению [Шалак 2022]. Прежде всего это касалось заготовок рыбы и мяса. Для восстановления численности промысловых животных требовалось много больше времени, нежели для продовольствия растительного происхождения. Исследование собирательства в условиях Великой Отечественной войны не ограничивается только архивными материалами. Историк З.Ф. Хасанова использовала материалы этнографии для изучения особенностей решения продовольственного вопроса в Башкирской АССР [Хасанова]. Такое исследование пока ещё остаётся возможным и в других регионах в силу имеющихся живых свидетелей военного лихолетья. Всё это определяет региональную специфику. По изучаемым регионам существуют монографические работы В.С. Околотина, где автор немало внимания уделяет разрешению продовольственной проблемы в военные годы, но специально не затрагивает тему данной статьи. Кроме того, в указанных трудах большее внимание обращено к Ивановской области, а про Владимирский регион сказано вскользь [Околотин: 2017, 2019].

Имеющиеся работы, в основном составляющие лишь элемент в исследовании продовольственного вопроса в годы Великой Отечественной войны на примерах конкретных регионов, позволяют выделить сразу несколько важных моментов. Во-первых, заметны основные виды продовольствия, получаемые в результате децентрализованных заготовок. К ним относились грибы, дикорастущие растения (ягоды и зелень), рыба. Во-вторых, выявлено, что основными заготовителями были либо колхозники, либо учащиеся. В-третьих, наиболее значимым недостатком была нехватка хранилищ для заготовленного продовольствия, а также сложности с их доставкой к местам хранения.

Цель статьи — изучить функционирование децентрализованных заготовок во Владимирской и Ивановской области в годы Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки статьи ограничены Владимирской и Ивановской областями, которые до августа 1944 года составляли единую административную единицу. Регион в начальный период войны оказался в прифронтовом

статусе, но в то же время не понёс значимого ущерба от бомбардировок со стороны немецко-фашистской авиации. При этом обе области относились к потребляющим. Немалая доля продовольствия в упоминаемый регион привозилась извне, поэтому в условиях значительного сокращения завоза продовольствия значение подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок возрастало. «Мобилизация местных продовольственных ресурсов, в том числе дикорастущих, в 1944 году является актуальнейшей задачей партийных, комсомольских, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций» [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 130]. Именно такая формулировка была озвучена на одном из заседаний Ивановского обкома, что указывает на важность исследуемой практики в годы войны.

Как отмечал в одной из своих работ А.В. Шалак: «Продовольственная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности и, соответственно, не может оцениваться только с точки зрения экономической эффективности и себестоимости произведенной продукции» [Шалак 2022: 230]. В методологическом плане автор статьи опирался на историко-геополитический подход. Согласно ему, деятельность органов власти интерпретируется через решение проблемы национальной безопасности. Минимизация угрозы голода в течение всей войны являлась одной из главных задач местных органов власти во всех регионах страны.

В 1942 г. по СССР было заготовлено 30 тыс. тонн дикорастущих плодов и ягод, в 1943 г. — 41 тыс. тонн, не считая собранных десятков тысяч тонн дикорастущей зелени [Советская экономика 1970: 389]. Несмотря на значимый прогресс децентрализованных заготовок в период войны, опасность недоедания и голода оставалась. В полной мере компенсировать нехватку продовольствия из оккупированных немецко-фашистскими войсками советских житниц таким способом было затруднительно. К тому же кроме осуществления заготовок необходимо было ещё успешно распределить полученные продукты, что было непросто.

Руководство Ивановского обкома указывало: «кроме грибов область богата дикорастущими плодами и ягодами. Плоды и ягоды нужны не только в свежем виде, но и для переработки в виде кондитерских изделий, соков, сиропов, экстрактов, винных настоек, киселей, лекарств. Многие другие дикорастущие растения можно употреблять как в пищу, так и в качестве сырья. Например: очень широко используются для приготовления пищи крапива, щавель и лебеда, которые растут в большом количестве и появляются гораздо раньше, чем овощные культуры. Особенное значение в военное время имеет сбор лекарственных растений» [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 131]. Сбор дикорастущих растений ставил своей целью не только улучшение ситуации с продовольствием, но и заготовку лекарственного и технического сырья.

В понятие децентрализованные заготовки включался широкий спектр продовольственных товаров. К ним относились как продукты, распределяемые через карточную систему, например, мясо, молочные продукты и рыба, так и выращиваемые в подсобных хозяйствах и индивидуальных огородах овощи и картофель. В условиях военного лихолетья большое значение приобретали заготовки дикорастущих ягод и грибов.

По данным справки о работе предприятий торговли и общественного питания Ивановской области, результаты работы местных торгов и трестов столовых в 1941 году выглядят следующим образом.

Таблица 1

**Децентрализованные заготовки в Ивановской области в 1941—1942 гг.
(в тоннах)** [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1006, л. 49 об. — 50]

Наименование продуктов	План 1941 г.	Фактические заготовки в 1941 году	% выполнения	План на 1942 год
Скот, мясо	891	644,5	72,3	650
Рыба	30	43,1	143,7	85
Молоко и молочные продукты	1420	1318,3	92,8	1500
Картофель	6540	3185,7	48,7	9000
Овощи	19240	10928,2	56,8	15200
Фураж	675	118,6	17,6	800

Как видно из таблицы, в 1941 году отмечалось колоссальное недовыполнение плана по картофелю, овощам и фуражу. Это даже приводило к снижению плановых заданий по некоторым показателям на 1942 год. Успешными были только заготовки рыбы. В дальнейшем ситуация в этом направлении улучшилась, но не так, как хотелось местному руководству.

Особое значение приобрели сборы грибов, которые традиционно могли использоваться в качестве заменителя мяса. Плановые задания включали в себя заготовку грибов путём сушки, засаливания и маринования.

Согласно найденным архивным документам, руководство Ивановского региона имело оценочные данные по предполагаемым возможностям региональных лесов по дикорастущим ягодам. Это можно видеть в приведённой ниже таблице.

Таблица 2

Районы произрастания дикорастущих ягод в исследуемых регионах
[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1170, л. 30]

Вид ягод	Площадь произрастания	Основные районы произрастания
Брусника	377,6 тыс. га	Владимирский, Гусевской, Кадыйский, Ковровский, Курловский, Макарьевский, Пестяковский, Семеновский, Струнинский
Черника	468 тыс. га	Владимирский, Гусевской, Кадыйский, Кинешемский, Киржачский, Макарьевский, Семновский, Юрьеvecкий
Земляника и малина	293,9 тыс. га	Гусевской, Макарьевский, Юрьеvecкий
Смородина и калина	34,3 тыс. га	Вязниковский, Гороховецкий, Макарьевский
Орешник лещины, черемуха и рябина	94,4 тыс. га	Владимирский, Курловский, Кадыйский, Александровский
Клюква и голубика	134,3 тыс. га	Гусевской, Макарьевский, Южский

Возможный запас диких ягод и плодов при средней урожайности оценивался в тоннах следующим образом: брусники — 37960; черники — 46800; земляники — 14695; малины — 5878; смородины — 1715; черёмухи и рябины — 4740; клюквы — 20869; голубики — 1465; орехов — 2832. Общие

запасы перечисленных дикорастущих плодов и ягод оценивались в 135954 тонны [Там же: л. 30]. Согласно довоенной переписи 1939 года, численность населения Ивановской области составляла 2649429 человек [Всесоюзная перепись населения...]. Если ориентироваться на данную цифру, то в среднем на душу населения приходилось более 14 кг брусники, 17, 6 кг черники, 5,5 кг земляники, 2,2 кг малины, 0,6 кг смородины, 1,8 кг черёмухи и рябины, 7,9 кг клюквы, 0,55 кг голубики и 1 кг орехов. В ходе войны приведённые среднестатистические цифры возросли из-за убыли населения, но все эти дары природы ещё нужно было собрать. На практике таких показателей не достигали. В то же время имеющиеся данные говорят о том, что запасы дикорастущих ягод и орехов в регионе не были слишком значительными, хотя и могли быть подспорьем в решении продовольственного вопроса.

В фонде Ивановского обкома сохранился документ с приблизительными расчётами о количестве урожая дикорастущих ягод с одного гектара. Эти данные можно видеть в таблице ниже.

Таблица 3

**Расчёт урожая (сбора) дикорастущих ягод и плодов с 1 гектара
площади их произрастания по Ивановской области**
[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 149]

Дикорастущие ягоды	Урожай в условиях сплошных насаждений			Сбор по всей возможной площади произрастания	
	Число растений на 1 га (тысяч)	Сбор ягод с одного растения (граммов)	Сбор ягод с одного гектара	Густота насаждений по всей площади (%)	Средний сбор с 1 га всей площади (кг)
Клюква	100	10	1000	20	200
Голубика	100	5	500	20	100
Брусника	100	5	500	20	100
Черника	100	5	500	20	100
Земляника	100	5	500	10	100
Малина	10	100	1000	2	50
Смородина	10	100	1000	5	20
Черемуха	2,5	1000	2500	2	50
Рябина	2,5	1000	2500	2	50
Лещина (орех)	3	500	1500	2	30

В примечании к таблице указывалось, что сбор клюквы в 200 кг с 1 га принят для верховых (сфагновых) болот, для переходных болот сбор принят в 100 кг, для прочих болот в 20 кг. В случае произрастания на болоте одновременно клюквы и голубики считалось, что под клюквой занято 2/3 площади и под голубикой — 1/3 площади [Там же: л. 149].

Местные власти имели сведения о конкретных торфоболотах, на которых произрастали дикорастущие ягоды региона. Соответствующий перечень сохранился в одном из дел, хранящихся в Государственном архиве Ивановской области [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 153—157].

На пленуме муромского горкома по поводу заготовок грибов и дикорастущих растений отмечалось следующее: «По-иному, чем в мирное время должны отнестись к заготовкам грибов, ягод и других дикорастущих. Раньше мы недооценивали этот дополнительный источник, и кое-кто даже относился к заготовкам их с иронией, вот, мол, вздумали какой мелочью заниматься. Теперь надо особенно по таким настроениям крепко ударить и начать не вести

болтовню о грибах и ягодах, а собирать их и кормить ими в столовых рабочих» [ГАВО: Ф.П.-495, оп. 1, д. 120, л. 112]. Таким образом, заготовки даров леса приобретали чрезвычайную важность в глазах местной власти.

Для успешной реализации задачи по массовому внедрению в рацион жителей тыла грибов требовалось масштабное строительство и оборудование грибоварок. По данным Ивановского обкома на 20 июля 1943 года, успехи в этой деятельности в разных районах различались. Полностью подготовлены грибоварки были только во Владимире и Юже. В остальных городах и районах либо вообще не приступали к этой работе, либо выполнили её ещё не полностью [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1006, л. 161—163]. Успешная работа грибоварочных пунктов была возможна только в случае тщательной подготовки. Для этого требовалась своевременная подготовка бочкотары, что в большинстве мест к положенному времени выполнено не было. Необходимы были специи для заправки отварных грибов. Их катастрофически не хватало. Наконец, с колхозами и совхозами местные торгующие организации обязывались заключать договоры на сдачу грибов, но в 1941—1942 гг. это делалось в недостаточной мере. Пункты по заготовке дикорастущих ягод также готовились с запозданием. В конечном итоге созданные в дальнейшем пункты по переработке грибов и ягод становились малозначимыми из-за того, что урожай к тому времени портился [ГАВО: Ф.П.-118, оп. 1, д. 80, л. 21 об.]. Всё это приводило к неудачам в децентрализованных заготовках в 1942 году [ГАВО: Ф.П.-118, оп. 63, д. 21, л. 96].

По данным обкома, в 1940—1943 гг. в регионе имелся некоторый количественный рост по солёным и маринованным грибам, а также дикорастущим ягодам, чего нельзя сказать о сухих грибах. Из таблицы ниже можно видеть эту динамику.

Таблица 4

Динамика заготовок грибов и дикорастущих ягод в 1940—1943 гг. (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1009, л. 120]

	1940	1941	1942	1943 г. за 8 мес.
Грибов сухих	159	89	243	120
Грибов солёных и маринованных	833	888	862	371
Дикорастущих ягод	229	449	360	110

Из таблицы можно видеть, что если за основу взять численность населения Ивановской области по данным предвоенной переписи 1939 года, то на душу населения даже в пиковом 1942 году приходилось менее полкилограмма грибов. Дикорастущих ягод на человека в 1941 году пришлось менее 200 граммов.

В 1943 году не в полной мере был использован богатый урожай грибов и ягод. Чаще всего для сбора грибов, ягод и дикорастущих трав использовались колхозники, с которыми заключались соответствующие договоры [ГАВО: Ф.П.-495, оп. 5, д. 67, л. 68]. В 1943 году заготовки «даров леса» отставали от плана. По некоторым позициям катастрофически. Это можно видеть в таблице 5.

Таблица 5

Плановые и фактические заготовки в 1943 году (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 132]

	По области			В т.ч. по торгам		
	план	факт	%	план	факт	%
Грибы солёные маринованные	2014	1041	51	325	254	78
Грибы сухие	391	324	82	58	75	129
Ягоды	1120	677	60	150	120	80
Столовая зелень	671	411	61	250	181	72,4
Сырьё заменитель чая	104	20	19	30	17	56

Наилучшие показатели отмечены по сухим грибам, но и они сильно не дотягивали до плана. При этом всё равно выросли в сравнении с 1942 годом. Худшая ситуация складывалась с заменителем чая. Успехи отдельных районов также сильно различались. При этом высокие показатели Гусевского и Гороховецкого районов неудивительны, т. к. они обладали обширными лесными угодьями и до сих пор выделяются значительными запасами грибов и ягод.

Таблица 6

Районы — лидеры по заготовкам в 1943 году (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 132]

	Гусь-Хрустальный район			Гороховецкий район		
	план	факт	%	план	факт	%
Грибы солёные маринованные	33,7	71	201	27,5	36,2	13,1
Грибы сухие	6	10	166,6	3,5	7,6	217,1
Ягоды	23,7	22,2	93,6	18	10,2	56,6

Одновременно важным фактором оставалось умение организовать людей на данную деятельность со стороны местного руководства. Провал Кадыйского и Шуйского районов не был обусловлен отсутствием у них природных возможностей для сбора грибов и ягод, а объяснялся неудачной работой местных партийных функционеров.

Таблица 7

Районы — аутсайдеры по заготовкам в 1943 году (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 132]

	Шуйский район			Кадыйский район		
	план	факт	%	план	факт	%
Грибы солёные маринованные	8,5	0,6	7	51,5	0,5	0,09
Грибы сухие	6,7	0,5	7	6,2	1,4	22,5
Ягоды	8,5	0,5	5,8	106	4,2	4

В 1944 году грибозаготовки оказались затруднены из-за неурожая грибов. Зато успешными были заготовки дикорастущих ягод [ГАВО: Ф.П.-495, оп. 5, д. 101, л. 5 об.]. По ягодам, а также по мясу децзаготовки были перевыполнены [Там же: л. 38 об.]. Срыв заготовок дикорастущих ягод произошёл и в 1945 году из-за неблагоприятных условий лета и осени [ГАВО: Ф.Р.-3755, оп. 1, д. 3, л. 6]. Таким образом, урожайные и неурожайные годы чередовались.

Активными участниками по сбору лекарственных растений и грибов были пионеры и комсомолыцы [ГАВО: Ф.П.-503, оп. 1, д. 27, л. 76]. В 1943 году только в Вязниках по плану этим должны были заниматься 4503 человека. План предполагал сбор 1,7 тонн сушёных грибов, 10 т свежих грибов, 9 т зелени и 8 т дикорастущих ягод. В данном конкретном случае план был выполнен не полностью, но недобор был незначительным [ГАВО: Ф.П.-791, оп. 63, д. 24, л. 26—26 об.]. Привлечённых к участию в заготовках школьников пытались мотивировать премиями за выполнение планов. Так, в Коврове награждали тетрадами, карандашами и перьями [ГАВО: Ф.П.-116, оп. 63, д. 32, л. 186—188]. Похожая практика наблюдалась и в других районах [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 105].

Для усиления внимания к децентрализованным заготовкам ежегодно издавались специальные решения бюро Ивановского обкома ВКП(б) и Ивановского Облисполкома, обязывавшие торгующие организации развивать

активную работу по заготовке грибов, дикорастущих ягод и столовой зелени [ГАВО: Ф.П.-118, оп. 63, д. 40, л. 71; оп. 1, д. 124, л. 196].

Для сбора дикорастущих ягод открывались специальные детские лагеря. Они имелись во многих районах региона [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 120]. В то же время объём собранного зависел от активности местных руководителей, способных или неспособных замотивировать детей. Имеющиеся скудные сведения показывают, что в Ковровских лагерях собирали полтора стакана в день на человека, а в Фурмановских лагерях 30 кг в день. Прочие районы предоставляли сведения несвоевременно [Там же: л. 121].

Для стимулирования участников децентрализованных заготовок 30 мая 1944 года было принято решение бюро обкома ВКП(б) и Исполкома облсовета Ивановской области о немедленном выделении промышленных и продовольственных товаров, и завоз их в места заготовок. Отмечалось, что необходимо осуществлять премирование без задержки и полностью. В соответствии с решением Совнаркома СССР размер премии определялся в 10 % от заработка за свежие грибы, ягоды и зелень и 20 % за сухую продукцию. Водкой можно было отоваривать в размере 100 % заготовительной стоимости. Сборщикам из горожан, выезжающих на сбор грибов, ягод и зелени, на продолжительное время предписывалось выдавать вперёд на срок 10 дней продукты питания по продовольственным карточкам [Там же: л. 145].

Архивные данные, сохранившиеся в фонде Ивановского обкома, констатировали плохую работу ОРСов многих предприятий. Так, в одном из документов приводятся сведения по ряду предприятий, расположенных в областном центре города Иванова. Из нижеприведённой таблицы видно, что многие ОРСы в 1943 году «в ничтожной степени выполнили задание».

Таблица 8

ОРСы — аутсайдеры по децентрализованным заготовкам в 1943 году (в тоннах)
[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 133]

	Грибы солёные маринованные	Грибы сухие	Ягоды	Зелень
Ивгортфмаш	0,5 %	0,08 %	0 %	0 %
Красноволжский комбинат	11 %	10 %	70 %	0 %
Завод № 729	27 %	0 %	0 %	0 %
Меланжевый комбинат	10 %	35 %	0 %	0 %

Не лучшим образом работали и отдельные райпотребсоюзы, торги и предприятия облпищепрома.

Таблица 9

Предприятия, отстающие по децентрализованным заготовкам (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 133]

	Грибы солёные маринованные	Грибы сухие	Ягоды	Зелень
Кадыйский РПС	5,7	0	37	–
Ковровский РПС	22	10	–	–
Никологорский РПС	22	0,8	–	–
Александровский торг	41	20	10	41
Камешковский торг	32	66	75	0,6
Ивпищестрест	–	–	32	–
Кондитерская фабрика «Красная Заря»	–	–	0,4	–
Киржачский райпищескомбинат	0,6	–	0 %	–

Причиной невыполнения планов по заготовкам называли привычку жить и работать за счёт централизованных фондов со стороны многих руководителей потребкооперации [Там же: л. 134].

Децентрализованные заготовки по картофелю изначально вносили незначительный вклад в общее количество поставляемого продукта, уступая государственным заготовкам. В случае с овощами, напротив, децзаготовки по плану должны были превосходить все прочие виды поставок. Фактически ситуация в 1941—1943 гг. разительно отличалась, что видно из таблицы ниже.

Таблица 10

Общее поступление картофеля и овощей в 1941—1943 гг. (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1006, л. 91 об.]

	Картофель		Овощи	
	план	факт	план	факт
От госзаготовок	81130	45600	7697	11750
От подсобного хозяйства	16005	6460	1233	10350
От децзаготовок	15400	2800	15100	3580
От совхозов	4375	600	11168	8770
Всего	116910	55466	46300	34450

Важным консервантом, нехватка которого явно ощущалась, являлась соль. Её острый дефицит и невозможность получения из соседних регионов подталкивала руководство области заниматься поисками местных соляных источников. По результатам обследования территории региона было выявлено несколько таких источников, которые требовалось оборудовать. Отдельные соляные источники были обнаружены даже на территории областных центров Иваново и Владимира. Последний стал таковым в августе 1944 года при создании Владимирской области. В фонде Ивановского обкома сохранился документ, названный краткой характеристикой соляных источников области. Такие имелись в селе Холуй Южского района, в Сокольском районе, а также в селе Усолье Камешковского района. Все обследованные скважины были либо законсервированы, либо завалены, либо имели опасные примеси. Среди всех выделенных особый интерес, по мнению специалистов, представляли соляные источники в Камешковском и Сокольском районах [Там же: л. 165—166]. При этом следует отметить, что доставка соли из этих районов в логистическом отношении была бы непростой, если бы её стали реализовывать.

Нехватку другого ценного продукта — сахара — предлагалось компенсировать через переработку «злейшего сорняка» — лопуха [ГАВО: Ф.П.-495, оп. 5, д. 10, л. 39 об.]. То, насколько это удалось, обнаруженные источники не поясняют. Вероятно, идея осталась на бумаге.

В военные годы важную роль в обеспечении продовольствием играло местное рыбохозяйство. Исторически регион междуречья Оки и Волги, к которому относятся Владимирская и Ивановская области, получал значительное количество рыбы из местных рек. В полуголодные военные годы предполагалось нарастить улов рыбы. Справка о выполнении улова рыбы из местных водоёмов по областному рыбному тресту тогда ещё единой Ивановской области показывала, что добыча рыбы в 1941—1942 гг. снизилась в сравнении с последним предвоенным годом. За 8 месяцев 1943 года темпы выполнения улова также отставали от плана.

Таблица 11

Заготовки рыбы в регионе в 1940—1943 гг. (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1006, л. 169]

Наименование рыбзаводов и хозяйств	1940 г.	1941 г.	1942 г.	План на 1942 г.	Выполнено за 8 мес. 1943 г.	%
Вязниковский рыбозавод	1086	1007	1024	1200	594	49,5
Ковровский рыбозавод	790	557	455	800	238	29,5
Юрьевецкий	1022	761	837	1300	676	52
Кинешемский	352	214	176	550	224	40,7
Ивановский приёмный пункт	452	427	272	550	144	26,2
Воршинский рыбхоз	1326	1064	417	600	—	—
Всего по тр.	4998	4030	3181	5000	1876	37,5

Сложности с выполнением задачи по увеличению улова и обработке рыбы объяснялись отсутствием автогужевого транспорта, т. к. переброска орудий лова и рыбаков была невозможна. Рыбакам не доставало спецобуви, из-за чего в холодное время лов прекращался. Не было жмыха для подкормки рыбы, а местные районные партийные и советские организации должного внимания добыче рыбы не уделяли. Слабо себя проявляли прежде всего те районы Ивановской области, которые располагались по Волге, до войны дававшей более 150 т рыбы. В 1941—1945 гг. в основном здесь действовали только Кинешемский и Юрьевецкий рыбозаводы [Там же: л. 170].

Регулярное обсуждение использования местных ресурсов для решения продовольственного вопроса было важной темой не только на пленумах обкомов и горкомов, но и на партбюро предприятий. Секретарь партбюро Ковровского машиностроительного завода Козлов жаловался, что местные ресурсы совершенно не используются. Примером служила рыба, выловленная из Клязьмы. По его мнению, вместо десятков тонн выловили всего 40 кг [ГАВО: Ф.П.-116, оп. 63, д. 28, л. 30]. Аналогичные претензии высказывал один из секретарей местного горкома А.Ф. Хаханов. При этом он обратил внимание, что ОРС этого завода доверил выловленную рыбу рыболовецкой бригаде, которая вместо сдачи орсу продавала её на рынке по спекулятивной цене [Там же: л. 32].

Не в полной мере колхозами выполнялись договоры по выделению рабочей силы, что, впрочем, неудивительно, т. к. в этот период дефицит рабочих рук во всех колхозах только увеличивался. Для более эффективной работы облрыбтресту было необходимо организовывать постоянные рыболовецкие бригады, а также полностью отоварить рыбаков продуктами питания за сданную рыбу по установленным нормам. На практике работникам нередко выдавали только муку и крупы, а жиры, сахар и мыло не предоставлялись [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1006, л. 170].

Кроме решений выделить рыбхозам газогенераторные машины, лошадей и обувь для рыбаков, в Гаврилов-Посадском и Киржачском районе предполагалось построить нагульный пруд площадью 500 га, в селе Ворша Собинского района организовать утиную ферму для выпуска 60 т мяса. На данные мероприятия выделялся 1,1 млн. рублей [Там же: л. 171].

Развивать местное рыбное хозяйство планировалось в послевоенные годы. Уже в 1943 году на территории области хотели дополнительно разместить три рыбозавода и провести мелиорацию имеющихся водоёмов по Волге и Клязьме, а также приобрести самоходной флот. Кроме того, для успешного функционирования отрасли необходимо было построить склады, ледники, жилища для рыбаков, посолочные и коптильные пункты и приобрести тару. В ряде водоёмов к 1945 году было запланировано провести акклиматизацию леща, сазана и линя. Общие затраты на эти мероприятия оценивались в 4,85 млн. рублей [Там же].

Вылов рыбы был возможен в Муромском районе, где водоёмы занимали площадь в 3686 га. Партийный актив города настаивал на организации рыбозаводских хозяйств: «Водоёмы по данным Окской биологической станции очень богаты рыбной пищей, в 1,5—2 раза богаче швейцарских водоёмов» [ГАВО: Ф.П.-495, оп. 5, д. 10, л. 39].

В план децентрализованных заготовок входило также сырьё для лекарственно-технической промышленности. К таковым относились крушина-дерево, шиповник, ликоподия, мох-сфагнум [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 133]. Перечень позиций для децентрализованных заготовок можно видеть в следующей таблице. Там же приведены плановые показатели в тоннах на 1944 год.

Таблица 12

План по децентрализованным заготовкам в 1944 году (в тоннах)

[ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1270, л. 134]

	план
Грибы солёно-маринованные	2039
Грибы сухие	403
Дикорастущие ягоды	1313
Сырьё заменителя чая	57,5
Шиповник	5
Ликоподий	8,15
Рябина ягода сухая	22,5
Крушина-кора	10
Крушина-дерево	20
Дубильное корье ивовое	900
Дубильное корье еловое	400
Столовая зелень	951

Насколько успешной была реализация плана, выяснить в настоящее время не удалось. Только в 1944 году в Ивановской области впервые организовывались лагеря школьников во главе с преподавателем группами по 30 человек. Срок работы лагерей определялся в 45 дней. Для эффективной деятельности были разработаны нормы сбора дикорастущих. В городах необходимо было определить количество населения и прежде всего число столоующихся на предприятиях общепита, которое может быть время от времени послано на сбор дикорастущих [Там же: л. 137]. По линии потребкооперации необходимо было открыть не менее 240 приёмоперерабатывающих пунктов. В то же время фактически действовало только 168, из них к работе были готовы 105 [Там же: л. 138].

В изученных архивных документах не обнаружено целостных сведений о значении различных видов снабжения в решении продовольственного вопроса. Возможно, часть сведений будет найдена при дальнейшей работе с фондами горкомов и райкомов Владимирской и Ивановской областей. В то же время среди более десятка уже исследованных фондов, только в документах Владимирского

горкома нашлись интересующие нас данные. Согласно им, во Владимире доля децентрализованных заготовок в течение войны выросла, хотя и не так сильно относительно увеличения количества продовольственных сборов с подсобных хозяйств. В таблице 13 можно видеть эту динамику. Децентрализованные заготовки не в полной мере заменяли сократившиеся госпоставки продуктов питания.

Таблица 13

Сопоставление источников получения продовольствия в 1942—1944 гг. и их динамика (в тоннах) [ГАВО: Ф.П.-100, оп. 56, д. 76, л. 5 об.]

	1942—1943 гг.	1943—1944 гг.
Госпоставки	4123	2897
Госзакупки и самозаготовки	1561	2609
Подсобные хозяйства	1472	5143
Всего	7156	10709

В то же время в Ивановском обкоме считали, что значимую роль децзаготовки играли для школьных буфетов. Наряду с подсобными хозяйствами они позволяли снабжать школы грибной икрой и овощами [ГАИО: Ф.П.-327, оп. 7, д. 1009, л. 100].

Анализ доступных источников показывает, что роль децентрализованных заготовок в решении продовольственного вопроса в исследуемых регионах была весьма значительной. Одновременно с этим местным властям далеко не в полной мере удалось реализовать природный потенциал Владимирской и Ивановской областей в данной сфере. Вызвано это было недостаточным вниманием местных партийных, и даже в большей степени хозяйственных руководителей к данному вопросу. Последние нередко предпочитали довольствоваться тем объёмом продовольствия, который предоставлялся государственными поставками. Для успешной реализации децентрализованных заготовок следовало активнее привлекать колхозников, но для этого их было нужно мотивировать, что в должной мере не осуществлялось. Значительное количество призванных в армию мужчин резко снижало трудовой потенциал села. В ходе Великой Отечественной войны из более чем 1,2 млн мужчин, проживавших в рассматриваемых регионах, в действующую армию отправилось более 480 тысяч человек [Емельянова; Каширская; Петровичева]. Часть сельских жителей, в первую очередь молодёжь, была мобилизована в города для работы на предприятиях, что также снижало возможности деревни реализовывать программу децентрализованных заготовок. Всё это вместе взятое подрывало трудовые возможности Владимирской и Ивановской областей и усложняло разрешение продовольственной проблемы на основе децентрализованных заготовок. Вместе с этим следует признать, что значение описанного в статье способа решения продовольственного вопроса в течение войны возрастало и способствовало выживанию населения в суровые военные годы. Практика децентрализованных заготовок способствовала накоплению опыта в данном направлении и улучшению работы с каждым новым военным годом. Для целостного понимания озвученной в статье проблемы необходимо продолжение исследований по многим тыловым регионам Советского Союза, которые и ныне остаются неизученными.

Список источников

Всесоюзная перепись населения 1939 года. РГАЭ РФ. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=29 (дата обращения: 12.02.2022).
Государственный архив Владимирской области (ГАВО).

Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / ред.
И.А. Гладков. М.: Наука, 1970. 503 с.

Список литературы / References

- Аргунов О.Н. Организация и проведение заготовок продовольствия на территории Курской области (1943—1945 гг.) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2020. С. 155—164;
(Argunov O.N. Organization and conduct of food procurement on the territory of the Kursk region (1943—1945), *Military history of Russia: problems, searches, solutions*, Volgograd, 2020, pp. 155—164. — In Russ.)
- Будников Ю.И. Освоение децентрализованных источников продовольственного снабжения тружеников оборонных предприятий Урала в годы Великой Отечественной войны // Наука ЮУрГУ. Материалы 70-й научной конференции. Челябинск: изд. центр ЮУрГУ. 2018. С. 244—250;
(Budnikov Yu. I. Development of decentralized sources of food supply for workers of defense enterprises of the Urals during the Great Patriotic War, *Science of SUSU. Materials of the 70th scientific conference*, Chelyabinsk, 2018, pp. 244—250. — In Russ.)
- Будников Ю.И. Изыскание дополнительных источников продовольственного снабжения рабочих и служащих Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 4. С. 25—28.
(Budnikov Yu. I. Finding additional sources reorganization of the food supply employees Ural in the Great Patriotic war, *Bulletin of the South Ural State University Series, «Social Sciences and the Humanities»*, 2014, vol. 14, no. 4, pp. 25—28. — In Russ.)
- Емельянова З. Война: Ивановская область 1941—1945 гг. URL: <https://regnum.ru/news/2939465.html> (дата обращения: 18.12.2022).
(Emelyanova Z. War: Ivanovo region 1941—1945. — In Russ.)
- Жбанникова М.И., Makarowski G.V. Сбор лекарственных трав и шиповника в Ростовской области для Красной Армии (по материалам районной печати за 1941—1945 гг.) // Наука и общество: материалы междунар. науч. конф. М., 2021. С. 158—162.
Zhbannikova M.I., Makarowski G.V. Collection of medical herbs and rose hips in the Rostov region for the Red army (on the materials of the district press during 1941—1945 years), *Science and Society. Materials of the international scientific conference*, Moscow, 2021, pp. 158—162. — In Russ.)
- Каширская М. Война: Владимирская область 1941—1945 гг. URL: <https://regnum.ru/news/2988549.html> (дата обращения: 18.12.2022).
(Kashirskaya M. War: Vladimir region 1941—1945. — In Russ.)
- Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня — 31 декабря 1941 года. 2-е изд., испр. и доп. Иваново: А-Гриф, 2017. 344 с.
(Okolotin V.S. Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1: June 22 — December 31, 1941, 2nd ed., Ivanovo, 2017, 344 p. — In Russ.)
- Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января — 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.
(Okolotin V.S. Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 2: January 1 — December 31, 1942, Ivanovo, 2019, 624 p. — In Russ.)
- Петровичева Е.М., Тряхов И.С. Демографическая ситуация во Владимирской и Ивановской областях в 1939—1945 гг.: динамика и характер изменений // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 4. С. 39—42.

- (Petrovicheva E.M., Tryakhov I.S. Demographic situation in the Vladimir and Ivanovo regions in 1939-1945: the dynamics and nature of changes, *Vestnik of Kostroma State University*, 2016, no. 4, pp. 39—42. — In Russ.)
- Рябкова О.В., Козельчук Т.В. Децентрализованные заготовки продуктов питания в Ямало-Ненецком округе в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. № 3 (92). С. 58—62.
- (Ryabkova O.V., Kozelchuk T.V. Decentralized food stocking in the Yamal-Nenets national district during the Great Patriotic war, *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous District*, 2016, no 3 (92), pp. 58—62. — In Russ.)
- Сизова М.С. Децентрализованные заготовки продуктов питания в Байкальском регионе (1941—1947 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2012. С. 222—225.
- (Sizova M.S. Decentralized Food Procurement in the Baikal Region (1941—1947), *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, Irkutsk, 2012, pp. 222—225. — In Russ.)
- Шалак А.В. Продовольственная проблема и пути её разрешения в Восточной Сибири в 1940-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 320—342.
- (Shalak A.V. The food problem and ways to solve it in Eastern Siberia in the 1940s, *Economic history. Yearbook*, Moscow, 2002, pp. 320—342. — In Russ.)
- Шалак А.В. Роль природных источников питания в экстремальных условиях (на примере Сибири в годы Великой Отечественной войны) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2022. С. 229—241.
- (Shalak A.V. The role of natural food sources in extreme conditions (on the example Siberia during the Great Patriotic war (1941—1945), *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, Irkutsk, 2022, pp. 229—241. — In Russ.)
- Хасанова З.Ф. Собирачество у башкир в горно-лесной зоне республики Башкортостан в годы Великой Отечественной войны // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2020. № 5 (115). С. 102—107.
- (Khasanova Z.F. Gathering as a Mode of Livelihood for Bashkirs in the Mountainous Forest Area of the Republic of Bashkortostan in the Years of Great Patriotic War, *Izvestiya of Altai State university*, 2020, no 5 (115), pp. 102—107. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Тряхов Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru

Tryakhov Ilya Sergeevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History of Russia, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 153—162.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 153—162.

Научная статья

УДК 165.12

DOI: 10.46726/И.2023.3.16

ПРЕДПОНИМАНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Сознание — это высшая интеллектуальная способность человека, которая проявляется в способности осознанно действовать в мире, находить ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать собственное существование. Сознание — это и философское понятие, соотнесенное с процессом познания, результатом которого является обладание знанием. Современная наука описывает сознание, отталкиваясь от факторов мыслительной деятельности человека: его чувств, интенций, творческих идей, мыслей. Тем самым сознание предстает как феномен, в котором отражается все многообразие духовного мира человека. Аксиологический смысл сознания выражается посредством таких понятий, как «субъективная реальность», как проявление форм «идеального», в многообразии которого находит отражение ценностное отношение человека к миру, проявляется его воля и целеустремленность. Этот аспект рассмотрения приближает проблематику сознания к вопросам социологии, где сознание — общественное сознание — предстает как естественная устремленность человека к существованию в обществе, в социальной среде, в исторически сложившейся культуре. Для современной философии характерно разнообразие концепций сознания, развиваемых в рамках существующих и неконкурирующих друг с другом философских течений: философия жизни, экзистенциализм, феноменология, герменевтика, философия языка и т. д. Предпонимание как феномен сознания ассоциируется с тем, что предшествует ясности нашего понимания (языка, речи, жеста, образа, текста). Предпонимание сопровождает познавательную деятельность и является важной составляющей процесса интерпретации. Тем самым проблематика предпонимания может рассматриваться в герменевтическом, феноменологическом и социологическом контекстах. Именно этим аспектам проблемы посвящена данная статья.

Ключевые слова: сознание, познание, предпонимание, феноменология, герменевтика, социология

Для цитирования: Шульга Е.Н. Предпонимание как феномен сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 153—162.

Original article

PRE-UNDERSTANDING AS A PHENOMENON OF CONSCIOUSNESS

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Annotation. Consciousness is the highest intellectual ability of a person, which is manifested in the ability to consciously act in the world, find the value orientations of their being and creatively transform their own existence. Consciousness is also a philosophical concept, correlated with the process of knowledge, the result of which is the possession of knowledge. Modern science describes consciousness, building on the factors of human mental activity: feelings, intentions, creative ideas, and thoughts. Thus, consciousness appears as a phenomenon that mirror the variety of the spiritual world of man. The axiological meaning of consciousness is expressed through such concepts as “subjective reality”, as a manifestation of the forms of the “ideal”, in the diversity of which the value attitude of a person to the world is reflected, their will and purposefulness are manifested. This aspect of consideration brings the problems of consciousness closer to the issues of sociology, where consciousness - social consciousness appears as a natural aspiration of a person to exist in society, in a social environment, in a historically formed culture. Modern philosophy is characterized by a variety of concepts of consciousness developed within the framework of existing and non-competing philosophical trends: philosophy of life, existentialism, phenomenology, hermeneutics, philosophy of language, etc. Pre-understanding as a phenomenon of consciousness is associated with what precedes the clarity of our understanding (language, speech, gesture, image, text). Pre-understanding accompanies cognitive activity and is an important component of the interpretation process. Thus, the problems of pre-understanding can be considered in hermeneutic, phenomenological and sociological contexts. It is these aspects of the problem that this article is devoted to.

Key words: consciousness, cognition, knowledge, pre-understanding, phenomenology, hermeneutics, sociology

For citation: Shulga E.N. Pre-understanding as a phenomenon of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 153—162.

Введение

Глубокое и всестороннее рассмотрение проблематики сознания предполагает выход на фундаментальные вопросы, касающиеся понимания сущности человеческого сознания как феномена: от его происхождения и первых опытов концептуальных построений, представленных в истории философской мысли, до различных форм проявления сознательной, разумной деятельности человека. Сложность и многоаспектность проблематики сознания, ее принципиально концептуальный характер и философские перспективы — все это направляет исследователей к тому, чтобы прояснить совокупность тех возникающих и актуальных сегодня проблем, которые ставят перед философией задачу познания сознания на его сущностном уровне. И здесь нельзя обойти вниманием тот факт, что познание предметов мира на их сущностном уровне или, другими словами, познание сущности вещей — это первостепенная задача философии, сформулированная еще в эпоху Античности.

В греческом миропонимании познать сущность вещей мира — это значит проникнуть внутрь этих вещей, раскрыть их структуру, организацию и понять

механизм функционирования. Познание сущности вещей предполагало также формулирование обоснованного и аргументированного представления о самих этих вещах. Представления о них необходимо было выразить на языке таких понятий, которые просты для понимания людей и при этом максимально отражают природу тех вещей, на которые направлено познание. Тем самым постепенно закладывалась методологическая основа познавательной, философской и научной деятельности, создавался специальный понятийный язык. Причем сущность самой познавательной деятельности раскрывалась (и сообщалась) либо благодаря введению в философский лексикон новых понятий, либо посредством придания нового смысла традиционным понятиям философского языка.

Важно обратить внимание и на тот факт, что древнегреческие философы в своих объяснениях стремились к максимальной простоте, минимизируя используемый понятийный язык и применяя одни и те же слова и термины по отношению к различным явлениям и множественности элементов, имеющих отношение к целостному восприятию этих явлений. Так, понятия: мир (*kosmos*), природа (*physis*), принцип, или начало (*arkhe*), разум (*logos*), введенные в философский лексикон досократиками, передавали такие внутренние свойства вещей и предметов, которые можно было систематизировать, исходя из одних и тех же начал.

Например, понятие «космос», или в более широком смысле, «мир», имеет отношение к представлению греков об упорядоченности (чего-либо), что систематически наблюдаемо, но при этом неизменно в проявлении своей сущности: космос с его звездным миром и красив и непостижим. Такая смысловая двойственность понятия «космос» включает в себя два аспекта: эстетический и рациональный. Если первый, эстетический смысл связан с непосредственным восприятием звездного неба, великолепие которого зримо и наблюдаемо, то второй аспект, рациональный, предполагает участие познающего разума, усматривающего (предугадывающего) в упорядоченном звездном небе изменения и закономерности, порой необъяснимые по своей внутренней природе. Отсюда следует и новый, дополнительный смысл понятия «мир», который имеет отношение не только к космосу как упорядоченной структуре, с вероятностью воспринимаемой греками именно таковой, но и ко всему, что существует.

Приведенный пример использования одних и тех же схожих по объему понятий в отношении разъяснения сути вещей, свидетельствует не о скудности философского понятийного языка, который только складывался, но, скорее всего, о стремлении первых философов соединить, казалось бы, несоединимое — найти нечто системно общее, сущностно единое в многообразии наблюдаемого мира вещей, явлений, событий. Такая задача осознается философами как исходящая непосредственно от человека с его пытливым интересом к миру, природе, к самому себе, наряду со стремлением обнаружить то, что составляет во всем этом гармоничное целое — легко понятное целое. Но как достичь понимания? Посредством знания — отвечают философы. Связано ли понимание сущности вещей с каким-то конкретным знанием? Да, поскольку разным типам знания соответствуют различные типы вещей.

Концептуальный смысл понятийного языка античных философов

Опираясь на историко-философский материал, мы постараемся некоторым образом прояснить эволюцию взглядов мыслителей прошлого на процесс познания и показать какие абстрактные понятия общефилософского смысла использовали греческие философы, разъясняя сам факт получения знания через

осуществление познания и приближаясь тем самым к пониманию сути человеческого сознания, его феноменов.

Одно из центральных философских понятий, используемое по отношению всей выстраиваемой иерархии бытия, жизни и мысли — это душа. У ионийцев душа соотносится с одним из элементов Природы — воздухом или огнем. Гераклит говорит о душе, придавая ей конкретные жизненные свойства, рассуждая о наилучшей и мудрейшей душе. Но когда он рассуждает о закономерностях мира, то понимает под этим не просто какие-то естественные факты — этот вселенский закон Гераклит впервые называет *Логосом*, термином с очень широким смыслом. «Логос у Гераклита это — начало, определяющее все процессы быстротечного мира, рациональная его сущность, сходная с тем, что человек сознает в себе как разум. Эту родственность мышления и “скрытой гармонии” космоса философ подчёркивает, называя и то другое “Логосом”. “Идя к пределам души, их не найдешь, даже если пройдешь весь путь: таким глубоким она обладает Логосом”; “душе присущ самообогащающийся Логос”. И по аналогии с человеческим разумом Логос мира проявляет себя как “замысел, устроивший все”» [Мень: 112]. Однако утверждая, что источником Логоса является вселенский огонь, Гераклит остается в границах натурфилософии.

Софисты рассматривали душу как связанную исключительно с ощущениями. Вслед за ними Демокрит соотносит ощущения с душой и умом, описывая душу как состоящую из гладких и круглых атомов. Интересно обратить внимание на тот факт, что именно софисты отдают приоритет образованию в деле формирования правильного состояния души. Они утверждают принцип воспитания людей посредством осознания ими того, что является добродетелью, придавая тем самым процессу обучения философский смысл и этическую направленность, воспитывая ум и душу.

Для Платона душа человека — этоместилище знания и, одновременно, принцип жизни. В первом случае приобретение и освоение полученного знания, открытие в самом себе знания чего бы то ни было предполагает некоторые умственные усилия, связанные с припоминанием (того, что душа когда-то знала, но забыла). Столкнувшись эту мысль Платона, исследователь античной философии Т.В. Васильева пишет: «Душа имеет не только внутреннюю речь, логос, позволяющий ей подвергать разбору все внутреннее содержание, она имеет еще и внутреннее пространство воображения, которое как раз и поставляет логосу объекты разбора» [Васильева: 312]. В пространстве воображения, согласно Платону, встречаются две природы человеческой души — земная и небесная, куда поступают образы идей и образы предметов, их образующие. В этом едином пространстве воображения происходит сложный процесс преобразования: чувственно воспринимаемый образ предмета переходит в образ идеальный. Именно идеальный образ Платон относит к особому типу знания, эпистемическому знанию, полученному в результате познания.

Однако процесс познания на этом не останавливается. «Логос переводит это знание в определение, в ту словесную форму, которая может быть передана от одной души к другой» [Васильева: 313]. Но логос не является частью души. Логос — это речь, часто беззвучная внутренняя речь, которую человек ведет с самим собой. Например, задавая себе вопросы и находя на них ответы. Именно в диалоге с самим собой проявляется сущность той истинной диалектики, которой придерживались греческие философы, соединяя многое в единое и это единое разъединяя на множество составных частей. Такая работа ума — это еще и работа со словом, с логосом. Решить задачу

правильного словоупотребления, согласно Платону, способствует диалектика, поскольку правильность словесного выражения всецело зависит от того, в какой мере используемые слова передают сущность обозначаемой вещи. И это происходит не случайно, поскольку истинность наших представлений о предмете обусловлена реальностью самих этих предметов. Вместе с тем, человек способен познать вещи на их сущностном уровне благодаря тому, что мышление усматривает неизменные образцы вещей и общую им сущность, выраженную в понятии, в слове. Иначе говоря, понятие раскрывает сущность вещи уже только в силу того, что человеческое мышление способно усмотреть неизменные образы вещей, выразив общее в едином понятии.

Логос у Аристотеля — это разум, тогда как душа определяется им как «энтелехия», форма, конечная реализация тела. Причем душа и тело не две различных вещи, а два аспекта психофизического единства. Этот взгляд философа находит отражение в представлении о жизни во всех ее функциональных проявлениях. Так, потенциально живыми являются «органические» тела растений, поскольку растения обладают функциональными органами, как и тела животных и человека. Простейшая функция души — питание и размножение, что можно наблюдать уже у растений. Душа животных обладает, кроме того, функцией движения и чувственного восприятия. Наконец, функциональная организация человеческой души раскрывается в его разуме и посредством разума.

Другой важный и философски значимый термин, указывающий на представление о том, что такое разум, ум, дух, мысль — это «нус» (*noys*). С ним связано начало сознания и самосознания. В то же время, нус — это и принцип интуитивного знания, которое имело свою предысторию. И если Анаксагор объяснял истоки возникновения мира понятием «нус», то Аристотель придавал ему новый смысл. У него нус — это «эйдос эйдосов», перво-двигатель и причина всего существующего, вершина универсума. «Наиболее значимыми для истории философии моментами античного учения об умнусе следует считать его разработку у Аристотеля и Плотина: представление о тождестве в актуальном уме субъекта и объекта, об интеллектуальном (умном) созерцании и т. п.» [Шичалин: 522—523].

От понятия «понимание» к концепции предпонимания

Приведенный краткий исторический экскурс в понятийный язык философии показывает, что эти понятия имеют общее предназначение — они проясняют смысл высказываемых положений, облегчают понимание отдельных концепций и, встраиваясь в целую систему философского знания, делают это знание понятным. Однако нельзя не заметить, что в потоке смыслового изменения понятийного языка философии закономерным образом возникает новая проблема — проблема понимания. В случае оценки исторического значения сформулированных греческими мыслителями концептуальных положений, понимание их не сводится только лишь к простому суммированию высказанных философских идей, но к их интерпретации, ориентированной, в числе прочих задач, на разработку методологической проблематики.

Акцент на методологических проблемах интерпретации обусловлен чрезвычайной актуальностью проблемы понимания, которая оказывается вовлеченной в более широкий комплекс проблем сознания. Но, прежде чем рассматривать процессы, происходящие на уровне сознания как специфической деятельности, обратимся непосредственно к тому, что такое понимание. Сразу же поясню: вопрос о природе понимания, о сущности понимания является

одним из наиболее сложных. Тем не менее, укажу на некоторые случаи, в которых понятие «понимание» употребляется в языке. Так,

1) понимание означает умение следовать избранной цели, например, правильно выбрать дорогу;

2) понимание связано со способностью предвидеть и прогнозировать, реализовывать на практике свое намерение;

3) понимание означает способность находить словесный эквивалент конкретной мысли, высказанной другим человеком, а также умение подтверждать верность слов, им сказанных, удостоверяя тем самым, что один из собеседников понял другого;

4) понимание означает способность согласовывать действия с другими людьми, действовать сообща согласно «общей программе», соответствующей конкретной ситуации;

5) понимание имеет отношение к способности формулировать и решать проблему через последовательность интеллектуальных действий, приводящих к ее решению;

6) понимание выражается в способности демонстрировать приемлемую реакцию на какое-либо высказывание о предмете (это касается различных споров и дискуссий, где обязательной предпосылкой понимания является единство языка, к которому прибегают участники дискуссии);

7) понимание предполагает демонстрацию умения правильно рассуждать о предмете, используя имеющееся знание об объекте или о конкретной ситуации. «Понимание, — писал В. Гейзенберг, — означает адаптацию нашего концептуального мышления к совокупности новых явлений» [Гейзенберг: 77]. В этом последнем случае понимание наиболее близко к знанию, хотя и отличается от него. Если знание характеризовать как выражение определенного отношения к объекту (например, к объекту научного исследования), то понимание как раз и будет результатом знания об этом знании. Между тем знание, полученное в результате интерпретации того или иного текста, также предполагает участие понимания, что делает актуальным поиск наиболее адекватной процедуры интерпретации.

Методология философской интерпретации разрабатывается современной философской герменевтикой, предмет которой можно определить как поиск согласования между пониманием и интерпретацией. Конечно, данная проблематика не нова в том смысле, что она формировалась в процессе многовековой традиции толкования устного слова, его герменевтического анализа. Эта интеллектуальная практика закладывала основы античной герменевтики, которая развивалась от искусства толкования устного слова, речи к разъяснению подлинного значения того, что стоит за вопрошанием или содержится в ответе на задаваемый вопрос. Со временем обращение к текстам различного содержания (сложных и неоднозначных для понимания) вывело герменевтику на теоретический уровень, и она стала рассматриваться как теория интерпретации. Эта направленность герменевтического анализа (герменевтического подхода) наиболее ярко проявилась в традиции интерпретации текстов религиозного содержания: «библейская герменевтика», «христианский экзегезис» и т. д. В конечном итоге герменевтика приобрела статус философской дисциплины, разрабатывающей методологию интерпретации текстов (литературных, поэтических), музыкальных и художественно-изобразительных образов. Исторически сложившееся разнообразие направлений герменевтики тем не менее объединяет общая для них цель: поиск смысла текстов и их понимание.

Наконец, вместе с постепенным переходом к вопросам фундаментального характера философская герменевтика не ограничилась изучением текстов, выяснением смысла и значения этих текстов, но включила в поле своей проблематики рассмотрение различных аспектов деятельности мышления, познания и сознания, необходимых для понимания интеллектуальной познаваемости смысла.

Если в отношении перспектив получения нового знания греки выстраивали определенную зависимость типа знания от специфики изучаемых объектов, то современные философы используют тот же прием в отношении понимания и интерпретации. Другими словами, характер изучаемого источника, содержание текста обуславливает выбор адекватного метода его интерпретации. Отсюда разнообразие методов интерпретации, их разграничение на универсальные, применяемые в отношении текстов с любым содержанием, и специальные — методы анализа и интерпретации, соответствующие специфике текстов. Во всех случаях выявлять содержание текста, раскрывая его истинный, часто скрытый смысл в процессе интерпретации — значит, стремиться к пониманию этого текста.

Замечу, что уже в античной герменевтике наметились две тенденции в решении проблемы понимания. Это, во-первых, тенденция к универсализации предмета понимания (от понимания отдельного высказывания или устной речи как искусства вести диалог — до текста написанного) и, во-вторых, тенденция универсализации деятельности понимания (от практического умения и профессионального истолкования до способа познания и предпонимания познанного). «Момент понимания, который сопутствует любой форме освоения действительности и любому уровню познания — через соотнесенность с языком, речью или, напротив, через умолчание или любую внеречевую форму передачи информации (жест, поза, звук, знак, символ) — этот момент понимания-озарения наличествует повсеместно, подтверждая тем самым универсальность герменевтики» [Шульга: 90]. Таким образом, вопросы соотношения понимания и интерпретации, ставшие традиционными для герменевтики, сохраняют свое ценностное значение в построении общей методологии понимания. При этом проблематика понимания затрагивает как вопросы получения знания (в процессе познания), так и выходит на глубинные аспекты познавательной и осознанной деятельности, выясняя функциональные особенности самого этого процесса. Так возникает новая проблема — проблема предпонимания.

Близость познания и понимания кажется очевидной, поскольку в центре внимания человека «познающего» — осознание им того, что дано ему в мыслях. Поэтому предпонимание — это феномен сознания; феноменологический акт осознания того, что в данный момент размышления присутствует в мыслях, что «схвачено» предпониманием, а затем проявлено в мыслях и выражено в слове. Принимая как данность эту особенность мыслительной деятельности сознания, мы тем самым должны принять и следующее утверждение: как нет знания без познания, так нет понимания без предшествующего ему предпонимания.

Первоначально разработанное в герменевтике понятие предпонимания предполагает, что мы всегда основываемся на предварительном понимании исследуемых явлений. Например, основываемся на индивидуально или коллективно накопленных знаниях, сведениях, идеях, перспективах, убеждениях, обычаях, предложениях, целях, интересах. Учитывая тот факт, что предпонимание носит повсеместный характер, крайне важно тщательно рассмотреть, как предпонимание (или предварительное понимание) исследователя влияет на понимание и как оно может быть использовано с целью дальнейшего

получения знаний. На этом пути встает вполне философский вопрос: как мы понимаем и как получаем знания о реальности?

Как известно из истории герменевтики, перспективное отношение к процессу получения нового знания в философии и/или в науке заключается в том, что развитие этих знаний требует некоторого первичного понимания явления, к которому обращается исследователь. Поэтому для того, чтобы развивать знания в какой-либо конкретной области или проблематике, мы не только должны предположить такую возможность в принципе, но и учитывать именно то, что наше предпонимание делает для нас. Другими словами, мы должны учитывать все требования методологии познания: иметь представление о специфике объекта исследования, степени разработанности проблемы и т. д.; опираться на знание предмета исследования, и при этом отчетливо осознавать то, что именно наше предпонимание позволяет нам интерпретировать что-то как нечто в первую очередь. В философском смысле это означает первичность фактора предпонимания в развитии того знания, к которому направлены наши интеллектуальные усилия. Таким образом, предпонимание предстает как необходимое условие развития знания.

Предпонимание обеспечивает первоначальное понимание исследуемого объекта или явления, которое (потенциально) обогащается в результате дальнейших исследований. В результате новое и более полное понимание обеспечивает новое предпонимание, когда оно направляет дальнейший ход научного исследования. Этот процесс согласуется с постоянным ростом знания, которое может постоянно наполняться новым содержанием. С эпистемологической точки зрения это означает следующее: установленное и зафиксированное в сознании понимание мы всегда привносим в феномен, который изучаем или намереваемся исследовать.

Однако мы не должны абсолютизировать предпонимание в качестве элемента единственно верного пред-знания, принадлежащего лично кому-то. Дело в том, что самоочевидность нашего «предварительного понимания», иногда кажущаяся, может порождать иллюзию неоспоримости знания на том лишь основании, что наше предпонимание как некое предчувствие «нового»: новой идеи, нового знания или ожидание и предчувствие радикальных изменений и т. д. — оценивается как благоприятное условие для их появления. Такого рода иллюзии наиболее ярко проявляют себя в социальной сфере, когда чье-то личное предпонимание (каких-то событий или их последствий) основывается на неверной, часто амбициозной оценке социальной реальности, рассматриваемой с точки зрения перспективы «ожидаемых» процессов, происходящих в обществе или социальной среде. В этом последнем случае речь идет скорее всего о намеренной демонстрации социальному сообществу предубеждений личного характера. Например, гендерных стереотипов, расовой дискриминации, односторонности взглядов и других проблемных предрассудков, которые негативно сказываются на амбициях. В свою очередь сами амбиции, проявляемые таким негативным образом, обычно преодолеваются исходя из достоверных данных и надежных знаний посредством строгого и осознанного следования этим данным, без каких-либо предвзятых истолкований.

Главной стратегией для осознания возникающей конфронтации является диалог. Именно диалог с другими людьми предоставляет нам возможность оценить и сравнить различные взгляды на предмет обсуждения. При этом критерием успешного использования предпонимания в этом случае является то, что оно не просто воспроизводится, а фактически изменяется.

В позитивном значении это означает, что предпонимание может стать источником вдохновения при генерации идей или формулировании последовательности исследовательских шагов и в постановке новых вопросов. Другими словами, предпонимание может обогащать исследовательский процесс, начиная от постановки проблемы и заканчивая написанием текстов.

Относительно определения роли предпонимания в исследовательской деятельности следует признать, что предпонимание может быть тем благоприятным условием, которое действительно способствует развитию знания, даже лишь в силу того, что предпонимание как феномен сознания является значительным подспорьем в получении знаний. Чаще всего предпонимание воспринимается и осознается самим исследователем как должное, но иногда используется слабо и ограниченно — именно эта ситуация ставит перед философами новую задачу, связанную с концептуализацией взглядов на фактор предпонимания, что в конечном итоге должно способствовать всестороннему рассмотрению предпонимания и повышению его эпистемологического значения.

Заключение

Методология интерпретации, направленная на преодоление предвзятых мнений и предрассудков, должна использовать научный метод, основанный на систематических эмпирических наблюдениях, убирать из аргументации ссылки на личный жизненный опыт и, наконец, принимать во внимание то обстоятельство, что концептуальные рамки, парадигмы, культурные конвенции, язык и т. д. могут формировать нашу собственную исследовательскую деятельность. Тем самым идея диалога с другими дает нам некоторые указания на то, как добиться большей результативности в исследовании предпонимания, рассматриваемого как феномен сознания и как важный фактор знания.

Предпонимание может обогатить анализ ввиду разнообразия смыслов эмпирического, теоретического и культурно-исторического характера, подразумеваемых исследователем. Нельзя не учитывать личное предпонимание ученого, считая его само собой разумеющимся, интуитивным или неявным интеллектуальным подспорьем. Напротив, предпонимание можно (и нужно) использовать явно и систематически как в живом диалоге, обсуждении, в научном и философском дискурсе, так и в творческой профессиональной деятельности, когда создаваемый философский текст начинается с рассмотрения истории вопроса с указанием на степень разработанности проблемы, с чего, собственно, и начиналось мое исследование проблемы предпонимания.

Использование предпонимания в научном исследовании направлено не только на интерпретацию философской литературы и оценку уже имеющихся сведений и знаний, но призвано показать, что предпонимание способно повысить шансы на более творческое и, одновременно, корректное использование тех или иных суждений. В этом последнем случае предпонимание (как осознанное пред-знание) может нести в себе гораздо больше историко-философских сведений и фундаментальных мировоззренческих знаний, чем это нужно при буквальном следовании литературе по данному вопросу. Поэтому в завершении сошлюсь на известное высказывание Канта, которое можно рассматривать и как важный принцип познания: «Имей мужество пользоваться *собственным* умом!» [Кант: 53].

Список литературы / References

- Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический Проект; Трикта, 2008. 735 с.
(Vasilyeva T.V. Poetics of ancient philosophy, Moscow, 2008, 735 p. — In Russ.)
- Шичалин Ю.А. НУС // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция. 2008. С. 522—523.
(Shichalin Yu.A. Nous, *Antique Philosophy: Encyclopedic Dictionary*, Moscow, 2008, pp. 522—523. — In Russ.)
- Мень А. Дионис, Логос, Судьба. // Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 396 с.
(Men' A. Dionysus, Logos, Destiny, *Greek Religion and Philosophy from the Age of Colonization to Alexander*, Moscow, 2002, 396 p. — In Russ.)
- Гейзенберг В. Что такое «понимание» в теоретической физике? // Природа. 1971. № 4. С. 75—77.
(Heisenberg W. What is “understanding” in theoretical physics?, *Nature*, 1971, no.4, pp. 75—77. — In Russ.)
- Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.
(Shulga E.N. Cognitive Hermeneutics, Moscow, 2002, 235 p. — In Russ.)
- Кант И. Изречения / сост. и науч. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 91 с.
(Kant I. Aphorisms, ed. by V.N. Bryushinkin, Kaliningrad, 2010, 91 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Science (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 163—168.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 163—168.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2023.3.17

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЙСТОРИЗАЦИЯ: ОТЧУЖДАЮЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЭКСПРОПРИАЦИЯ ДАННЫХ И ЦИФРОВОЕ РАБСТВО

Сильвия Стефановна Минева

Софийский университет им. Св. Кл. Охридского, г. София, Болгария,
silvia_mineva@abv.bg

Аннотация. В статье предлагается анализ механизмов и последствий экспроприации персональных данных в Интернете и, в частности, в социальных платформах, с целью извлечения добавленной стоимости и капитализации в новых сферах жизни, таких как неформальное общение и межличностный обмен информацией. Развитие этой практики приводит к возникновению новых форм скрытого принуждения и зависимости современного человека: цифрового рабства, отчуждающего эффекта (высшего) образования и потери исторического контекста человеческого сознания и мировоззрения из-за дефицита исторического мышления и знания как процесс деисторизации. Анализ обсуждаемых в статье явлений приводит к выводу, что для их преодоления необходимо не только правовое регулирование, но и пересмотр принципов современного социального, экономического и технического прогресса, которые ведут к навязыванию технологического господства в мире как автоматический, слепой процесс и потери исторического смысла общества и человеческой жизни. Такая ревизия не под силу технологам и технократам, потому что она требует гуманитарных знаний и подхода.

Ключевые слова: экспроприация данных, цифровое рабство, отчуждение, высшее образование, деисторизация

Для цитирования: Минева С.С. Технологическая деисторизация: отчуждающее образование, экспроприация данных и цифровое рабство // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 163—168.

Original article

TECHNOLOGICAL DEHISTORICIZATION: ALIENATING EDUCATION, DATA EXPROPRIATION AND DIGITAL SLAVERY

Silviya S. Mineva

Sofia University St. Kl. Ohridski, Sofia, Bulgaria, silvia_mineva@abv.bg

Abstract. The article proposes an analysis of the mechanisms and consequences of the expropriation of personal data on the Internet, and in particular on social platforms, in order to extract added value and capitalize in new areas of life, such as informal communication

© Минева С.С., 2023

and interpersonal information exchange. The development of this practice leads to the emergence of new forms of hidden coercion and dependence of modern people: digital slavery, the alienating effect of (higher) education and the loss of the historical context of human consciousness and worldview due to the lack of historical thinking and knowledge as a process of dehistoricization. An analysis of such phenomena leads to the conclusion that in order to overcome them, not only is a legal regulation necessary, but also a revision of the principles of modern social, economic and technical progress, which lead to the imposition of technological domination in the world as an automatic, blind process. Such a revision is beyond the power of technologists and technocrats, because it requires humanitarian knowledge and approach.

Keywords: expropriation of data, digital slavery, alienation, higher education, dehistoricization

For citation: Mineva S.S. Technological dehistoricization: alienating education, data expropriation and digital slavery, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 163—168.

Сегодня люди ожидают, что технологический прогресс обеспечит им большую свободу, долгую жизнь, крепкое здоровье, быстрый доступ к информации, немедленное общение, новые удовольствия и развлечения, что позволит заполнить свободное время. Идея о технологической панацее, вера во всемогущество техники и в ее возможности решать проблемы каждого не новая и имеет свою историю. Однако сегодня она очень удобна для оправдания глобальной технологической экспансии, нарастающего технологического контроля над человеком и распространения технологического господства на весь мир. Начало этой экспансии было положено в XX веке мировой гонкой вооружений. Благодаря этой гонке многие технологии, которые сегодня нам привычны, такие как микроволновые печи, спутниковое телевидение, контактные линзы, Интернет и др., были созданы в результате глобального соперничества за военное превосходство. Их появление и использование подтверждают неоднозначность технического прогресса, новейшая история предоставила нам довольно много примеров: лампочка и электрический стул, атомные электростанции и атомные бомбы, автономные машины и автономное оружие...

Неоднозначность технического прогресса продолжается и углубляется сегодня, когда планетарные и космические масштабы прогресса подвергают нас глобальным экологическим и социальным рискам — угрозе ядерной катастрофы, необратимому изменению климата, нарастающему социальному и экономическому неравенству и общей неопределенности. Помимо физических угроз уничтожения планеты и природы мы уже сталкиваемся и с рисками, которые возникают из-за усиления зависимости людей от новых, интеллектуальных технологий коммуникации, информации, дистанционного общения, обучения и др., которые вторгаются во внутренний мир человеческого познания, мышления и чувств. Все больше современные критики технологичной парадигмы замечают возможные опасные последствия этого вторжения и предупреждают о них. Так, например, гарвардский профессор Шошана Зубов замечает, что в отличие от индустриальной цивилизации, которая развивалась за счет естественной природы, информационная развивается за счет человеческой природы и угрожает изжить нас от нее, рассчитывая на капитализированные формы наблюдения [Zuboff: 16].

Как участники онлайн мира мы полагаемся на интеллектуальные технологии персонализации нашего контента в Google, которые помогают нам ориентироваться в интернете в соответствии с нашими личными предпочтениями. В результате все пользователи сети генерируют множество персональных

данных, которые алгоритмы собирают, систематизируют и сохраняют. Наш цифровой след описывает нашу личность и с каждым последующим онлайн действием становится все более подробным и конкретным. Обработка данных осуществляется непрерывно и еже часно такими платформами, как Facebook, Google, Amazon. Она заключается в экспроприации данных через их идентификацию, «диссекцию» и сортирование отдельных элементов поведения пользователей, таких как их предпочтения, социальные связи, реакции на сообщения и рекламные объявления, или с помощью веселых опросов и игр [Минева, Карагеоргиева: 9—15]. В результате обработки мысли чувства, переживания и желания «эмансипируются» от каждого потребителя как их создателя и собственника, а сами потребители становятся сырьем для их производства и превращения в товар рынка цифровой экономики, который «кормит» финансовые потоки технологических инноваций. Так мы незаметно становимся цифровыми существами, которые живут в хранилищах данных и путешествуют по каналам их передачи. Но эти каналы и хранилища не являются нашей собственностью. Хотя потребление контента онлайн-платформ и использование социальных сетей является для нас бесплатной услугой для обмена информацией и общения, все они управляются как частные капиталистические предприятия, независимо от того, идет ли речь о физическом или нематериальном капитале [Фери 2017: 154—157].

Интернет-технологии отслеживают и документируют все действия в онлайн-пространстве, превращая пользовательские данные в источник прибыли. Чтобы обеспечить непрерывный поток данных, платформы приглашают пользователей ежеминутно поделиться мыслями, опытом, впечатлениями, проблемами. Каждый день Facebook спрашивает своих потребителей, что они думают, предлагает им посетить интернет-магазины и коммерческие сайты или пройти забавный тест и поделиться его результатами с друзьями. Преобразование в данные того, что подделано, придает материальное измерение общению и человеческой социальности, а за добровольным на первый взгляд участием в цифровой вселенной скрывается незаметное принуждение к их экспроприации. Обмен данными и профилирование пользователей происходит тем интенсивнее, чем больше им предлагаются новые возможности для участия и активности в онлайн-мире торговли, услуг, общения, обучения и развлечения. Таким образом, социальные сети эксплуатируют естественные проявления любопытства и социальности людей и позволяют присваивать плоды их незаметного «цифрового труда» как производителей данных. Хотя результаты этого труда продаются по высокой цене и приносят круглосуточно прибыль своим продавцам, пользователями он выполняется совершенно бесплатно, становясь аналогией цифрового рабства [Vandenberghe: 883].

Как технология алгоритмическое извлечение, анализ и сохранение данных может быть инновационным и новым шагом технического прогресса, но цели использования технологии не являются ни новыми, ни революционными. Речь идет о коммерциализации все более разнообразных сфер жизни и деятельности человека через их преобразование в новые территории для эксплуатации и извлечения прибавочной стоимости. Как новый вид эксплуатации человека появление и развитие цифрового рабства требует пересмотра понятий о собственности и «рабстве» в контексте онлайн-систем для мониторинга, контроля и манипулирования поведением путем воздействия на волю способами, которые остаются скрытыми для манипулируемых, и таким образом повышают уровень принуждения [Chisnall: 488]. Речь идет о возможностях современных компаний,

организаций и корпораций, обладающих огромными объемами персональных данных, склонять своих пользователей к желаемому поведению с помощью эффективных маркетинг-стратегий и персонализированных предложений, сформулированных с учетом их индивидуальных особенностей. В результате в цифровом пространстве возникают новые формы манипуляции и поведенческого контроля, а онлайн-мир формирует убеждения, навязывает правила и диктует, как и что мы потребляем. Таким образом, сегодня мы сталкиваемся с ранее неизвестными, глобальными возможностями и уровнями дезинформации, социальной поляризацией, неравенством, отчуждением, монополизацией доступа информации и ее манипулированием, неважно, идет ли речь о вакцинах или войнах. Это приводит не только к превращению в товар межличностного общения, обмена информацией, знаниями и т. д., но и к затруднению общественно-политического диалога [Keen: 5—10].

Поэтому многие современные критики подчеркивают политическую значимость дискуссии о технологиях и настаивают на том, что они нуждаются в более строгом правовом регулировании, но его реализация оказывается очень сложной из-за господствующего в обществе духа потребительства, а также из-за частных интересов, которые стоят за стимулированием искусственных потребностей с помощью техники и ее ускоренного совершенствования. Это приводит к бесконечной гонке технологий и правил их применения. В этой гонке дистанция увеличивается в пользу технологий, потому что регулирование зависит от демократического представительства в государственном управлении интересов разных групп общества, включая интересы технологического бизнеса или его лоббистов. В результате эффективность правового регулирования оказывается скромной и часто сомнительной из-за компромиссного характера норм, которых требуют либеральный общественный порядок и рыночная экономика. Более того, как это ни парадоксально звучит, но даже судебная система вынуждена прибегать к технологиям и услугам искусственного интеллекта ради собственной эффективности. В некоторых странах — Эстонии, США, Китае — уже существуют проекты искусственного интеллекта-судьи и искусственного интеллекта-адвоката, которые полагаются на информацию и данные алгоритмов о людях и их поведении, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии нарушений законов.

Цифровая перспектива технологического контроля и влияния поднимает вопрос о том, что произойдет с обществом, политикой и повседневной жизнью, если цифровое рабство станет нормой, а умные алгоритмы будут в состоянии контролировать нас и манипулировать нашим поведением, потому что они лучше знакомы с нашими телами, способностями и желаниями, чем мы?

Обсуждая этот вопрос, историк и антрополог Ю.Н. Харари делает прогноз, что если люди продолжат заботиться о скорости Интернета, развитии искусственного интеллекта и фондовых индексах больше, чем о социальной справедливости, правде и собственной гуманности, в конце концов они утратят свой суверенитет как свободные личности и станут апатичными, социально бесчувственными, а в мире установится цифровая диктатура и власть алгоритмов, которая сотрет границы между экономикой, политикой, культурой, религией, наукой, образованием [Харари: 59—60]. Так, Харари утверждает, что негативные последствия экспроприации данных и дегуманизация человека и его жизни требуют пересмотра целей и принципов, управляющих сегодняшним миром. Тот же самый пересмотр имел в виду и французский философ Люк Ферри, когда отметил, что наш настоящий мир теряет смысл, потому что он лишен цели и направления [Ферри 2010: 196]. По его мнению, причина этого дефицита смысла в том,

что в условиях либеральной глобализации люди не в состоянии коллективно писать свою историю, участвовать в ней и иметь право голоса для определения своей судьбы и ее изменения к лучшему. Наоборот, сегодня ничто не дает нам уверенности в том, что история повернулась к лучшему, и нельзя ожидать, что превращение всего в товар и технологию, а человека — в кучу данных приведет в будущем к появлению более свободных и счастливых людей. По сути дела, речь идет об деисторизации как о лишении человека, общества и жизни исторического контекста вслед за распространением технологического господства в мире как автоматического, слепого процесса.

Феномен деисторизации проявляется по-особому в сфере высшего образования и университетского обучения. Сегодня они становятся все более отчуждающими под влиянием либерально-рыночного взгляда о них как образовательной индустрии, которая заставляет преподавателей уделять все больше и больше времени формальным обязанностям в ущерб исследованиям и преподаванию. Они должны заполнять огромное множество бесконечных форм, таблиц, опросов, отчетов и планов во имя прозрачности и эффективности университетского образования и его управления, которые сегодня обсуждаются с терминологией рыночной фразеологии. Согласно этой фразеологии, образование — товар, предоставление знаний — коммерческая сделка, преподаватели — поставщики образовательных услуг, студенты — их потребители, вузы — предпринимательские организации, а научные исследования — коммерческая деятельность, основанная на инвестициях в прикладные области знаний. Таким образом, академический мир погружен в корпоративную культуру и глобальную рыночную конкуренцию, а университеты больше заботятся о себе и меньше о внешнем мире. В результате в XXI веке университет функционирует как система, направленная прежде всего на обеспечение большего количества студентов дипломами, а высшее образование с помощью компьютеризации и внедрения современных технологий дистанционного обучения развивается как индустриальная отрасль по производству сертификатов и выпускников. Диплом считается тем более значимым, чем выше находится университет в международных и национальных рейтингах вузов, которые соревнуются друг с другом не только по уровню качества образования, но и по уровню роскоши, предлагаемой студентам, в виде спортивных залов, лучших общежитий, известных всем выпускников, хотя и не связанной с образованием или наукой.

Важный аспект растущей формализации процесса получения высшего образования и индустриализации университета — развитие дистанционного обучения как образовательной технологии, которая дает возможность проводить занятия без необходимости физического доступа к университетской базе, углубляя отчуждение между членами академического сообщества в виду отсутствия их неформального, личного общения, к которому предрасполагают очные занятия [Минева: 104]. Разумеется, происходящее сегодня с университетским образованием не единичное явление и в конечном счете оно отражает состояние и трансформацию общественных отношений вслед за экономической глобализацией, основанной на технологической экспансии, свободном рынке и бесконечной конкуренции.

В итоге приходится признать, что общественное развитие, сводящееся к превращению всего — от науки, образования и общения до частной жизни в товар и технику, а человека — в кучу данных, указывает на будущее не более свободных и счастливых людей, а на будущее цифровых рабов, служащих

технологическому прогрессу и бесконечному наращиванию капитала. В бесконечном росте капитала и развитии технического прогресса как самоцели Люк Ферри видит основную проблему сегодняшнего дня. По его словам, проблема современного капитализма не в том, что он делает богатых богаче, а бедных беднее, а в том, что отнимает у всех нас влияние на историю и лишает ее всякого смысла, распространяя технологическое господство на весь мир [Фери 2010: 197]. К этому можно добавить, что, если мы не хотим лишать историю, а значит, и самих себя смысла, нам придется пересмотреть примат индивидуалистических ценностей, группово-частных интересов и рыночных отношений, господствующих сейчас над представлениями об общем благе, человечности и прогрессе, за счет заботы о человеческом в человеке, естественном в природе и справедливости в обществе. Эта забота требует политики, экономики и образования, которые не под силу технологам и технократам, ибо она состоит в гуманитарном понимании человека, мира и общества, которое опирается больше на историю, философию и литературу, чем на право, технологии и экономику.

Список литературы / References

- Минева С.С. Дистанционное университетское образование: между академической традицией и цифровой деменцией. // Ноосферные исследования. 2021. №1. С. 99—105. (Mineva S.S. Distance university education: between the academic tradition and digital dementia, *Noospheric studies*, 2021, no. 1, pp. 99—105. — In Russ.)
- Минева С., Карагеоргиева А. Экология на виртуальных реалиях: големы данни, дигитална рационалност и техномистицизъм. София, 2021. 182 с.
- Фери Л. Да се научим да живеем. История на философията за новите поколения. София: 2010. 252с.
- Фери Л. Трансхуманитарната революция. София, 2017. 248 с.
- Харари Ю.Н. 21 урока за 21 век. София, 2019. 432 с.
- Chisnall M. Digital Slavery, time for abolition?, *Policy Studies*, 2020, vol. 41 (5), pp. 488—506.
- Keen A. The Internet is not the answer, London: Atlantic Books, 304 p.
- Vandenberghe F. Deleuzian capitalism, *Philosophy & Social Criticism*, 2008, vol. 34 (8), pp. 877—903.
- Zuboff S. The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power, New York: Public Affairs, 2019, 785 p.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Минева Сильвия Стефановна — доктор философских наук, профессор кафедры логики, этики и эстетики, Софийский университет им. Св. Кл. Охридского, г. София, Болгария, silvia_mineva@abv.bg

Mineva Silviya Stefanova — PhD, Professor of the Department of Logic, Ethics and Aesthetics, Philosophy Faculty, Sofia University named by St. Kl. Ohridski, Sofia, Bulgaria silvia_mineva@abv.bg

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 169—176.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 163—176.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2023.3.18

ЧЕЛОВЕК В УРБОСФЕРЕ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ ГОРОДА

Светлана Сергеевна Касаткина

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия,
SvetlanaCH5@rambler.ru

Аннотация. В данной статье автор раскрывает варианты конструирования и моделирования смыслов города в сознании человека посредством представления системно-семиотического видения урбосферы. Автор поднимает проблему восприятия городской реальности, основанную на языке познания города. Феномен городской идентичности — актуальная тема в городских исследованиях, междисциплинарный ресурс конструирования смыслов города. «Язык города» и «город как текст» — ключевые нарративы постижения смыслов городской идентичности. В статье обоснованы стратегии выявления идентичности человека в условиях урбосферы. В предложенном ракурсе конструирования смыслов города применяется системно-семиотический метод поиска концептуальных, структурных и субстратных смыслов урбосферы. Под концептом города понимаются целеполагающие параметры его существования. Структурные основания города раскрываются в смыслах отношений «человек — город — общество». Векторами структурных значений городской жизни для человека являются представления о городе как сфере личностного и индивидуального развития и как территории интеграции человека в мировое социокультурное пространство. Субстрат города, состоящий из элементов его физической среды, служит материалом для работы всех специалистов, задействованных в вопросах модернизации городской жизни. В качестве результата конструктивного постижения многообразия смыслов города приведены следующие выводы. Язык города реализуется во всех перечисленных системно-семиотических значениях. Понимание города как урбосферы является новым подходом конструирования знаний о городе, актуальной и востребованной информацией городских исследований и практикой работы с городской средой.

Ключевые слова: урбосфера, городская идентичность, язык города, концепт города, структура города, субстрат города

Для цитирования: Касаткина С.С. Человек в урбосфере: конструирование смыслов города // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 169—176.

© Касаткина С.С., 2023

Original article

MAN IN THE URBOSPHERE: CONSTRUCTING THE MEANINGS OF THE CITY

Svetlana S. Kasatkina

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, SvetlanaCH5@rambler.ru

Abstract. In this article, the author reveals the options for constructing and modeling the meanings of the city in the human mind by presenting a system-semiotic vision of the urbosphere. The author raises the problem of perception of urban identity based on the language of cognition of the city. The phenomenon of urban identity is an urgent topic in urban studies, an interdisciplinary resource for constructing the meanings of the city. “The language of the city” and “the city as a text” are the key narratives of comprehending the meanings of urban identity. The article substantiates strategies for identifying a person's identity in the conditions of the urbosphere. In the proposed perspective of constructing the meanings of the city, the system-semiotic method of searching for conceptual, structural and substrate meanings of the urbosphere is used. The concept of a city means the goal-setting parameters of its existence. The structural foundations of the city are revealed in the senses of the relationship “man — city — society”. The vectors of the structural values of urban life for a person are represented.

Keywords: urbosphere, urban identity, city language, city concept, city structure, city substrate

For citation: Kasatkina S.S. Man in the urbosphere: constructing the meanings of the city, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 169—176.

Представление современного человека о мире во многом связывается с осмыслением пространства, в котором он живет. Для большинства людей — это мир города, среда урбосферы. Под «урбосферой» понимается часть социального пространства, где объективируется феномен города и его элементы. Урбосфера в узком смысле — мир конкретного города, обозначаемый его концептуальными, структурными и субстратными элементами, сфера жизни, познаваемая представлением о сути того или иного города, об особенностях отношений в социальной реальности городского пространства. В широком смысле это урбанизированный мир в целом, охватывающий глобальные процессы городского развития, подчиненные системно-семиотическим формам определения города. В конкретном исследовании предлагается системно-семиотический взгляд на урбосферу с точки зрения человека (горожанина) как в широком, так и в узком смысле. Системно-семиотические практики работы с городом предусматривают возможности создания интегральных дискурсов сознания, направленных на формирование личного мировосприятия города, а также на его модернизацию, качественное преобразование в социокультурном контексте.

Город воспринимается сознанием человека, где идентифицируется не только городская среда, но и сам человек. Язык города — это один из языков познания мира. «Каждый из языков познания не просто репрезентует нам какую-то из способностей человеческого духа в постижении мира, но и содержит в себе суть этой способности, которую мы никаким иным путем, кроме как через изучение языка, постичь не можем, а также суть того фрагмента мироздания, которую эта способность наилучшим образом выражает»

[Языки глобального сознания: 127]. Рассмотрим особенности понимания и конструирования смыслов города в контексте его языка. Язык города, с одной стороны, формируется в языковом сознании личности горожанина и городского общества, а, с другой стороны, урбосфера в целом — одна из основ языковой картины мира.

Концептуальные смыслы города раскрываются языком его ключевых значений, закладываемых в образы, в имиджевые характеристики, в набор специфических черт городской идентичности. Концепт урбосферы задан целеполагающими параметрами существования города, которые определяют его социально-значимые свойства. Характерный случай конструирования языка концептов города раскрывает М.Ю. Тимофеев: «применительно к городу или региону речь должна идти о сумме свойств места и об отличительных характеристиках по отношению ко всем прочим городам/регионам. Главным же в определении будет слово “имя”. В том смысле, что брендинг не даёт имя городу/региону, а с помощью определённого набора ассоциаций “создаёт” им это имя, включает его в определённые контексты» [Тимофеев]. Концептуальные значения городов заложены во многие контексты языковых форм урбосферы — в городскую топонимику, в городские сюжеты (легенды, мифы, истории), городские диалекты и т. д. Поиск городской идентичности определяет город как текст, как особую семиотическую систему в языковом сознании общества. С помощью формирования концепта города происходит осмысление и определение городской семиотической реальности, геокультурного потенциала среды. Под геокультурным пространством города понимается «система устойчивых культурных реалий и представлений о городе, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных историко-культурных традиций, вероисповеданий, ценностных установок и норм, глубинных психологических структур восприятия» [Дианов, Дианова: 46]. Геокультурные смыслы города часто интерпретируются в креативных значениях городской среды, являются фундаментом для брендинга имиджевых характеристик территорий.

Структурные основания картины мира города скрыты в определении идентичности человека в городе и в восприятии отношений, которые развиваются между городом и человеком и обществом. Город всегда является средой жизни и характеристикой качественного к ней отношения. Языковая модель структуры урбосферы выстраивается в форматах «человек — город» и «общество — город». Особенности взаимосвязи личности, социума и городского пространства приобрели системно-семиотические модели выражения в виде разных рефлексивных значений. Отношение «человек — город» как элемент системности характеризуется пониманием различных модусов восприятия «города для человека». К примеру, идентичность города связана не только со спецификой его отличительных черт, но и с пониманием человека в его пространстве, как об этом говорит Г.В. Горнова. «Городская идентичность — это устойчивое представление человека о себе как жителя определенного города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям, приобщенность к городскому бытию, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы. Городская идентичность является конструируемым социокультурным феноменом, складывается в пространстве повседневности, основными формами ее репрезентации выступают городской нарратив, культурная память, коммеморативные практики» [Горнова: 12].

Постараемся выделить некоторые направления искомых представлений структурной связи с городом, характерные для современных людей.

Во-первых, город для человека — сфера его личностного развития. Городская жизнь создает образ города, определяющий устойчивые психологические, эмоциональные реакции в отношении к окружающему пространству. Восприятие города личностью многогранно. В истории философской мысли можно найти массу рефлексивных значений: от деструктивных до абсолютно положительных. И тем не менее каждому человеку свойственно определять свое отношение к городской реальности, выраженное в устойчивых языковых формах — «свой город», «чужой город», «город детства» и т. д. В городской общности люди проявляют свои личностные качества, определяя тем самым свой потенциал и социальные характеристики того или иного города. Согласимся с теорией Е.Ю. Поздняковой в том, что в языковой среде города происходит самоидентификация человека, предполагающая:

— «отождествление самого человека с городом, отражение городского пространства в языковом сознании горожанина, языковое конструирование образа родного города и поиск образа себя в городском пространстве;

— самоопределение, нахождение себя и своего места в речевой стихии города, идентификацию себя с определенными группами (возрастными, социальными, профессиональными и пр.) с помощью речевых кодов, отражающих вербализованные представления об иерархии ценностей данного сообщества [Позднякова]. Литературная разговорная речь, народная разговорная речь, обиходная речь и региональный компонент речи (жаргонный язык, профессионализмы, вербально-иконические тексты, городская реклама и т. д.) раскрывают структурный уровень языковой картины города, отношение горожан к городу.

Восприятие города является общественным явлением. Каждый человек, будучи частью городского социума, находит в городе условия своего личностного развития, формирует для себя образ города. Образ города — это продукт индивидуального сознания человека, основанный на опыте жизни в условиях того или иного городского пространства.

Жизненный успех личности в современном городе зависит от степени освоенности среды, коммуникабельности с ее акторами, от восприятия потенциальных городских ресурсов. Чем интенсивнее эта взаимосвязь и альтернатива источников развития, тем разнообразнее жизнь горожанина. От ресурсных возможностей города зависит самоопределение человека на жизненном пути. Условия городской среды влияют на его стратегии, профессиональный выбор, личную жизнь, здоровье, его настроение, интересы, любую деятельность в целом. Город для человека стал местом реализации своих жизненных планов, перспектив, амбиций и желаний. С городом связываются человеческие судьбы, выстраиваются приоритеты личностного развития. Иногда складывается впечатление, что города «руководят» людьми, диктуют им стиль, темп и условия жизни. Даже при том, что человек не выбирает место своего рождения, окружающее пространство способно повлиять на его судьбоносные решения. Человек либо принимает город, в котором живет, либо нет. География городских пространств предлагает субъекту особые условия жизни, связанные с комфортностью, наличием необходимой инфраструктуры, реализацией духовного потенциала человека и пр. Люди выбирают город для себя, формируют свое личностное пространство и реализуют себя в нем [Касаткина]. Средствами идентификации города как среды самореализации человека также является вербальный язык урбосферы.

Во-вторых, город — сфера интеграции человека в мировое социокультурное пространство. Город — открытая миру среда. Город помогает человеку включиться в мировые процессы, предоставляя возможности для развития, познания, усвоения различных умений и навыков. В городах располагается комплекс социокультурных факторов, интегрирующих личность в мир. Образование, наука, религия, здравоохранение, социальная сфера и другие компоненты ключевых сфер жизни располагаются в городах. Город — локус культуры в локальном и глобальном смысле. Культура каждого города, развиваясь вместе с человеком и обществом, опирается на многовековые результаты труда человечества, материального и духовного производства прошлых эпох. Единство достижений общества в городской культуре — точка соприкосновения человека с мировой цивилизацией. И это соприкосновение происходит не столько в физическом поле реальности, сколько в первую очередь в сознании, в смысловой интерпретации городской культуры. Опираясь на взгляд А.Я. Флиера, отметим, что «функции культуры как “фабрики” по производству смыслов социального Бытия представляют собой более или менее стихийную интеллектуальную деятельность людей по наделению наблюдаемых или представляемых явлений (что для общественного сознания равноценно) значениями, важными для освоения актуальной социальной ситуации (конъюнктуры) их жизнедеятельности. Это нужно для психологической адаптации людей в этой ситуации, их ориентации в социальном пространстве, конструирования объяснительных моделей сложности мира, выработки общего языка коммуницирования и т. п.» [Флиер]. Город — мир предметной сферы, смыслов и значений культуры; мир ценностей быта и ценностей бытия.

В современном городе человек включается в интенсив постоянных информационных потоков, в процесс воздействия на человека средств массовой информации и коммуникации. По их каналам извне горожане получают образцы и нормы, регулирующие жизнь. «В условиях перманентных социальных трансформаций личность оказывается на границе открытого и закрытого пространства, стремится сохранить индивидуальность, самобытность и безопасность, ориентируясь на социальную защиту со стороны государства и на собственные жизненные ресурсы» [Рыбалка: 6]. Помимо традиционных устоев культуры тенденции глобализации, виртуализации, гипертекстуальности, интерактивности городского пространства определяют город как условие интеграции человека в мировое пространство.

В-третьих, город — пространство развития индивидуальности человека. Город как социокультурная среда — один из источников формирования человеческой индивидуальности. «В качестве индивида человек живет и развивается в реальном социуме, в конкретной социально-исторической эпохе. Из этого следует, что социальные условия, в которых протекает жизнь, играют определяющую роль в формировании и развитии его индивидуальности» [Серова: 115]. Согласно теории Л.С. Выготского, человеческое поведение во многом определяется особенностями взаимодействия индивида с культурными формами конкретной общественно исторической эпохи [Выготский]. В городах отчетливо раскрываются признаки любой общественно-исторической эпохи, которые служат условиями конструирования смыслов урбосферы.

Жизнь в городе создает условия развития индивидуальности конструктивного и деструктивного характера. Город может быть средой, обеспечивающей полноценное развитие индивида, а также он способен разрушить процессы развития человека, нарушить гармоничную связь с пространством.

Иногда город расценивается как пространство негатива и принуждения, выглядит «чужбиной». Деструктивное влияние города может быть связано с разными факторами — плохой экологией, асоциальными условиями жизни и т. д. Город таит многие проблемы, порождающие стрессы и трудности для человека.

В большинстве случаев происходит положительное влияние города на человека, что способствует росту его индивидуального потенциала. Гармоничное взаимодействие человека с городом можно определить ноосферностью в конструировании города, что задается концептом разумности и его производных (видения, разумного делания, мышления) в практиках городской жизни. «Содержательное конструирование ноосферной антропологии осуществляется на принципах гуманизма, альтруизма, коэволюции, сложности сознания, широкой “специализации”, редегуманизации» [Меликян, Смирнов: 149]. Ноосферность — точка роста современных городов, являющаяся принципом понимания всевозможных привлекательных условий жизни в них, отвечающих за комфорт, гуманистичность, безопасность и другие качества среды.

Субстрат урбосферы состоит из элементов физического пространства города, также определяющих смыслы города. Ключевыми субстратными значениями являются общественные и частные пространства города. Проблема конструирования и обновления его территорий связана с осмыслением концепта и структуры урбосферы. Лишь разумное понимание концептуальных основ городского пространства и логический учет структурных характеристик, выраженных в многообразии отношений «человек — город — общество», является условием рациональной трансформации и модернизации городских территорий. Работа с субстратным уровнем города важна при планировании архитектурных и социальных изменений. Архитекторы и специалисты в области социокультурного проектирования среды используют методы сценарного проектирования и проектного прогнозирования. В городских исследованиях под «сценарием» понимается набор эпизодов средового поведения, объединенных сценарием или маршрутом движения. Из сценариев складывается социальная практика, включающая, в том числе повседневную и праздничную активность; массовые мероприятия и прогулки; занятия физической культурой и утренние пробежки т. п. Градостроительное планирование, используя сценарный план, рассматривается как прогнозная топологическая схема, на которой обозначены места, пешеходные пути и различные локации города. Городская среда выглядит «пространственным выражением события» в виде условной воображаемой схемы работы с конкретным пространством. «Формирование архитектурного пространства неизбежно включает конструирование эпизодов, сценариев и событий социальной практики. Вопрос заключается в том, насколько жестко мы регламентируем поведение будущих пользователей. В этом смысле сценарное проектирование находится в “позиционных боях” с гуманитарной философией и социальной наукой, которые неоднократно указывали на опасности примитивной “социальной инженерии”. И действительно, в городской среде значительная часть поведения непредсказуема — и в этом привлекательность и интрига городской жизни» [Крашенинников: 244]. Многообразие деталей городской жизни влияет на восприятие города, на ощущение городской атмосферы.

В качестве вывода по вопросу конструирования человеком смыслов города необходимо отметить необходимость понимания взаимосвязи концепта, структуры и субстрата урбосферы. Язык города реализуется во всех

перечисленных системно-семиотических значениях. Концептуальные основы города влияют на вопросы идентичности как конкретного города среди других территорий, его геокультурный потенциал, так и на человека в условиях городской среды. Город является особым способом бытия, в условиях которого развиваются важнейшие качества личности и индивидуальности. Город — сфера самореализации человека, путь становления его индивидуальности. Личность формирует антропогенный ландшафт города, субстрат урбосферы. Город для многих современных людей — это «естественная» среда жизни, привычное место — дом. Город можно считать институтом социализации человека. Одним из элементов конструирования города является городская повседневность. Город интегрируется в пространство мировой культуры. Город — фокус системных и семиотических процессов, происходящих в обществе, которые отражаются в жизни каждого горожанина. Видение города как триединства значений концепта, структуры и субстрата урбосферы раскрывает перспективы и возможности использования его как территории смыслов, порождающих новые социальные активности, преобразующие города.

Список литературы / References

- Выготский Л.С. Мышление и речь. Москва: Лабиринт, 1999. 352 с.
(Vygotskij L.S. Thinking and speech, Moscow, 1999, 352 p. — In Russ.)
- Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания. Омск: Амфора, 2019. 167 с.
(Gornova G.V. Urban identity: philosophical and anthropological foundations, Omsk, 2019, 167 p. — In Russ.)
- Дианов С.А., Дианова Ю.В. Геокультурный потенциал пермского города: стратегия, бренд, дизайн. Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2022. 224 с.
(Dianov S.A., Dianova Yu.V. The geocultural potential of the Perm city: strategy, brand, design, Perm', 2022, 224 p. — In Russ.)
- Касаткина С.С. Урбосфера: системно-семиотический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Архангельск, 2019. 37 с.
(Kasatkina S.S. Urbanosphere: system-semiotic analysis: abstr. of the diss. ... Doctor of Sciences (Philosophy), Arkhangelsk, 2019, 37 p. — In Russ.)
- Крашенинников А.В. Сценарное проектирование городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. № 4 (41). С. 242—256.
(Krashenninnikov A.V. Scenario design of the urban environment, *Architecture and Modern Information Technologies*, 2017, no. 4 (41), pp. 242—256 — In Russ.)
- Меликян М.А., Смирнов Д.Г. Ипостасные миры ноосферной антропологии: спонтанная дополнительность реальных и идеальных типов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 143—152.
(Melikyan M.A., Smirnov D.G. Hypostatic worlds of Noospheric Anthropology: spontaneous complementarity of Real and Ideal types, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 143—152. — In Russ.)
- Позднякова Е.Ю. Языковое пространство города: лингвокультурологическое описание // Сибирский филологический журнал. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoje-prostranstvo-goroda-lingvokulturologicheskoe-opisanie> (дата обращения: 25.04.2023)
(Pozdnyakova E.Yu. The linguistic space of the city: linguistic and cultural description, *Siberian Philological Journal*, 2009, no. 2. — In Russ.)

- Рыбалка Е.А. Пространственное бытие личности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2010. 57 с.
(Rybalka E.A. Spatial existence of personality: socio-philosophical analysis: abstr. of the diss. ... Doctor of Sciences (Philosophy), Rostov-on-Don, 2010, 57 p. — In Russ.)
- Серова Н.С. Индивидуальность в современном обществе. Барнаул: Графикс, 2019. 190 с.
(Serova N.S. Individuality in modern society, Barnaul, 2019, 190 p.— In Russ.)
- Тимофеев М.Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/goroda-i-regiony-rossii-kak-post-industrialnye-brendy> (дата обращения: 25.04.2023)
(Timofeev M.Yu. Cities and regions of Russia as (post)industrial brands, *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 2013, no. 5. — In Russ.)
- Флиер А.Я. Культура как «Фабрика» по производству смыслов: историческая динамика // Культура культуры. 2014. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/kulitura-kak-fabrika-po-proizvodstvu-smyslov-istoricheskaya-dinamika/> (дата обращения: 25.04.2023)
(Flier A.Ya. Culture as a “Factory” for the production of meanings: historical dynamics, *Culture of Culture*, 2014, no. 3 (3). — In Russ.)
- Языки глобального сознания / отв. ред. Г.С. Смирнов, Д.Г. Смирнов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. 516 с.
(Languages of global consciousness, ed. by G.S. Smirnov, D.G. Smirnov, Ivanovo, 2016, 516 p.— In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Касаткина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия, SvetlanaCH5@rambler.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna — Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, SvetlanaCH5@rambler.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 177—185.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 177—185.

Научная статья

УДК 78.01

DOI: 10.46726/И.2023.3.19

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЗНАНИЕ, ПОНИМАНИЕ И ПСИХОКОГНИТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Анастасия Николаевна Ковель

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, anastasiakovel25@gmail.com

Аннотация. Неоспоримость факта воздействия музыки на мировосприятие и сознание человека, на его психологическое состояние и, в связи с этим, на регулятивную функцию музыки, было отмечено еще в глубокой древности. В статье внимание сосредоточено именно на культурно-исторических и историко-философских аспектах формирования отношения к музыке. Прослеживаются также некоторые наиболее очевидные способы взаимовлияния музыки и человека, в частности, в связи с поиском ответа на вопрос: как аффективная природа музыки связана с когнитивными способностями человека? Анализируются результаты современных междисциплинарных исследований, проблемы познания музыки. Специальное внимание уделено практике использования музыки в терапевтических целях. Эта функция музыки, как показано в статье, никогда не понималась однозначно. Сам факт осознания и предписания музыке определенных терапевтических свойств свидетельствует о том, что музыка как феномен имеет собственные универсальные первоосновы, которые адаптивно развивались в соответствии с эволюционно развивающейся аудиальной системой человека. Сделан вывод о специфике аудиального восприятия, связанного с обработкой невербальной звуковой информации специальными мозговыми структурами. Обращается внимание на то, как изменялось отношение к музыке в различные исторические эпохи. Так, музыка рассматривалась как элемент коммуникативной практики людей, как выражение сакрального смысла действий религиозного содержания, их сопровождающих. В настоящее время музыка характеризуется с точки зрения ее культурно-исторического значения и философского смысла, формируя целое направление в развитии философского знания — философию музыки. На этом уровне анализа осуществляется переход от эстетического к эпистемологическому пониманию когнитивного смысла и значения музыки, к рассмотрению роли музыки в формировании целостной картины мира.

Ключевые слова: музыка, сознание, познание, понимание, аудиальное восприятие, музыкальная терапия

Для цитирования: Ковель А.Н. Музыкальные образы и их воздействие на сознание, понимание и психокогнитивное состояние человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 177—185.

© Ковель А.Н., 2023

2023. Вып. 3 •

Original article

MUSICAL IMAGES AND THEIR EFFECTS ON HUMAN CONSCIOUSNESS, UNDERSTANDING AND THE PSYCHOCOGNITIVE STATE

Anastasia N. Kovel'

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, anastasiakovel25@gmail.com

Abstract. The indisputability of the fact of the effect of music on human perception and consciousness, on his psychological state and, in connection with this, the regulatory function of music, was marked in antiquity. The article focuses on the cultural-historical and historical-philosophical aspects of the formation of attitudes towards music. Some of the most obvious ways of mutual influence of music and the human being are also traced, in particular in connection with the search for the answer to the question: how the affective nature of music is connected with human cognitive abilities? The results of contemporary interdisciplinary research on the problem of music cognition are analyzed. Special attention is paid to the practice of using music for therapeutic purposes. This function of music, as shown in the article, has never been understood unambiguously. The very fact of awareness and prescription to music certain therapeutic properties indicates that music as a phenomenon has its own universal primordial principles, which adaptively evolved in accordance with the evolutionary development of human auditory system. The conclusion is reached about the specifics of auditory perception associated with the processing of non-verbal sound information by special brain structures. Attention is drawn to how attitudes toward music have changed in different historical periods. Thus, music was considered both as an element of people's communicative practices and as an expression of the sacred meaning of the religious content actions that accompanied these practices. Currently, music is characterized in terms of its cultural and historical significance and philosophical meaning, forming a whole direction in the development of philosophical knowledge — philosophy of music. At this level of analysis the transition is made from an aesthetic to an epistemological understanding of the cognitive meaning and significance of music, to a consideration of the role of music in the formation of a holistic picture of the world.

Keywords: music, consciousness, cognition, understanding, auditory perception, music therapy

For citation: Kovel A.N. Musical images and their effects on human consciousness, understanding and psychocognitive state, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 177—185.

Введение

Существует связь между звуковым восприятием и тем музыкальным образом, который рождается в голове человека под воздействием музыки. Обращая внимание на эмоциональную сторону музыкального воздействия на восприятие и сознание человека, нельзя обойти вниманием и то, что отдельные звуковые сигналы — это еще не музыка, но звуковые образы, непосредственно связанные с конкретной деятельностью, ожидаемой от людей, которым эти сигналы предназначались. Например, заводской гудок — традиционная форма призыва на работу, распространенная в городах с развитой заводской структурой и характерная для середины прошлого века. Протяжный звук гудка оповещал трудящихся, что наступил трудовой день — время коллективного труда, завершение

которого также обозначалось гудком. Повторяемость практики такого рода оповещения формировала ассоциативное мышление людей, соотнося звук с конкретным образом — откликом на него в различных стадиях готовности человека к труду (подъем, сбор, передвижение по дороге к заводу и т. д.). Другим ярким примером звука-образа является сирена, столь же протяжная, длительная, но с нотами, вызывающими у человека ассоциацию с опасностью, следовательно, предостерегающими и побуждающими человека к осознанным действиям, связанным с самосохранением. Этот звук-образ понимался людьми, жившими в военной обстановке (например, в осажденном фашистами Ленинграде), как предостерегающий и одновременно нацеленный на мгновенное реагирование на него — «спасайся, как можешь!» — в подвале собственного дома, в бомбоубежище, в метро.

Таким образом, звуковой сигнал и создаваемый им образ не являются той музыкой, которую мы рассматриваем как сферу искусства. Такого рода звуки-образы не относятся и к какой-то особой области знания, однако их восприятие и адекватное понимание их смысла связано с проявлением когнитивных способностей человека, в частности с образным и ассоциативным мышлением. Причем звуки-образы, возникающие благодаря повторяемости такого рода звуковых сигналов, как раз и побуждают человека к конкретным действиям.

Музыка как феномен и как вид искусства с его историей, теорией и многочисленными формами, изучается теоретиками музыки и искусствоведами. Музыка в широком философском контексте рассмотрения достаточно сложный и многоаспектный объект исследования. Уже сама история зарождения музыки как сферы творчества или области реализации определенных когнитивных способностей человека имеет довольно длительный период становления и развития. Так, формирование отношения к музыке, определяемое исходя из традиционной для конкретной исторической эпохи философской позиции, отстаиваемой тем или иным мыслителем или философом, может рассматриваться в качестве философско-теоретической базы в построении философии музыки, в выдвижении ее оснований.

Для целей моего исследования важно начать рассмотрение с вопросов, касающихся понимания музыки как культурного феномена, обладающего определенным смыслом и содержанием. Поэтому, обращаясь к философам античности, выясним содержательные моменты их понимания музыки для того, чтобы в дальнейшем уяснить взаимосвязь первых опытов философского осмысления музыки — ее места и значения — с тем, что сегодня получает характеристику как целое философское направление.

Музыка в учениях античных философов

Одно из первых свидетельств понимания философского значения музыки и обоснования ее фундаментальных основ можно обнаружить у Пифагора. Так, признавая предметность мира и его изменчивость, Пифагор все же полагал, что в предмете сверх всех изменчивых состояний существует неизменное бытие, и, желая обозначить более определенным термином это неизменное бытие, он назвал его Числом. Обоснование этому он находил в описании сущности состояний предметов. Пифагор исходил из того, что состояния каждого отдельного предметов могут изменяться. Более того, все отличительные свойства предметов могут быть даже уничтожены, кроме одного лишь числового свойства, и предмет этого есть всегда «Один» предмет, и, если даже раздробить его на мельчайшие частицы, каждая частица будет «одна». Следовательно, никаким образом

нельзя уничтожить это числовое отношение (бытие) предметов мира. Эта идея легла и в основание его представлений о мироустройстве.

Согласно Пифагору, все небесные тела (всего их 10) расположены относительно друг друга в определенном гармоническом и числовом порядке. Эти небесные тела, находясь на взаимно пропорциональном расстоянии, движутся вокруг центрального огня и, совершая движения, издают определенного рода тона. Эти тона гармонически объединяются в Единое прекрасное, вечное и целое, составляя музыкально-числовой Космос. Таким образом, звучащее число — это нечто материально-телесное; оно осязаемо, фигурно и пластично.

Число, а также совокупность чисел (пропорции) лежат в основе представления о гармонии человека и его души, Природы и всего сущего. Мир представляет собой соединение двух противоположных начал: беспредельных космических сил творения и предельной человеческой природы. Связь таких противоположных начал есть гармония, выражающаяся в их числовой пропорции, что составляет сущность гармонии и мира. Гармония мироздания, души и тела, гармония музыкальных звуков есть суть одного и того же. В целом мы можем сказать, что философия Пифагора дает нам наиболее наглядный пример того, что можно назвать звуковой картиной мира, где все основывается и строится на представлении о природе звука, который выражается числом и его гармоничными пропорциями. Отсюда неудивительно, что музыка могла применяться для возвращения к первоначальной гармонии душевных сил человека, когда болезни души и тела рассматривались как отклонение от гармонии. Пифагор, как утверждал Ямвлих, обладал способностью слышать и понимать всеобщую гармонию и созвучие сфер — «пение более насыщенное и полнозвучное, чем у любого смертного» [Ямвлих: 52]. Лишь для своих учеников он решился открыть подобие звуков, создав сочетания диатонических, хроматических и энгармонических созвучий. Применяя разработанную им теорию созвучий, он мог с их помощью изменять текущее аффективное состояние на противоположное, «направлял каждую из этих страстей к добродетели с помощью соответствующих мелодий, словно с помощью правильно подобранных лекарств» [Там же: 51—52]. Это было наглядным примером эмоционально-аффективной реакции на музыку и терапевтические функции музыки, что в современной музыкальной терапии назвали бы лечением расстройств настроения. Другой пример: Пифагор приводил своих учеников в состояние бодрости и «освобождал их от сонного оцепенения, расслабленности и вялости» с помощью особых мелодий, исполняемых на лире, или напевов. [Там же: 52].

Платон исследовал воздействие музыки на человека с точки зрения ее воспитательной роли. В согласии со своей концепцией об идеальном государстве он подчеркивает особый статус музыки и ее решающую роль в «правильном» воспитании добропорядочного гражданина (отводя главную роль мусическому виду воспитания по сравнению с гимнастическим). Платон говорит следующее: «оно всего более проникает вглубь души и всего сильнее ее затрагивает; ритм и гармония несут с собой благообразие, а оно делает благообразным и человека» [Платон: 201]. Здесь можно констатировать отсылку к эмоционально-аффективной реакции на музыку. Под воспитательной функцией музыки, согласно морально-общественным принципам предполагающей борьбу с распушенностью нравов, чрезмерной размягченностью психики посредством обучения музыке (получения знаний о ритмах и гармонии, уместности употребления

ладов и т. д.), можно усмотреть терапевтическую функцию музыки, нацеленную на регуляцию когнитивного, психического и эмоционального состояния.

Платон выделяет дорийский лад для мирной жизни — он обладает сдержанностью и необходимой строгостью, а для военного времени и неординарных событий предпочтительней фригийский лад. Это свидетельствует о том, что философ признавал не только аффективную роль музыки в целом, но и подмечал взаимосвязь между конкретными музыкальными ладами и их влиянием на психокогнитивное состояние человека.

Признавал влияние музыки на человека также и Аристотель. В своем учении о музыкальном воспитании он более конкретен и четко оговаривает, какие музыкальные инструменты не должны присутствовать в образовательном процессе и почему. Особенно нежелательным он называет флейту, так как она не влияет на нравственные свойства, но порождает экзатичность и оргазм, то есть чрезмерно возбужденное состояние психики, не одобрявшееся греками (кроме ритуалов дионисийского культа), и не способствующее умственному развитию, познанию. Музыкальные лады Аристотель воспринимает как образцы для активации определенных психоэмоциональных состояний. Он выделяет три вида мелодии в соответствии с тремя ладами. Этические — мелодии, воздействующие на моральные свойства человека (дорийский, лидийский лады). Практические — мелодии, пробуждающие деятельность (гиподорийский, гипофригийский лады). Энтузиастические же ввергают в восторг (фригийский лад) [Аристотель: 637—638]. Кроме того, интересными представляются попытки Аристотеля характеризовать звуки в их слышимом качественном значении («О душе», «Толика»). Также значимым является его учение о форме, согласно которому форма не сводима к отдельным чувственным восприятиям, а форма соотношения тонов (чувственно слышимое) не сводима только к последним, а выходит за пределы такого восприятия. Форма соотношения тонов по Аристотелю есть самостоятельное качество, в постижении которого уже требуются интеллектуальные акты [Лосев: 49—50].

Таким образом, уже античному сознанию было присуще представление об аффективной природе музыки и звука, а способы направления страстей в благообразное (добродетельное) состояние посредством правильно подобранных мелодий (включая ритм, гармонию, лад), можно сравнить с современными терапевтическими методами коррективы эмоционально-поведенческих расстройств, расстройств настроения.

Влияние музыки на когнитивные способности человека, восприятие и понимание

Современные достижения в области исследования музыкального познания, а также результаты междисциплинарных разработок (включающие такие дисциплины, как психология, нейронауки, биологические науки, искусствоведение) принесли свои плоды для понимания аффективной природы музыки и позволили по-новому взглянуть на проблему воздействия музыки на человека.

Философский подход к исследованию музыкального опыта основан на классическом когнитивном подходе к восприятию, где процессы сознания в основном понимаются в терминах репрезентаций. Согласно традиционной картезианской установке, репрезентации могут быть определены как символы, образы или нейронные конфигурации, используемые для создания в нашем сознании виртуальной копии мира, что подчеркивает американский философ Даниэль Хьютто [Hutto]. Эти информационные структуры мозга

позволяют нам осмысливать объекты нашего восприятия. Реальный мир предоставляет нам поток информации, которую мы интерпретируем, и тем самым формируем представление о нем. Поэтому то, что мы осознаем, — это не реальный мир в его буквальном смысле, а скорее его внутренняя копия в нашем сознании. Джерри Фодор отстаивал принцип «методологического солипсизма», согласно которому ментальные свойства агента могут быть определены только на основе конкретных ментальных состояний или через их отношения с другими внутренними состояниями, не рассматривая мир, в который встроен агент [Fodor].

В русле когнитивной тенденции возникло направление когнитивного музыковедения, которое связано с лингвистическими исследованиями и вычислительным подходом в области искусственного интеллекта. На этом фоне возникли лингвистические направления исследований, например, музыкальная семиотика — изучение музыкальных знаков и их значения. В комбинации с теорией знаков Чарльза Пирса и в сочетании с классическим представлением Фодора о модулярности сознания — эти направления можно объединить с масштабным поиском, осуществляемым современной музыкальной психологией, цель которой состоит в том, чтобы составить карту (схему) специализированных областей мозга, участвующих в обработке музыки, что в конечном итоге должно обеспечить универсальное понимание музыкальных способностей человека [Matyja, Schiavio]. Существует мнение, что несколько специальных отделов мозга отвечают за различные музыкальные подфункции, такие как восприятие высоты тона и темпа — они представляют собой настоящую иерархическую структуру кодирования музыкальных импульсов (звуков) [Peretz, Coltheart]. Однако данная радикальная теория подверглась критике как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне.

Когнитивное направление выступает за существование ментальных репрезентаций, определяемых функционально связанными механизмами мозга, где когниция — познавательный процесс, совокупность психических, ментальных, мыслительных процессов, в ходе которого происходит обработка сенсорных данных. Последние, поступая в мозг, трансформируются в виде ментальных репрезентаций разного типа: визуальных образов, телесных ощущений, сценариев и т. д. Сенсорное восприятие может иметь значение в том случае, когда оно связано с другими видами восприятия или опыта, которые возникают в том же контексте. Это справедливо для слухового восприятия, когда в ходе одного события активируются одновременно два или более сенсорных канала, возникает функциональная связь между ними.

Новое восприятие, новый элемент знаний или новый опыт могут закрепиться в мозге только тогда, когда паттерн активации, созданный вновь полученным стимулом, может быть связан с существующими паттернами взаимосвязей и соответствующими паттернами активации. Так, имеющийся у мозга на данный момент запас знаний и опыта обеспечивает основу для восприятия и усвоения новых входных данных. Новое сенсорное впечатление и новый опыт, в том числе и музыкальный, должны пройти процесс связывания с существующими схемами взаимосвязи, ассоциироваться с тем, что было раньше, и, наконец, интегрироваться. Когда такой процесс проходит успешно, усвоенный паттерн сам становится частью основы для всех последующих процессов соединения и ассимиляции [Huther].

С этой точки зрения музыкальный образ — это комплекс сенсорных стимулов, которые в ходе когнитивных процессов обрабатываются

и соотносятся с уже имеющимися знаниями и опытом, приобретенными и усвоенными человеком, и, наконец, трансформируются в виде ментальных репрезентаций различного вида, будь то ассоциативный отклик в виде воспоминания, фантазийный визуальный образ, сцена из фильма или книги, высказанное когда-то мнение знакомого или знания полученные на уроках музыки. На индивидуальном уровне восприятия подобные репрезентации могут выступать как формирующая и смыслообразующая основа для конкретного музыкального образа. Создание музыкального образа — результат когнитивного процесса, в ходе которого одновременно происходит его наполнение определенным смыслом. Подобные образы, возникающие в результате работы когнитивной системы, представляются сугубо индивидуальными, и в этом кроется трудность обобщенного понимания и интерпретации их смысла, обобщенная неопределенность. Однако объединяющим началом являются: сенсорная система человека в целом, аудиальная система восприятия и обработки звука, когнитивная система и когнитивные процессы и, наконец, физиология самого звука. Ментальные репрезентации могут отличаться друг от друга в зависимости от воспитания, приобретенного опыта, знаний, психотипа, текущего эмоционального фона, культуры и т. д., но так ли кардинально будет отличаться понимание музыкального образа в целом? Например, музыкальный образ первой части «Лунной» сонаты Бетховена, как бы он не выражался, будет отличаться от образа третьей части.

Такой подход к пониманию как проявлению когнитивных способностей человека, к освоению скрытой методологии процесса познания, выявлению внутренних механизмов познания, которые соответствуют уровню имеющихся знаний, присущ такому направлению философской герменевтики, как когнитивная герменевтика, где «философская рефлексия, касающаяся любых форм-выражений, например, религиозных символов, мифов или произведений искусства также оказывается в поле зрения философского герменевтического подхода» [Шульга: 137].

Примером, подтверждающим наличие неких универсальных основ музыки, которые базируются на общей для всех сенсорной и аудиальной системе восприятия и проявляются в ее способности воздействовать на сознание и психокогнитивное состояние человека, является практика музыкальной терапии. Как современная медицинская специальность она зародилась после Второй мировой войны и с тех пор выработала широкий круг подходов к использованию музыки в лечении. Среди прочего она применяется при эмоционально-поведенческих расстройствах или расстройствах настроения, повреждениях мозга (например, восстановление после инсульта, болезни Альцгеймера), физических и когнитивных нарушениях, а также в развитии самооценки и коммуникативных навыков. Попробуем разобраться, как это происходит, какие механизмы задействуются в этом процессе.

Известно, что музыка, как и речь, используется во всех культурах в качестве средства коммуникации, помогает организовать социальную жизнь и объединять членов социальных групп. Поэтому музыкальная терапия, как и разговорная, опирается на традицию психосоциальной терапии, используемой для помощи в реабилитации и реинтеграции членов группы. С помощью свободных, (частично) структурированных звуковых импровизаций и различных рецептивных методик пациенты получают возможность невербально осознать свои чувства и конфликты, а также выразить их. Осознанное понимание этих аспектов затем закрепляется на последующих консультациях.

Зачастую терапия музыкой используется с целью разрешения внутреннего напряжения и стимулирования эффектов резонанса и гармонизации, которые могут предотвратить распространение и обострение состояний страха и возбуждения. Для достижения этих успокаивающих результатов особое значение имеют три фактора: узнаваемость, ритм и порядок. Знакомая музыка позволяет установить ассоциативные связи с внутренними образами, которые вызывают чувство безопасности и уверенности у пациента. Когда пациент усваивает ритм и использует его как инструмент для внутренней работы, это может вызвать резонансные явления большой силы. Возникают эффекты синхронизации, которые исходят из слуховых областей коры головного мозга и распространяются на ассоциативные и моторные области. Таким образом, паттерны активности, генерируемые в разных региональных сетях мозга, синхронизируются и гармонизируются друг с другом. Этот эффект, по мнению немецкого нейробиолога Г. Гютера, проявляется как объединение мыслей, чувств и действий, как на индивидуальном уровне, так и в группе, объединенной общим ритмом [Huther 124–125].

Терапевтический опыт показывает, что ровная, устойчивая ритмическая структура передает чувство безопасности и непрерывности. Тот темп, который мы находим наиболее успокаивающим в музыкальных произведениях, соответствует нормальной частоте спокойного пульса — 60 ударам в минуту. Это знание глубокой древности. Все культуры используют его в своих колыбельных песнях, а также в более современной эзотерической или медитативной музыке.

Отметим также, что вопросами корреляции биологических ритмов и ритмов музыки занимается такая дисциплина, как хронобиология. Предполагается, что комплексное воздействие музыки вызывает реакции на всех возможных уровнях: от субъективных высказываний самих слушателей об их психологических реакциях до физиологических реакций, биохимических изменений, иммунологических реакций. Например, Бальцер, рассматривая ритмическую структуру музыкального произведения в корреляции с регуляторными процессами в биологических системах и ритмами, утверждает, что музыкальный ритм стимулирует процессы синхронизации у слушателя. Когда биологические ритмы, которые интегрированы в музыку композитором и исполнителем, начинают синхронизироваться с ритмами слушателя, последний зачастую может воспринимать музыку как приятную [Balzer: 68—76]. Действительно общепризнано, что музыканты, певцы, которые в процессе своей профессиональной деятельности становятся единым целым с музыкой, способны продолжать работу в течение длительного времени. Часто такие исполнители могут достигать состояния транса, которое представляет собой особенно высокую степень синхронизации (примеры которой мы можем найти еще в глубокой древности).

Заключение

Общеизвестно воздействие музыки на формирование мировосприятия, на сознание и психокогнитивное состояние человека. Музыка, как было продемонстрировано в данной статье, это биологически мощная «преобразующая технология разума» [Patel: 599], которая преобразует мозг таким образом, что дает всевозможные физические, когнитивные и социальные преимущества тем, кто вовлечен в нее. С древнейших времен ее особые аффективные свойства были подмечены людьми и интуитивно использовались, например, с целью координации действий, успокоения толпы, корректировки эмоционального фона и т. д. В то же время культурно-историческое значение музыки, ее философский смысл выходят за рамки описания ее роли в управлении аффективным состоянием.

Процесс когнитивной деятельности, его изменения под влиянием музыки связаны с порождением нового смысла, следовательно, предполагает понимание музыки и интерпретацию смысла создаваемых музыкой образов. Понимание и интерпретация музыкальных образов выводят исследователей на философский уровень, делая актуальным рассмотрение этих вопросов в рамках когнитивной герменевтики, что, в конечном итоге имеет значение не только для понимания специфики музыкального творчества, но и для познания в целом, способствуя созданию целостной картины мира человека.

Список литературы / References

- Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
(Aristotle. The works in 4 vols, Moscow, 1983, vol. 4, 830 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Античная музыкальная эстетика. М.: ГМИ, 1960. 304 с.
(Losev A.F. Antique musical aesthetics, Moscow, 1960, 304 p. — In Russ.)
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
(Plato. Collected works in 4 vols, Moscow, 1994, vol. 3, 654 p. — In Russ.)
- Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.
(Shulga E.N. Cognitive hermeneutics, Moscow, 2002, 235 p. — In Russ.)
- Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. И.Ю. Мельниковой, М.: Алетея, 2002, 192 с.
(Iamblichus' Life of Pythagoras, transl. by I.Iu. Mel'nikova, Moscow, 2002, 192 p. — In Russ.)
- Balzer H.-U. Chronobiology — as a foundation for and an approach to a new understanding of the influence of music, *Music that works. Contributions of biology, neurophysiology, psychology, sociology, medicine and musicology*, Springer-Verlag, 2009, pp. 25—82.
- Fodor J. Methodological solipsism considered as a research strategy in cognitive science, *Behavioral and Brain Sciences*, 1980, vol. 3, no. 1, pp. 63—73.
- Huther G. The significance of exposure to music for the formation and stabilisation of complex neuronal relationship matrices in the human brain: implications for the salutogenetic effects of intervention by means of music therapy, *Music that works. Contributions of biology, neurophysiology, psychology, sociology, medicine and musicology*, Springer-Verlag, 2009, pp. 119—130.
- Hutto D. Mental representation and consciousness, *Encyclopedia of consciousness*, ed. by W.P. Banks, vol. 2, Oxford: Elsevir, 2009, pp. 19—32.
- Matyja J.R., Schiavio A. Enactive Music Cognition: Background and Research Themes, *Constructivist Foundations*, 2013, vol. 8, no. 3, pp. 351—357.
- Patel A.D. Music, Biological Evolution, and the Brain, *Emerging Disciplines*, ed. by M. Bailar, Houston, TX: Rice UP, 2010, pp. 91—144.
- Peretz I., Coltheart M. Modularity of music processing, *Nature Neuroscience*, 2003, vol. 6, no. 7, pp. 688—691.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Ковель Анастасия Николаевна — соискатель, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, anastasiakovel25@gmail.com

Kovel' Anastasia Nikolaevna — PhD candidate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation, anastasiakovel25@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 186—192.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 186—192.

Научная статья

УДК: 340.12, 17.023

DOI: 10.46726/И.2023.3.20

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ РАЗЛИЧИИ МОРАЛИ И ПРАВА

Мария Владимировна Пырина

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева;

Уральский Федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, m.v.pyrina@usla.ru

Аннотация. Актуальность проблемы различия права и морали обусловлена динамичным развитием правовой сферы в силу современных достижений в области информационно-компьютерных технологий и когнитивных наук, биоинженерии, медицины. Феноменология как методология философии оказала влияние на исследование права. В отличие от классического понимания права и морали в рамках субъект-объектной модели современные исследования права не сводят воедино все формы существования права, но, наоборот, дифференцируют их сущности по разным онтологическим регионам. Кроме того, для исследования права вводится дополнительный принцип интерсубъективности. Анализу подвергаются отношения между Я и Другим. Дело в том, что в современной философии методологический принцип интерсубъективности оказывается одним из ключевых при выявлении отличительных признаков права и морали в онтологическом ракурсе их исследования. «Онтологический поворот» в философии сместил акцент исследования с субъект-объектной модели, описывающей бытие как статичное и неизменное, на процесс его становления, заменяя понятие Бытие понятием Событие. Амбивалентность события раскрывается возможностью определения смысла события и одновременно с этим постоянного откладывания определения его абсолютного значения, позволяя формироваться иному смыслу события. Темпоральность как одна из характеристик события оказывает влияние на определение права и морали, а также появляется возможность по-новому осмыслить различие права и морали. Так, онтологическое различие права и морали обусловлено различными типами временности.

Ключевые слова: мораль, темпоральность права, феноменология, онтологический поворот, правовое событие, амбивалентность события, темпоральность морали

Для цитирования: Пырина М.В. К вопросу об онтологическом различии морали и права // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 186—192.

Original article

THE QUESTION OF THE ONTOLOGICAL DIFFERENCE BETWEEN MORALITY AND LAW

Maria V. Pyrina

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, m.v.pyrina@usla.ru

Abstract. The problem of differentiation between law and morality is due to the dynamic development of the legal sphere and the rapid development of science and technology, achievements in the field of information and computer technologies, cognitive sciences, bioengineering, medicine. In contrast to the classical understanding of law and morality within the framework of the subject-object model, modern studies of law do not bring together all forms of the existence of law, but differentiate their essences according to different ontological regions. The phenomenological approach influenced the further perspective of the study of law. The principle of intersubjectivity is introduced to study law. Therefore, the relationship between the Self and the Other is analyzed. The fact is that in modern philosophy this methodological principle of intersubjectivity is one of the key ones in identifying the distinctive features of law and morality in the ontological perspective. Ontological turn in philosophy has shifted the emphasis of research from the subject-object model, which describes being as static and unchanging, to the process of its formation, replacing the concept of Being with the concept of Event. The ambivalence of the event is revealed by the possibility of determining the meaning of the event and at the same time constantly postponing the determination of its absolute value, allowing a different meaning of the event to be formed. Temporality, as one of the characteristics of an event, influences the definition of law and morality, as well as the opportunity to rethink the difference between law and morality. The ontological difference between law and morality is due to different types of temporality.

Keywords: morality, law, phenomenology, Legal event, ambivalence of the event, temporality of morality and law

For citation: Pyrina M.V. The question of the ontological difference between morality and law, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 186—192.

В современном обществе вопрос о соотношении права и морали вновь становится актуальным в силу стремительного развития новых междисциплинарных отраслей научного знания и собственно правовой сферы. Достижения в области информационно-компьютерных технологий и когнитивных наук, разработка новых технологий в биоинженерии, медицине и трансплантологии, а также процессы глобализации в политической, экономической и других сферах влекут за собой появление новых форм взаимоотношений между субъектами права, нового понимания субъекта права и правовой нормы. Как отмечает В.Н. Синюков, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе МГЮА имени О.Е. Кутафина: «особенность нынешних перемен, отличающая их от всех предшествующих эпох, состоит в том, что новый технологический уклад изменяет не только привычный образ жизни, но и природу правового регулирования» [Синюков: 10]. Современные дискуссии о природе права в философско-теоретическом плане связаны с проблемой классического, неклассического и постнеклассического представления о праве и морали.

Классическое представление о праве формируется на основе новоевропейского стиля мышления, выстроенного с помощью рационального метода

исследования. Суть данного метода заключается в поиске непререкаемых основ индивидуального бытия человека, сформулированных по законам логики. В рамках субъект-объектной парадигмы право рассматривается как независимый от сознания субъекта объект познания, наделенный разумом и волей. Познание права осуществляется за счет рациональной деятельности субъекта, обнаруживающего, благодаря универсальному методу, истинные черты и характеристики права, а также формирующего его исчерпывающее описание, соответствующее объекту. Критика классического подхода в понимании права может быть охарактеризована следующим образом: «правовое знание, добытое так, отграничивается не только от мнения и суждения, но и от всех случайностей и жизненных ситуаций с целью получения “объективной” картины правовой реальности» [Ульмер-Байтеева: 166].

Современные философы и правоведы указывают на недостатки и противоречия классического понимания права. Классический подход дает представление только об одной стороне права: его идеального воплощения в должествовании. Кроме того, философская мысль Нового времени разделяла познающего субъекта на эмпирического и трансцендентального, тем самым показывая объективность знания в неискаженном виде: «право в акте восприятия было “дано” эмпирическому сознанию» [Стובה: 405]. Для решения вопроса об объективном соответствии права и его представления субъектом, необходимо было включить в познавательный процесс трансцендентальный уровень рефлексии. На этом уровне сознание субъекта имеет полное и непротиворечивое содержание об объекте познания, не нуждается в проверке, поскольку содержание объекта познания постигается непосредственно в идеальном мире трансцендентальным сознанием субъекта. В этом смысле субъект мог получить объективные знания о праве, тогда как право и мораль обладают характеристиками должествования, которые отличаются лишь формой выражения. Так, И. Кант отмечает, что «внешние законы можно разделить на естественные, обязательность которых может быть познана разумом без внешнего законодательства, и положительные, которые обязывают через действительное внешнее законодательство» [Кант: 133]. Следовательно, естественные правовые законы связаны с моралью личности. О взаимосвязи права и онтологии человеческого бытия рассуждает Г. Гегель, полагая, что «мораль, нравственность, государственный интерес представляют собою, каждое в отдельности, особое право, так как каждая из этих форм есть определение и наличное бытие свободы» [Гегель: 90]. Философ указывает на то, что мораль, нравственность, а также государственный интерес являются разными формами права. По мысли Г. Гегеля, бытие человека в сфере морали осуществляется в образах мысли, умонастроениях и намерениях, являясь субъективной обязанностью, что означает неполный и случайный характер исполнения данной обязанности. Абсолютного единства право и обязанность достигают в нравственной сфере.

Примером критического осмысления классического подхода в понимании права выступает феноменология права. Изучение права в рамках классического подхода возможно лишь как идеального феномена, тогда как для Э. Гуссерля «значение любого априори заключается в реальности его существования» [Ульмер-Байтеева: 187]. Другими словами, понимание права как идеального феномена должно быть дополнено теми характеристиками, которые раскрываются в различных формах его существования в эмпирическом мире. Необходимо заметить, что идеальность права как особого вида реальности выступает результатом духовной деятельности субъекта и не может

самостоятельно реализовать себя или раскрыть свой смысл и значение без деятельности субъекта. В рамках феноменологического подхода понимание и признание права происходит за счет эйдетической редукции — заключения в скобки духовной сферы. Субъект права является не отстраненным наблюдателем, но непосредственным участником процесса восприятия. Сознание субъекта интенционально, что «означает не представление права в качестве предмета, а обращение к нему, когда мы его переживаем, демонстрируем к нему свое отношение, думаем о нем, делаем высказывания о нем или аргументируем, выражаем в действиях или мотивах, словом, понимаем» [Там же: 182]. В этом смысле понимание права субъектом выражается в определении предметной конструкции права и его структуры, которые в свою очередь раскрывают онтологический статус.

Благодаря феноменологической редукции мы можем обнаружить онтологическое отличие между правом и моралью. Э. Гуссерль предлагает различать мораль и право онтологически. «Если мораль как формально-идеальный конструкт просто предписывает, как следует себя вести, то право чувствуется — самовыражается чувствующим, и как очевидное для человека добровольно исполняется» [Husserl: 105]. Феноменологический подход в исследовании права демонстрирует, что интенциональные содержания восприятия преобразуют и представляют разными способами один и тот же правовой феномен. Отсюда и многообразие в выражении предметной формы существования права: нормы права, выраженные в тексте, действия, акты суждения и аргументации. Феноменологическое исследование права не сводит воедино все формы существования права, но, наоборот, дифференцирует их сущности по разным онтологическим регионам. Кроме того, в отличие от классического подхода для исследования права добавляется принцип интерсубъективности, т. е. анализу подвергаются отношения между Я и Другим. Отсюда акцент в исследовании права делается на анализ и интерпретацию ценностных и смысловых значений высказывания участников коммуникации, что позволяет определять право не как идеальную данность, но как становящуюся и динамично развивающуюся систему. Право исследуется не только в его идеальном/сущностном проявлении (как в естественно-правовом подходе) и не только в его нормативной форме, но в признании языка как подлинной реальности права. Это позволяет установить соответствие идеального и материального планов, «подобно знаку и значению (благодаря чему оказывается возможным коммуникативно-дискурсивное обоснование правовых принципов и норм)» [Максимов: 114—115]. Феноменология повлияла на дальнейший ракурс исследования права. В современной философии данный методологический принцип интерсубъективности оказывается одним из ключевых при выявлении отличительных признаков права и морали в онтологическом ракурсе их исследования.

Критика новоевропейского детерминизма, постулирующего объективную и закономерную причинно-следственную связь процессов и явлений реального мира и позволявшего выделить предсказуемый результат, сменяется описанием нелинейных процессов, сочетающих стабильные и нестабильные системы. Ученые и философы показали, что явления окружающего мира, в том числе и социальные процессы, не поддаются полному контролю и регулированию в связи с их качествами взаимодополнительности и многомерности. И.Л. Честнов, характеризуя современную юридическую картину мира, выделяет многомерность права в качестве принципа научной рациональности. Многомерность права заключается в несводимости права к единственному модусу бытия

права, а именно — к норме или правосознанию, или правоотношению, или правовой культуре. «Право (система права), прежде всего, включает человека, производимые им знаки, в которых означиваются и осмысливаются действия и их результаты» [Честнов: 105]. Значимым становится диалог, в контексте которого происходят действия или высказывания субъектов. Право воспроизводится во взаимном признании субъектов друг другом в диалоге. Так, право кроме собственно юридического значения становится средоточием экономического, политического, культурно-исторического содержания эпохи. Развенчание принципов новоевропейской философии связано и с верой в научную рациональность права, стремлением выработать и установить эффективный механизм социального управления и контроля, упорядочивающий отношения между людьми. Для характеристики современного правопонимания как философы, так и теоретики права обращаются к принципу релятивизма. Право осуществляется, воспроизводится и действует не самостоятельно как универсальный регулятор правоотношений, но постольку поскольку действует субъект права, соблюдающий нормы права. На действия и высказывания субъекта оказывает влияние правовая культура, мировоззрение, нравственные принципы и идеалы. Классическое понимание новоевропейской рациональности сменяется принципом онтологического релятивизма, который понимается как отсутствие универсальных, неизменных как научных, так и моральных критериев в определении права, свободы, справедливости. Поскольку «социальный мир текуч, изменчив, стохастичен, подвержен постоянным флуктуациям, коих становится все больше и больше в эпоху постиндустриального общества, а потому и невозможно аподиктическое знание о таком обществе» [Честнов: 614]. Критерием, обеспечивающим правовую легитимность, становится диалог участников, стремящихся передать неискаженно понимание ценностей, моральных принципов и т. д.

«Онтологический поворот» в философии сместил акцент исследований с субъект-объектной модели, описывающей бытие как статичное и неизменное, на процесс его становления, заменяя понятие Бытия понятием События. Событие характеризуется возможностью раскрытия своего смысла, но одновременно с этим событие оказывается сокрытым от его абсолютного определения. Подобная амбивалентность события «раскрывается во временности события» [Котелевский: 16], позволяя формироваться иному смыслу события. «Само откладывание различия и есть временность, и также как различие откладывает себя, так же и временность откладывает в смысле возможной фиксации задним числом какого-либо типа временности, историчности» [Там же]. Включение темпоральности как одной из характеристик события оказывает значительное влияние на различие права и морали.

Для определения права и его особенностей задается вопрос: «как возможно регулирование той или иной сферы деятельности субъекта?», иначе говоря «как право реализуется?» или «как право представлено», а не вопрос «что есть право?». Формулировка последнего вопроса характерна для классического правопонимания, в основе которого находится субъект-объектная модель, отсылающая к поиску неизменной сущности объекта и субъекта исследования. Однако современная онтология отказывается от субъект-объектной модели, перенося вопрос о праве из сферы сущего в сферу бытия, тем самым вскрывая темпоральные характеристики права и морали. А.В. Стомба определяет время права как «зазор между деянием и его правовыми последствиями» [Стомба: 399]. Деяние и правовое последствие сосуществуют, выступая навстречу друг

другу. Тогда как для морали характерна интерпретация времени как обратимого, поскольку «моральное деяние, в отличие от правового, направлено не на как-бытие-с, но на кто-бытие-с...» [Там же]. Обратимый характер обусловлен личностным отношением Я—Ты. Мораль исходит из сущего личности и направлена на сущность того, *кто* совершил определенное действие или высказывание. Ханна Арендт в работе «*Vita activa, или О деятельной жизни*» определяет акт прощения как новое начало, которое может освободить человека от невыполнения обязательства и одновременно восстановить межличностные отношения. Акт прощения направлен на субъекта, на его сущность, а не на его действие. В свою очередь право облечено в институциональные формы и направлено на действие субъекта. Поэтому и субъект в современной онтологии — это «экзистирующая сиюбытность как-бытия-с Другим», он «не познает право, но испытывает его в своем бытии» [Там же: 406]. Субъект обладает правовой формой существования, он захвачен правовым событием. Правовое событие — это исток права — свершающееся посредством действия и его последствия, которые наделяют сущее правовым способом бытия.

Следовательно, онтологическое различие права и морали обусловлено различными типами временности. Правовое событие, обладающее амбивалентной характеристикой открытости смысла и его постоянно откладывающейся фиксации, позволяет рассмотреть современное право не в статичной форме, а в моменте его трансформации.

Таким образом, в статье выделены представления о взаимосвязи права и морали в рамках классического новоевропейского подхода и рассмотрены современные подходы к исследованию природы права. А также показано критическое осмысление классического подхода в понимании права и морали в рамках феноменологии права. Для постнеклассического правопонимания характерным становится исследование правового события в динамике его изменений. Появление новых форм взаимоотношений между субъектами права в связи с разработками информационно-компьютерных технологий, биоинженерии, формирование правовых отношений в процессах цифровизации и виртуализации ведет к формированию новой правовой системы, где пока заданы только ключевые этические, моральные принципы. Так, В.Н. Синуков замечает, что «в цифровом праве классическое право сведено к минимуму, фактически к признакам признания и эффективности (этичности)» [Синуков: 13]. Отсюда вопрос о соотношении морали и права вновь становится значимым как для юриспруденции, так и для философии. Именно в рамках современной онтологии исследуемый предмет раскрывается в моменте его преобразования, где вопрошание о праве не сводится к его нормативной стороне, но ведет к поиску новых определений права, морали, ответственности, справедливости и свободы. А кроме прочего, к вопрошанию о «подлинно человеческой жизни души, к вопрошанию, которое — до [derrière] ответственности и в качестве ее последней мотивации, есть вопрос о праве на бытие» [Левинас: 34—35].

Список литературы / References

- Гегель Г.Ф.В. Философия права. М.: Мысль, 1990. 526 с.
(Gegel' G.F.V. Philosophy of law, Moscow, 1990, 526 p. — In Russ.)
- Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
(Kant I. Collection of works in 6 vols., Moscow, 1965, vol. 4, pt. 2, 478 p. — In Russ.)

- Котелевский Д.В. Грани новой онтологии // В поисках новой онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 7—25.
(Kotelevskij D.V. Facets of a new ontology, *In search of a new ontology*, Ekaterinburg, 2004, pp. 7—25.)
- Левинас Э. Заметки о смысле // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. 288 с.
(Levinas Je. Notes on the meaning, *(Post)Phenomenology: New phenomenology in France and beyond*, Moscow, 2014, 288 p. — In Russ.)
- Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. С. 114—115.
(Maksimov S.I. Legal reality: the experience of philosophical reflection, Kharkov, 2002, 328 p. — In Russ.)
- Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex russica. Закон русский*. 2019. № 9 (154). С. 13.
(Sinjukov V.N. Digital law and the problems of stage-by-stage transformation of the Russian legal system, *Lex russica. Russian law*, 2019, no. 9 (154), p. 13. — In Russ.)
- Стовба А.В. Темпоральная онтология права // Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 377—416.
(Stovba A.V. Temporal ontology of law, *Postclassical ontology of law*, ed. by I.L. Chestnova, St. Petersburg, 2016, pp. 377—416. — In Russ.)
- Ульмер-Байтеева М.В. Правопонимание в контексте постклассической онтологии // Постклассическая онтология права. СПб., 2016. С. 163—217.
(Ul'mer-Bajteeva M.V. Legal understanding in the context of postclassical ontology, *Postclassical ontology of law*, St. Petersburg, 2016, pp.163—217. — In Russ.)
- Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алф-Пресс, 2012. 650 с.
(Chestnov I.L. Postclassical theory of law, St. Petersburg, 2012, 650 p. — In Russ.)
- Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil 1905—1920, *Husserl E Gesammelte Werke*, Haag, 1973, Bd. 13, 105 s.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Пырина Мария Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; доцент кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, m.v.pyrina@usla.ru

Pyrina Maria Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Sociology, Ural State Law University n. a. V.F. Yakovlev; Associate Professor of the Department Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University n. a. B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, m.v.pyrina@usla.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке
(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с приставным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]

[Иванов: 35], [Smith: 35]

[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинды (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2. URL: http://hylaea.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).

(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age, N.Y.: Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;

- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научного или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие **этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.**

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИВГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);

- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2023. Вып. 3

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 27.09.2023 г.
Формат 70 × 1081 /16. Уч.-изд. л. 14,8. 25,1 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год